

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

ТУАРМЕНСКИЙ Алексей Владимирович

**ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Фурс Людмила Алексеевна

Тамбов 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ	
ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	
	12
1.1. Характеристика дипломатических отношений	
в общественных науках	12
1.2. Дипломатические отношения как объект исследования	
в лингвистике	22
1.3. Понятие вторичной языковой интерпретации знаний о мире	32
1.4. Когнитивная основа вторичной языковой интерпретации	
дипломатических отношений	43
1.4.1. Концептуальная основа дипломатических отношений	43
1.4.2. Фрейм DIPLOMATIC RELATIONS	48
1.4.3. Когнитивные и языковые механизмы вторичной интерпретации	
дипломатических отношений	52
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	62
ГЛАВА II. ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ	
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	
	64
2.1. Селективная вторичная интерпретация дипломатических	
отношений	67
2.1.1. Селективная вторичная интерпретация дипломатических	
отношений в контексте концептуально-тематической области	
ЧЕЛОВЕК	67
2.1.2. Селективная вторичная интерпретация дипломатических	
отношений в контексте концептуально-тематической области	
АРТЕФАКТ	81

2.1.3. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА	83
2.1.4. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО	87
2.2. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений	90
2.2.1. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК	90
2.2.2. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ	100
2.2.3. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО	107
2.3. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений	110
2.3.1. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК	110
2.3.2. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ	128
2.3.3. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА	134

2.3.4. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области

ПРОСТРАНСТВО	143
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
Список использованной научной литературы	167
Список использованных словарей	204
Список источников фактического материала	207

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке. Под вторичной интерпретацией, как было отмечено Н. Н. Болдыревым, понимается образование нового знания, в том числе оценочного характера, об уже отраженных в языке объектах окружающей действительности [Болдырев 2022a]. Вторичная интерпретация неразрывно связана с человеком, который выступает точкой отсчёта в формировании вторичных смыслов, репрезентируемых в языке. Выделение вторичной интерпретации в качестве исследовательской проблемы подтверждается тем, что интерпретирующая функция языка была обозначена Н. Н. Болдыревым как важнейшая наряду с познавательной и коммуникативной [Болдырев 2011; 2022 и др.].

Обоснованием для выбора темы исследования послужило то, что несмотря на изучение различных аспектов дипломатического дискурса в отечественной лингвистике не представлены работы, рассматривающие когнитивные и языковые механизмы вторичной интерпретации дипломатических отношений. Также ранее не рассматривался когнитивный контекст, в котором реализуются разные типы вторичной интерпретации дипломатических отношений.

Актуальность данной работы заключается в том, что исследование выполняется в русле современного научного направления – когнитивной лингвистики, что позволяет раскрыть когнитивную основу вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений, определив ее типы и концептуально-тематические области, в контексте которых формируется вторичное знание о дипломатических отношениях. Моделирование фрейма дипломатических отношений и определение когнитивных и языковых механизмов, активируемых в процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке, также свидетельствует об актуальности данного исследования.

Объектом исследования являются средства вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке.

Предметом исследования выступают когнитивные и языковые механизмы вторичной интерпретации дипломатических отношений.

В качестве **гипотезы исследования** служит положение о том, что вторичная интерпретация дипломатических отношений в английском языке опирается на интерпретацию уже существующих и зафиксированных в языковой форме знаний посредством их селекции, классификации и оценки в контексте концептуально-тематических областей ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ПРИРОДА и ПРОСТРАНСТВО на основе активации определенных когнитивных и языковых механизмов.

Цель исследования заключается в изучении вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке и выявлении когнитивных и языковых механизмов формирования вторичных смыслов в этой области.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

- 1) изучить основные подходы к исследованию дипломатических отношений в гуманитарных науках;
- 2) определить характеристики концепта DIPLOMATIC RELATIONS и смоделировать соответствующий фрейм;
- 3) установить компоненты фрейма, выступающие объектами вторичной интерпретации;
- 4) определить и охарактеризовать типы вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений в английском языке, а также установить концептуально-тематические области, в контексте которых реализуется вторичная интерпретация дипломатических отношений;
- 5) выявить и описать когнитивные и языковые механизмы формирования вторичного знания о дипломатических отношениях.

Научная новизна исследования заключается в разработке концептуальной основы дипломатических отношений и моделировании структуры соответствующего фрейма. Новизна работы также обеспечивается тем, что описываются когнитивные и языковые механизмы вторичной интерпретации дипломатических отношений. Значимым является установление концептуально-тематических областей, в контексте которых реализуется вторичная интерпретация дипломатиче-

ских отношений в современном английском языке, а также описание селективной, классифицирующей и оценочной вторичной интерпретации в процессах осмысления дипломатических отношений. Новым является выявление компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS, которые выступают объектами вторичной интерпретации.

Теоретической основой данной работы послужили исследования в области международных отношений и внешней политики (М. В. Антонов, Ю. Ю. Бондаренко, Ch. Calvo, G. de Garden и др.), конфликтологии (Н. А. Васецкий, Б. С. Волков, Д. Ш. Цырендоржиева и др.), дипломатической лингвистики (Р. Я. Барселей, М. В. Беляков, Е. А. Вебер, Е. В. Дзюба, Я. Кобылко, Н. В. Новиков, Л. М. Терентий, Ю. С. Ткачёва, A. van Loon и др.) и в области когнитивной лингвистики (Л. В. Бабина, Е. Г. Беляевская, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, Л. А. Манерко, Л. А. Панасенко, Л. А. Фурс, Н. Н. Drößiger, V. Evans, Ch. Fillmore, M. Green, G. Lakoff, R. Langacker и др.).

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем углублении теории языковой интерпретации за счёт определения особенностей вторичной интерпретации дипломатических отношений, выделения типов вторичной интерпретации, концептуально-тематических областей, выступающих контекстами для вторичной интерпретации, а также определения когнитивных механизмов, активируемых в процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке. Результаты проведенного исследования способствуют развитию теории когнитивной семантики, так как в работе описана когнитивная основа формирования вторичных смыслов о дипломатических отношениях. Значимым является и вклад в развитие теории репрезентации знания в языке, так как в исследовании раскрывается потенциал языковых единиц выступать во вторичной функции.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании курса когнитивной семантики, в практике обучения иностранным языкам, а также при составлении учебных пособий и в подготовке научно-квалификационных работ разного уровня.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **положения**, выносимые на защиту:

1. В основе вторичной интерпретации дипломатических отношений лежит реализация следующих характеристик концепта DIPLOMATIC RELATIONS: 1) поддержание официальных контактов между суверенными государствами; 2) взаимодействие по управлению официальными отношениями между странами; 3) практическая деятельность по осуществлению межгосударственной политики на союзнической, договорной и/или переговорной основе; 4) бесконфликтная коммуникация и бесконфликтное поведение в кризисных или затруднительных ситуациях. Данные характеристики формируют содержание соответствующего фрейма пропозиционального типа.

2. Структура фрейма DIPLOMATIC RELATIONS включает обязательные компоненты: субъект 1, дипломатическое взаимодействие, субъект 2. К факультативным компонентам относятся способ, инструмент, цель и место.

3. Вторичная интерпретация дипломатических отношений в современном английском языке представлена в виде селективной, классифицирующей и оценочной интерпретации и реализуется в контексте следующих концептуально-тематических областей: ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ПРИРОДА и ПРОСТРАНСТВО. В некоторых случаях вторичная интерпретация основана на разных моделях взаимодействия концептуально-тематических областей, включая ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, АРТЕФАКТ – ПРИРОДА, а также ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК; ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО и АРТЕФАКТ – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО.

4. К когнитивным механизмам, лежащим в основе вторичной интерпретации дипломатических отношений, относятся концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, концептуальное сравнение и инференция.

5. Языковые механизмы вторичной интерпретации дипломатических отношений включают механизмы оценочной номинации, семантической сочетаемости

языковых единиц, а также использование фразеологических единиц, глагольно-именных и предложных словосочетаний.

Материалом исследования послужили примеры вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений из англоязычных словарей, онлайн-новостных изданий, в том числе Bloomberg, The Diplomat, The Guardian, The New York Times Magazine, The Sydney Morning Herald, художественной литературы и интернет-источников. Общий объем авторской картотеки составил более 4000 контекстов.

При выполнении исследовательских задач были использованы следующие **методы**: концептуально-дефиниционный анализ, фреймовый анализ, контекстуальный анализ, этимологический анализ, статистический анализ и метод когнитивного моделирования.

Обоснованность полученных результатов определяется следующим:

- 1) привлечением современного когнитивного подхода к изучению процессов вторичной интерпретации дипломатических отношений;
- 2) использованием обширной теоретической базы;
- 3) комплексным использованием различных методов исследования;
- 4) изучением значительного объема фактического материала.

Апробация результатов исследования состоялась на XII Международной научной конференции «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов, 2024), на Международной конференции по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 2025), на Всероссийской научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы» (Тамбов, 2025), на Всероссийской научной конференции «Когнитивные исследования языка и дискурса» (Москва, 2025), на VII и VIII Международной научно-теоретической конференции студентов и молодых учёных «Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы» (Рязань, 2025, 2026). Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, а также на меж-

дународном аспирантском семинаре по проблемам лингвистики германских языков, организованном кафедрой германской филологии Донецкого государственного университета (2025).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 8 научных публикациях, в том числе в 6 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Цель и задачи исследования определили **структуру диссертации**, которая состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей и списка источников фактического материала.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи, объект и предмет исследования, выдвигается гипотеза исследования, определяются методы исследования, описывается его теоретическая база, перечисляются источники фактического материала, указывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сведения об апробации результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **Главе I** «Теоретические основы исследования вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке» изучаются основные подходы к понятию, проблематике и инструментарию дипломатических отношений в гуманитарных науках, описываются результаты изучения дипломатических отношений в лингвистике, достигнутые в русле когнитивно-дискурсивного подхода, а также рассматривается структура фрейма DIPLOMATIC RELATIONS. Кроме того, дана характеристика вторичной языковой интерпретации и описаны когнитивные механизмы, лежащие в основе процессов вторичной интерпретации дипломатических отношений.

В **Главе II** «Типы и функции вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке» выявлены основные концептуально-тематические области, обеспечивающие когнитивный контекст для реализации вторичной интерпретации дипломатических отношений и установлены типы вторичной интерпретации различных аспектов дипломатических отношений в соот-

несении с активируемыми когнитивными механизмами. Структура этой главы выстраивается в соответствии с установленными типами вторичной интерпретации. В ней указываются характеристики соответствующих концептуально-тематических областей как основы для осмысления дипломатических отношений. Полученные результаты обобщены в виде таблиц и диаграмм.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего использования результатов, полученных в данном диссертационном исследовании.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Характеристика дипломатических отношений в общественных науках

Понятие дипломатии связано с появлением первых государств и цивилизаций, вынужденных поддерживать связи с окружающим миром, осуществлять экономические, торговые, культурные и иные взаимоотношения. Уже тогда сложилось понимание дипломатии как области приложения ловкости, умений и знаний представителей государств, реализующих их в ходе переговорного процесса. Именно в эпоху Античности дипломатия приобрела статус профессиональной деятельности, однако как термин научного дискурса она получила широкое признание лишь в Новое время в связи с отнесением дипломатии к области науки и искусства переговорного процесса, основанных на высоких моральных принципах [Кальер 2000; Kluber 1817: 35].

В то же время, англоязычная традиция формулирует более прагматичный подход, не отягощённый моралью, и связывает дипломатию исключительно с ловкостью ведения переговоров. Такую точку зрения можно найти в работах крупнейших представителей британской дипломатии Э. Берка [Берк 2001] и Б. Дизраэли (цит. по: [Лабутина 2022]). В новейшее время концепцию дипломатии как науки и искусства разрабатывали видные дипломаты и теоретики международных отношений – Ф. Ф. Мартенс и Ж. Камбон [Воронин, Кукушкина 2023; Камбон 1946]. Современная традиция, продолжая данное направление, сводит понимание дипломатии к роли личности, демонстрирующей сочетание ума и такта [Сатоу 2018: 11].

Другим направлением в изучении дипломатических отношений стало их отождествление с внешней политикой государства, включающей в себя систему органов, задействованных в процессе международных отношений (правительство,

внешнеполитические министерства, ведомства и агентства), необходимые методы и меры, которые зависят от определённой ситуации, характера и сложности стоящих перед ней задач [БРЭ 2004–2017; Вышинский, Лозовский 1948; Громько 2019; Ожегов 2018; Rivier 1896]. Кроме того, справедливо утверждалось, что дипломатия является продолжением внутренней политики господствующих классов на международной арене мирными средствами [Зорин 1977].

Показательно, что существуют широкий и узкий подходы к толкованию дипломатической деятельности. Так, в рамках широкого подхода дипломатия определяется как «деятельность государственных органов внешних сношений по представительству государства и по защите мирным путём его прав и интересов за границей для достижения целей внешней политики господствующего в государстве класса» [БСЭ 1990; Гребенкина 2016: 138-144]. В узком смысле дипломатия означает «искусство ведения переговоров и заключения договоров между государствами» [там же].

Значимой для данного исследования является концепция таких ученых, как К. Кальво, Г. Флассан, К. Г. де Гарден, рассматривавших дипломатию как систему отношений государств [Calvo 1885; Flassan 1911; Garden 1883]. К. Кальво сформулировал данную концепцию при разработке одноимённой доктрины взаимоотношения США и латиноамериканских государств [Calvo 1885]. Понимание дипломатии как ведения международных отношений посредством переговоров отражено в Оксфордском словаре английского языка [OALD]. В отечественной науке В. И. Даль определил дипломатию как феномен, отвечающий за взаимоотношения между политическими субъектами [Даль 2023]. В предложенном им понимании дипломатии намечено отступление от механистического подхода в понимании дипломатии как однонаправленного процесса воздействия субъекта международных отношений – дипломата, либо государственной структуры, или самого государства на аналогичного по статусу актора – партнёра/противника. В рамках данного подхода дипломатия уже выступает в качестве двустороннего процесса влияния субъектов международного права друг на друга.

Важное значение имеет также выделение разных видов дипломатических отношений. На основании сфер деятельности выделены следующие виды дипломатии: «...гуманитарная (научная, культурная, образовательная, медицинская и др.), спортивная, экономическая, военная, общественная, парадипломатия (региональная дипломатия), дипломатия веры, дипломатия селебрити и др.» [Беляков 2023]. Исходя из базовых принципов реализации в общем массиве дипломатической деятельности можно отметить существование отдельных направлений дипломатии – народную, цифровую, публичную и т.д. [Беляков 2023]. Кроме того, существуют и иные нарицательные названия способов дипломатических отношений: политика умиротворения (перед Второй Мировой войной), дипломатия канонеров (в начале XX века), политика большой дубинки (США в начале XX века), челночная дипломатия (США в 70-е годы XX века), дипломатия доллара (США в начале XX века). Перед каждым из перечисленных видов дипломатии стоят специфические, только им присущие задачи. Кроме того, необходимо отметить, что участники для названных видов дипломатической активности также будут отличаться по масштабу и уровню субъектности.

Правовая база дипломатических отношений была сформулирована в Венской конвенции о дипломатических отношениях 1961 года, а сами отношения стали рассматриваться как «форма поддержания официальных отношений между государствами в соответствии с нормами международного права и практикой международного общения» [Киченина 2019: 37-39; Кривокапич 2022: 62-73]. Характерно, что ряд исследователей предложили метафорическое толкование дипломатических отношений. Например, А. А. Киреева и Ю. Б. Пикулёва охарактеризовали дипломатические отношения как путь или движение; как форму противоборства – войну (борьбу, конфликт) или же как артистическое представление (перформанс) [Киреева, Пикулёва 2019: 21-25].

В первом случае рассмотрение дипломатических отношений как некоего процесса, осуществляемого во времени и пространстве, позволяет выделить определённые этапы-шаги государств и представляющих их дипломатических работников по установлению, поддержанию/развитию и разрыву отношений. С точки

зрения авторов, определяющей будет являться метафора шага как действия или поступка официальных лиц, например: «недопустимые», «дестабилизирующие», «отчаянные», «истеричные» и т.п. шаги. Сам же термин «шаг» отсылает к шахматам. Шахматные фигуры, как и дипломаты, полностью формализованы правилами игры (дипломатическим протоколом), и серьёзный игрок всегда может оценить потенциал того или иного шага любой фигуры. Термин «путь» является по сути вектором, показывает общее направление действий, деятельности государств и дипломатических структур. Пути могут быть мирные, цивилизованные, либо путь насилия и кровопролития и т.п.

В отношении форм противоборства в дипломатической риторике нередко используются такие метафорические термины и сочетания, как «дипломаты бьют тревогу»; «под переговоры заложена информационная бомба»; представители некой страны «втянуты в лагерь противников»; западные страны выступают «единым фронтом»; в ходе дипломатических «баталий» был нанесён «удар по системе безопасности», что «взорвало» ситуацию в регионе и т.п. Дипломатические отношения приравниваются к военному противостоянию, а субъекты международного права к солдатам противника, у которых есть определённая тактика и стратегия, и данные конфликтные отношения, в конце концов, будут иметь победителей и проигравших (подробнее: [Киреева, Пикулёва 2019: 21-25]).

Соотнесение дипломатических отношений с неким представлением о типичной ситуации в области дипломатии, включающем имиджевую составляющую международных отношений, имплицитно подразумевает наличие определенных ролей у участников этих отношений. При этом роли бывают драматические, а бывают комические. В связи с этим Ю. Н. Саямов указывает, что когда во главе государства «встаёт клоун», то и дипломатия напоминает «адский цирк», кардинально отличаясь от наполеоновской «политики в роскошном костюме» с балами и официальными приёмами [Саямов 2019: 4].

Строгость дипломатического протокола породила сравнение дипломатии с театром, где каждый играет свою официальную роль, редко переходя за дозволенные границы. Дипломаты всегда знают, что скажут их партнёры/оппоненты,

но даже после самых смелых и обличительных речей, направленных на критику пославших их государств, готовы общаться в непринуждённой обстановке. Актуальным в этой связи является утверждение Ж. Камбона, что «дипломат должен с достоинством и авторитетом представлять свою страну» [Камбон 1946: 7].

В области политологии функционирует также термин «международные отношения», коррелирующий с понятием «дипломатия». Международные отношения – это взаимоотношения между субъектами мировой политики, или как указывал Р. Арон, между «политическими единицами» (цит. по: [Новиков 2019]). В качестве таких субъектов современных международных отношений могут быть люди от дипломата до солдата и от туриста до террориста [Стерляева 2019].

Кроме того, ставится вопрос о разграничении терминов «дипломатия», «дипломатические отношения» и «международные отношения». С целью дифференциации этих понятий Ю. Ю. Бондаренко предлагает оперировать понятием «актор», наделяя его функциями и субъектностью. В качестве наименьшей единицы выступает абстрактный дипломатический работник – дипломат. Он является официальным лицом, выполняя роль субъекта международных связей. Сам дипломат не является самостоятельной фигурой, выступая в качестве представителя дипломатического ведомства, которое, хотя и представляет собой сложную систему с определённым функционалом, но цели, задачи, векторы развития спускаются от государства как субъекта международных отношений, относящегося к более высокой иерархии в системе международных отношений. На современном этапе выделяется и более высокий уровень субъектности, уровень выше национального государства (например, ЕС как надгосударственное образование, а также G7, G20 и БРИКС). Если в первом случае (ЕС) этап институционализации завершился, то в других (БРИКС и др.) он находится в начальной стадии, поэтому своих дипломатических структур эти образования не имеют. Перспективы их превращения в полноценных субъектов международных отношений зависят от многих факторов [Антонов 2015; Бондаренко 2012; также см.: Беляков 2023].

Субъект международных отношений, его функции и характер субъектности в соотнесении с дипломатическими отношениями представлены в виде следующей таблицы (см. Таблица 1):

Таблица 1. Функции и роли субъектов международных отношений

Субъект	Функция	Характер субъектности
объединение государств (квазисубъект)	в стадии институционализации	группа акторов
государство	институт власти	актор
дипломатические мини- стерства и ведомства	институт (орган) государства	агент актора
дипломат	официальный представитель	агент агента

Как свидетельствуют данные этой таблицы, полноценным субъектом – актором международных, дипломатических отношений и всей дипломатии на данный момент является национальное государство. Именно оно выступает в качестве той силы, которая объединяет в одной точке дипломатию, международные и дипломатические отношения. С учетом этого факта смоделируем схему взаимодействия данных феноменов в виде кругов Эйлера – геометрического построения, с помощью которого можно наглядно изобразить отношения между подмножествами (о специфике кругов Эйлера см.: [Бочаров, Маркин 2023]):

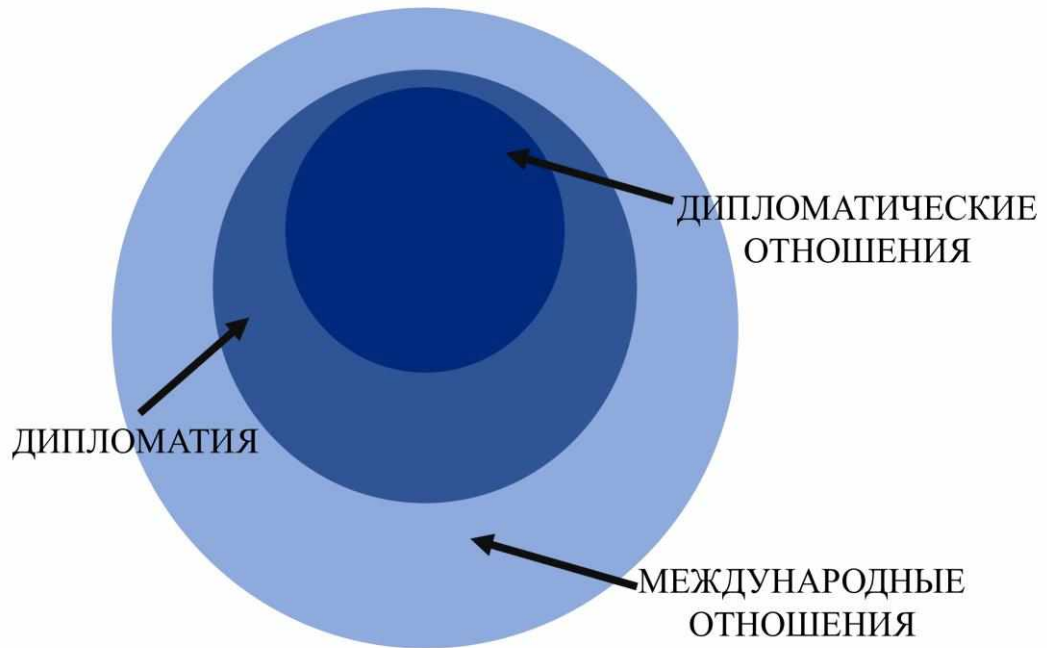

Рисунок 1 – Взаимодействие международных отношений, дипломатических отношений и дипломатии

Согласно данной схеме, международные отношения, дипломатические отношения и дипломатия не являются тождественными понятиями (см. также: [Туарменский 2024]). Понятие «дипломатия» является частью более широкого понятия «международные отношения» являясь некой «формализованной квинтэссенцией» [Саямов 2019], а дипломатические отношения, в свою очередь, являются частью более объёмного понятия «дипломатия». Это обусловлено тем, что дипломатия включает все аспекты деятельности официальных дипломатических структур и иных видов дипломатии (народной, сетевой и т.д.).

Если мы возьмём за основу сравнения узкое понятие дипломатии как науки и искусства ведения переговоров, то в данном варианте оба понятия будут пересекаться, и областью пересечения будут именно переговоры и процесс поддержания дипломатами нормальных (дипломатических) отношений между странами. За пределами пересечения окажутся отношения между странами, ещё не установившими либо расторгнувшими дипломатические отношения [Туарменский 2024] (см. Рис. 2).

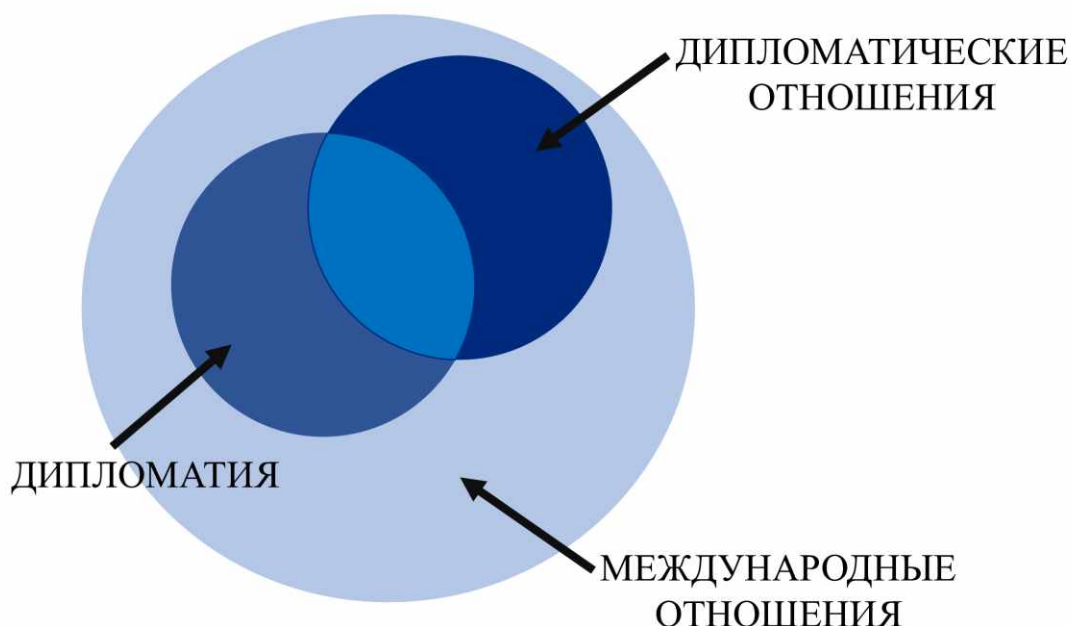

Рисунок 2 – Дипломатические отношения и дипломатия (в узком смысле)
в составе международных отношений

Как демонстрирует данная схема, международные отношения выступают областью, в которой реализуются дипломатия как деятельность и дипломатические отношения. Важность переговорного процесса для дипломатии и дипломатических отношений является сферой пересечения данных понятий.

Важным аспектом международных отношений является институциональный, включающий в себя дипломатические министерства и ведомства, являющиеся официальными представительствами конкретных государств. В дипломатической практике важен уровень представительства, который зачастую определяется качеством двусторонних отношений стран. Государство может представлять посол, посланник, советник посольства и т.д. Чем выше уровень представительства, тем шире возможность государства более эффективно использовать институциональный уровень для реализации суверенных интересов. Отсутствие дипломатических отношений не позволяет использовать целый спектр институциональных механизмов для урегулирования международных вопросов. На институциональном уровне фиксируется такая разновидность международных отношений, как дипломатический конфликт [Анцупов, Шипилов 2023; Васецкий 2015; Волков

2020; Цырендоржиева 2021]. Последний выделяется из всей совокупности межгосударственных конфликтов ограниченным (дипломатическим) инструментарием. В состав форм конфликтного взаимодействия входят: разрыв дипломатических отношений (понижение уровня представительства страны), высылка дипломатических работников (объявление персонами нон грата) и т.п.

В области дипломатических отношений выделяется микроуровень, на котором реализуются дипломатические практики конкретных личностей. С наиболее яркими представителями дипломатической службы очень часто ассоциируется и работа дипломата, и международные отношения. Например, «Мистер «Нет»» – А. А. Громько до сих пор является образцом жёсткой, порой конфронтационной манеры ведения переговоров и «Мистер «Да»» – А. В. Козырев, получивший своё прозвище за неумение отстаивать интересы России.

Существуют две противоположные точки зрения на сущность взаимодействия субъектов международных отношений в рамках дипломатического процесса.

Первый подход трактует дипломатию как взаимодействие субъекта и объекта. Дипломатия рассматривается в данной парадигме как «улица с односторонним движением» [Лебедева 2017б]. Такое понимание обусловлено тем, что взаимодействующие стороны часто не обладают равнозначным дипломатическим потенциалом, складывающимся из имиджа государства на мировой арене, его социально-экономического потенциала, военной мощи, степени реального суверенитета и т.п. Любое из названных преимуществ может действовать как рычаг дипломатического давления на партнёра (оппонента), что позволяет государству, обладающему бóльшим «весом», проявлять свою субъектность по отношению к другим странам – объектам международной коммуникации.

Второй подход – субъект-субъектный – обязан своим развитием гуманизации международных отношений в послевоенный период. Победа над фашизмом, появление ООН, военный паритет между США и СССР, создание ядерного оружия – составили объективный фон для изменения характера международных отношений. В рамках данного подхода, участники дипломатического процесса

априори признаются равноправными субъектами международных отношений. Межгосударственное общение строится не на одностороннем озвучивании пожеланий, а на полноценной коммуникации диалогического характера, предполагающей взаимную адаптацию сторон общения. Механизмы приспособления в данном случае включают в себя самые разнообразные элементы «мягкой силы» [Лебедева 2017а; Nye 2002; Schmidt 2012]. Круг субъектов может расширяться за счёт включения в систему международных и дипломатических отношений международных организаций и негосударственных акторов на правах полноправных участников и «гражданской силы» (civilian power) [Грибанова 2025]. Позиционируя отказ от жёсткого одностороннего давления и переход к политике сотрудничества [Cull 2008; Melissen 2005], субъект-субъектный подход определяет формат для конструктивного взаимодействия субъектов международных отношений. В связи с этим данный подход признан в современных политических науках как ведущий или, по крайней мере, наиболее желательный [Курлов 2020; Лебедева 2017а]. Данное положение будет учтено нами при определении структуры фрейма, описывающего дипломатические отношения в английском языке.

Таким образом, термины дипломатия и дипломатические отношения прошли долгую эволюцию от возникновения в эпоху Античности до оформления целых направлений, отличающихся оригинальной интерпретацией. Так, в узком смысле под термином «дипломатия» подразумевается определённый тип профессиональной деятельности, находящийся на стыке науки и искусства, требующий определённых интеллектуальных, моральных и имиджевых качеств и обеспечивающий осуществление переговорного процесса. В широком смысле понимание дипломатии выходит за рамки механистического подхода, рассматривающего субъекта международных отношений (дипломата, государственную структуру, государство) как единственного актора, воздействующего на противоположную сторону. В рамках данного подхода дипломатия уже выступает в качестве двустороннего процесса влияния субъектов международного права друг на друга в рамках сложной динамической системы международных отношений. Кроме того,

необходимо отметить, что современные исследователи выделяют отдельные виды дипломатии, ставшими со временем нарицательными понятиями.

Четкое разграничение понятий «международные отношения», «дипломатия» и «дипломатические отношения» позволяет конкретизировать тему и определить предметную область исследования. Международные отношения и дипломатия, являясь более объемными понятиями, находятся за рамками данного исследования. В фокусе внимания настоящей работы будут именно дипломатические отношения. Соответственно, при отборе фактического материала данные разграничения будут учтены.

Необходимо отметить, что комплексный анализ термина «дипломатические отношения» позволяет использовать научный подход для определения аспектов стереотипной ситуации, связанной со всем спектром дипломатических отношений. Современная политическая теория даёт целостную картину участников дипломатического процесса (Таблица 1), осознания их системных целей (поддержание мира), характера их взаимодействия (переговоры) и инструментов международной дипломатической документации (договоры и др.). Принятым является подход, согласно которому взаимодействие участников дипломатических отношений следует считать равноправным, признавая все стороны взаимодействия в качестве субъектов. Данный вывод будет нами учтён при моделировании структуры фрейма DIPLOMATIC RELATIONS в параграфе 1.4.2.

1.2. Дипломатические отношения как объект исследования в лингвистике

В области лингвистики изучались различные аспекты дипломатического дискурса. Как указывает Е. С. Кубрякова, в дискурсивном анализе особое значение имеет когнитивно-дискурсивный подход, когда определяются специфика репрезентации знака, моделирование картин мира, продуцируемых дискурсом, особенности выражения интенций [Кубрякова 2004: 527-528].

Отмечается, что дипломатический дискурс имеет все признаки собственно дискурса: специфического агента социального действия и своеобразную интенциональную базу [Шейгал 2000]. Обоснование автономного существования дипломатического дискурса в качестве подсистемы политического дискурса представлено Л. М. Терентием, определившим дипломатический дискурс как особую разновидность коммуникации, отличающуюся разноплановым характером, специфическими целями и задачами и реализуемую в двух разных формах – открытой и закрытой [Терентий 2010; 2016]. Как показывает анализ теоретической литературы, характеристики дипломатических дискурсов на материале разных языков были описаны в работах по политической лингвистике [Касаткин 2021; Логинова 2021; Миньяр-Белоручева 2024, Нахимова, Николаева 2023; Парулина 2025 и др.]. Самостоятельность дипломатического дискурса дает возможность выделять и гибридные дискурсы, например, военно-дипломатический [Калинин, Большакова 2025].

Как и в политическом дискурсе, в дипломатическом дискурсе выделяется три типа: институциональный, обыденный и дипломатический дискурс СМИ [Кондратьева, Калашникова 2021]. Для дипломатического дискурса характерны две разные модели социального взаимодействия – открытая, освещаемая в СМИ, и закрытая как форма конфиденциального профессионального обсуждения проблемы [Терентий 2010; 2016].

В фокусе внимания исследователей дипломатического дискурса находились такие аспекты, как система социальных отношений статусно-ролевого характера, сложившихся в коммуникативном пространстве социального института дипломатии [Викулова 2008: 40]; языковые особенности дискурса дипломатических отношений в соотнесении с ходом исторического развития дипломатической деятельности [Миньяр-Белоручева; Вдовина 2008]; устная и письменная формы такого дискурса, из которых вторая является более консервативной в силу того, что язык дипломатической переписки приближается к языку, используемому для кодификации законов [Шагланова, Буланова 2021]; речевые стратегии в дипломатическом дискурсе, такие как «затягивание решений, уязвление, вежливость, лобби-

рование и аргументирование» [Ткачёва 2023: 5]. Кроме того, обращалось внимание на стратегию непрямого несогласия, которая реализует функции смягчения и склонения оппонента к принятию диктуемой точки зрения [Ткачёва 2022: 567].

В качестве языковых особенностей реализации дипломатического дискурса отмечается использование параллелизма [Чепель 2017], а также употребление специальной терминологии, унифицированных речевых оборотов и эвфемизмов [Пилю, Резвова 2024]. Последние играют особую роль в англоязычном дипломатическом дискурсе при описании ситуаций, которые ассоциируются с внутренней и внешней политикой Германии, США, Китая, Великобритании, России, Испании, Италии, Северной Кореи, Бразилии и других государств [Mironina, Porchesku 2023: 10]. В качестве характерной черты лексики дипломатического дискурса исследователями отмечается обилие архаизмов, а также заимствований разной степени ассимилированности [Lysyakova, Oshurmahmadova 2020]. Заимствованные термины, как правило, имеют латинскую и французскую основу, среди местоимений частотностью употребления отличаются местоимения *we*, *our*. К тому же установлено, что язык дипломатического дискурса имеет много общего с другими типами дискурса – коммерческим, политическим, военным, юридическим, медиадискурсом [Загайнова, Ищенко 2017]. Ряд исследователей отмечают роль метафоры [Гуслякова 2024] и метонимии в конструировании дипломатического дискурса [Salamurović 2020; Aleksandrova 2017].

Другим направлением анализа дипломатического дискурса является определение его жанровых особенностей [Кибрик 2009; Кравец 2017; Чурганова 2024: 6-9]. В обобщенном виде эти особенности представлены в следующей таблице (см. Таблица 2):

Таблица 2. Жанры дипломатического дискурса

	Рецептивные	Продуктивные	Неоднозначные
Устные	вступительное слово совместные заявления	брифинги комментарии тосты	интервью переговоры пресс-конференции слушания

Письменные	визитные карточки декларации коммюнике телеграммы совместные заявления соглашения ультиматумы	аннотации	дипломатические ноты личные письма меморандумы памятные записки
------------	---	-----------	--

Следует отметить также ряд исследований, раскрывающих существенные характеристики дипломатического дискурса. С традиционной точки зрения к ним относятся стабильность, нормированность и объективность, что обусловлено спецификой социального института дипломатии и традициями, существовавшими в этой области [Филиппова и др. 2020].

Внимание лингвистов было направлено также на анализ лингвостилистических изменений и трансформаций языковой личности дипломата [Иванова 2021; Островская 2016], типологии нарушений дипломатического регламента в новых, открыто-цифровых формах дипломатической коммуникации и в новых политических реалиях [Филиппова 2021]. Всё большее внимание привлекается к исследованию расширяющегося использования речевой агрессии в дипломатическом дискурсе [Бубнова 2021; Бубнова, Кондакова 2021]. Возникают новые методы исследования дипломатического дискурса, отражающие освоение новых способов коммуникации [Беляков 2022; Сытник 2022], изменения тональности открытых дипломатических текстов [Беляков, Максименко 2023б], выявляющие новшества в существенных тенденциях и принципах дипломатических жанров [Беляков, Максименко 2023а], а также лингвистические следствия выхода информационных войн в пространство публичной дипломатии [Selezneva 2022].

Отдельные работы посвящены трансформации открытого дипломатического дискурса в важную равноправную подсистему современного коммуникативного пространства [Бубнова 2023; 2024]. В исследованиях последних лет освещаются вопросы сохранения дипломатических канонов [Филиппова и др. 2020], а также описываются новые, нестереотипные дипломатические реалии [Букреева 2024; Кузнецов 2022].

Интерес представляют работы, раскрывающие новые нормы, связанные с развитием открытой и цифровой дипломатий [Карслиева 2023; Синчук и др. 2022]; новые ценности дипломатической коммуникации [Дзюба, Белослудцев 2024]; идиостилевые особенности современных профессиональных дипломатов [Беляков, Максименко 2022; Беляков, Максименко 2023а]; функции дипломатического дискурса в новых условиях [Сунь Цзи-шэн 2017], а также взаимодействие дипломатического дискурса с другими языковыми системами [Зяблова 2024 и др.].

Наряду с этими исследованиями необходимо указать и работы, в которых описывается манипулятивная функция этого дискурса [Аршинцева 2023; Матакова 2022 и др.]. В результате были описаны манипулятивные техники в дипломатическом дискурсе, позволяющие формировать массовое сознание и создавать определенный образ реальности [Бубнова 2024]. В работах Н. В. Новикова был сделан вывод о тенденции к манипулированию в дипломатическом дискурсе, особенно с учетом такого явления, как выход дипломатии в сферу соцсетей и СМИ [Новиков 2017а, б]. В использовании манипулятивных тактик в рамках дипломатического дискурса сохраняются специфические черты, в том числе стремление как можно точнее мимикрировать манипулирование под информирование, продиктованное дипломатической максимой некатегоричности суждений [там же].

Рассматривая стратегии коммуникации в условиях цифровой дипломатии, Н. В. Новиков относит манипулятивность к трём основным коммуникативно-прагматическим категориям дипломатических текстов наряду с информативностью и самопрезентацией. Обращение к этим категориям обусловлено экстралингвистическими факторами [Новиков 2017б]. Выражения с манипулятивным потенциалом, считает автор, апеллируют к определенным особенностям восприятия аудитории. За счёт манипулятивных средств информационное дипломатическое сообщение обретает оценочные смыслы. Например, при информировании в дипломатическом дискурсе зарегистрировано использование выражений *пародия на выборы* (*une parodie de scrutin*), с помощью которого дипломатическое сообщение представлено как критика [Новиков 2017б: 113].

Другая манипулятивная техника в дипломатическом дискурсе – искажение информации – связана с понятием постправды: истинность высказывания никого не заботит до определенного времени, а после первичного восприятия информации её неистинность уже трудно доказать. Примерами могут являться выражения *военная агрессия и незаконная оккупация* (military aggression and illegal occupation); *угроза независимости и территориальной целостности* (threat to the sovereignty and territorial integrity), описывающие политическую ситуацию. Важным обстоятельством является то, что тексты, где они употреблены, описывают двусторонние дипломатические отношения третьих (Канады, Австралии, Британии и др.) стран, поскольку в текстах об отношениях стран-участниц конфликта дипломатический этикет такие выражения запрещает. В контексте приведенных манипулятивных выражений не используется аргументация – ссылки на юридические акты или достоверных свидетелей, в чём и проявляется техника искажения информации. Число однотипных манипулятивных выражений указывает на использование другого манипулятивного приёма – напористой продажи – заключающегося в предположении, что по меньшей мере несколько типовых неподтверждённых сообщений из общей массы будут восприняты буквально [Новиков 2017б].

Широкий взгляд на дипломатическую манипуляцию позволяет выделить модель, опирающуюся на вербальный стереотип и включающую унифицированный сигнал, вызывающий стандартизированную реакцию [Щербинина 2013: 162]. Дипломатический дискурс в данном случае передает оценочные смыслы созвучные с транслируемыми в СМИ, что способствует созданию у аудитории иллюзии верифицированности информации [Новиков 2017б: 123]. И. А. Бубнова и М. И. Кондакова указывают также на роль речевой агрессии и искажения, которые приводят к понижению авторитета оппонента, эмоциональному заражению аудитории и внедрению определенных идей [Бубнова, Кондакова 2021: 8-9]. Н. В. Новиков подчеркивает роль полимодального фактора в формировании манипулятивного дипломатического сообщения за счёт 1) визуальной части сообщения; 2) выведения манипулятивного текста в начало веб-страницы; 3) оформле-

ния манипулятивного выражения в виде гиперссылки на отдельную страницу, углубляющую манипуляцию [Новиков 2017б: 117].

Исследователи обращают также внимание на аксиологическую составляющую манипуляции в области дипломатических отношений, когда дискредитация политических оппонентов осуществляется за счет фокусирования на ценностях, таких как демократия (наименование «царь» (le tsar)), цивилизация (эпитет «варвары» (barbarism)), гуманизм (заголовок «Нарушения Границ, Конвенций и Прав Человека» (Violations of Borders, Treaties, and Human Rights)) и безопасность («красная угроза» (Red scare)) [Новиков 2017б: 130]. Такой подход в формировании манипулятивного высказывания имеет психологические последствия за счет углубления чувства инаковости, что приводит к дегуманизации оппонентов [Van Loon et al. 2024]. Примечательно, что автор указывает и на позитивные оценки, опирающиеся на единство (наша мечта – our dream, мы поддерживаем вас – we stand with you), сочувствие (Сегодня вечером наши сердца с вами – our hearts are with you tonight).

Н. В. Новиков делает вывод, что и в позитивных, и в негативных случаях манипуляции носят институциональный (представительский) характер, хотя имитируют личное мнение дипломата [Новиков 2017б: 135]. Когнитивная основа данного аспекта дипломатической коммуникации раскрывается за счет обращения к феномену «интерсубъектной доминанты», при котором учитывается не только индивидуальная интенциональность прямых участников коммуникации, но и аксиологические, стереотипные особенности групповых (косвенных) коммуникантов [Фурс 2024б: 256].

Оценочный компонент в дипломатическом дискурсе исследуется в работах таких учёных, как М. В. Беляков [Беляков 2023], Е. В. Дзюба [Дзюба 2024а], Е. В. Шестакова [Шестакова 2023а], К. М. Шилихина [Шилихина 2021] и др. Оценочность, дискурс политики и медиа неразрывно связаны: СМИ задают тон общественно-политическому настроению, определяют доминирующую интерпретацию событий. Кроме того, СМИ также отвечают за менеджмент восприятия,

осуществляемый с опорой на картину мира, включая идеологические и другие установки авторов и реципиентов сообщения [Ли, Солопова 2021: 98-99].

В меняющейся политической ситуации растёт число оценочных образов, в том числе созданных за счёт иронических номинаций на метафорической основе [Дзюба 2024б]. Рассматривая иронию как способ выражения подразумеваемой негативной оценки, К. М. Шилихина связывает использование данного приёма с демонстрацией несостоятельности позиции оппонентов, а также недовольством по поводу текущего состояния событий. По мнению автора, на фоне консервативного дипломатического протокола, безраздельно господствовавшего в прошлом, а также традиций вежливости, ирония как способ конструирования оценки выглядит проводником конфликтной агональности и может противоречить конструктивному диалогу [Шилихина 2021].

Е. В. Шестакова отмечает, что в англоязычном дипломатическом дискурсе преобладают частнооценочные прилагательные с телеологическим, нормативным и утилитарным компонентами [Шестакова 2023б]. При этом стилевая вольность современных дипломатов, приводящая к росту плотности оценочно и эмоционально окрашенных выражений, принимается далеко не всеми учёными как допустимое явление в институциональном дискурсе [Дзюба 2024а], что можно понимать как следствие противоречий между современными тенденциями и многолетними традициями дипломатического языка.

С понятием оценочности в дипломатическом дискурсе тесно связано понятие эмотивности как собирательное для языковых значений, служащих экспликации эмоций субъекта речи [Беляков 2015]. Исследователи отмечают принципиальную важность эмоциональных нюансов в дипломатической коммуникации [Георгиева, Коршунова 2023]. Специфика дипломатического дискурса в эмоциональном плане наделяет его такими чертами, как некатегоричность, тактичность, корректность и сдержанность [там же].

В общем виде можно выделить две функции дипломатической эмотивности – воздействующую (см. выше) и реактивную, проявляющуюся в порождении в собеседнике ответной эмоциональной реакции и рассматриваемую в рамках эмо-

тивной прагматики [Куликова 2021]. Ключевой момент в трактовке специфики дипломатической эмотивности – наличие двухуровневого субъекта – на первом уровне стоит личность дипломата-участника коммуникации, а за ней – представляемое дипломатом государство. Субъектом дипломатической коммуникации, следовательно, высказывается коллективное мнение, что в сочетании с консервативным дипломатическим протоколом накладывает на эмотивность в данном дискурсе значительные ограничения [Беляков 2015].

Показательно, что рамки эмотивности в дипломатическом общении могут сужаться и расширяться в зависимости от ситуации. В результате эмотивность имеет характер полутонов, когда неформальные проявления личности субъекта сочетаются с протокольной лексикой [там же]. Соответствующая точка зрения выражена авторами, считающими, что тексты брифингов также могут быть насыщены эмоционально-оценочной лексикой [Беляков 2015; Георгиева, Коршунова 2023].

Как показывает исследование Н. В. Хорошевой и А. Д. Банниковой, манипулятивные смыслы могут возникать не только при создании дипломатического текста, но и при переводе, когда специалист, отвечающий за передачу сообщения на иностранный язык, модифицирует его случайно или преднамеренно, что приводит к созданию манипулятивных значений [Хорошева, Банникова 2021].

Установлены и другие направления в изучении дипломатического дискурса. К ним относятся конструирование национальной идентичности в международной политике [Salamurović 2020] и изучение роли оппозиции «свой – чужой» как смысловой доминанты дипломатического дискурса [Коренецкая 2022]. Следует отметить также, что исследование проблематики дипломатического дискурса проводилось на материале разных языков: китайского [Цици 2023], романского [Барселей 2021], славянского [Кобылко 2019], арабского [Калинина 2022], а также на материале русского языка как родного [Арекеева 2023] и как иностранного [Юйцунцзы 2024].

Особое внимание в работах исследователей уделяется вопросу когнитивного диссонанса в дипломатическом дискурсе. В лингвистику это понятие было вве-

дено Л. Фестингером [Festinger 1962]. Им обозначают сосуществование взаимоотрицающих когнитивных элементов и образующееся из-за этого чувство дискомфорта [Заяц 2020]. В дипломатическом дискурсе причины когнитивного диссонанса могут скрываться в несовпадении идеала и реальной международной практики, а также в языковой структуре самого дискурса [Фалих 2019: 114]. На диалектическую связь когнитивного диссонанса и дипломатии указывает Е. А. Вебер, называя снижение диссонанса условием и способом достижения дипломатической цели [Вебер 2004: 30]. Созвучен этой точке зрения и подход Л. А. Фурс в отношении бесконфликтного общения [Фурс 2024a], что проецируется и на дипломатическое общение как общение в норме.

О. А. Леонтович обобщает стратегии элиминации диссонанса в дипломатических отношениях, основываясь на теории Е. А. Вебер, и приходит к выводу, что к основным вербальным стратегиям стоит причислить создание намеренной двусмысленности и неопределенности; использование эвфемизмов; политкорректность; псевдо наименование; смещение акцентов; умолчание и уход от ответа [Leontovich 2015: 50].

Таким образом, в области лингвистики в основном рассматривался дипломатический дискурс с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода. Были установлены такие его характеристики, как манипулятивность, оценочность и эмотивность. Важным является и понятие когнитивного диссонанса в дипломатических отношениях, вызванного противоположными ценностями и установками. Проанализированные лингвистические работы позволяют сделать заключение, что вторичная интерпретация дипломатических отношений на материале английского языка не изучалась, что подтверждает актуальность заявленной темы исследования.

1.3. Понятие вторичной языковой интерпретации знаний о мире

Понятие «вторичная языковая интерпретация» было введено в научный оборот Н. Н. Болдыревым, который связывает это понятие с «переосмыслением и оценкой уже имеющихся вербализованных знаний о мире» [Болдырев 2022а: 23]. Это понятие рассматривается комплексно в разработанной ученым теории языковой интерпретации, апробированной в исследованиях его учеников. Основные положения этой теории включают следующие:

1) наряду с когнитивной и коммуникативной функциями языка выделяется и интерпретирующая функция;

2) разграничиваются первичная и вторичная интерпретация. Первичная интерпретация напрямую связана с разделяемым всеми членами одного социума видением мира. Данное видение – «коллективное знание» – способствует дальнейшему осмыслению знаний о среде обитания человека, накладывая на восприятие «общие когнитивные схемы» [Болдырев 2022а]. Первичная (языковая) интерпретация характеризуется общественно-материальной обусловленностью и её основным результатом можно назвать отражение в языке новых продуктов материальной и ментальной деятельности. Результатом вторичной интерпретации являются новые знания об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера. С учетом того, что первичная интерпретация представляет собой коллективное видение мира человеком, она является объективной в отличие от вторичной – индивидуальной, субъективной интерпретации;

3) интерпретация опирается на интерпретирующие концепты, понимаемые как вторичные структуры знания. Оценка или отрицание являются сугубо человеческими свойствами. Окружающий мир к ним не причастен. В связи с этим интерпретация включена в сознание человека, а вторичные структуры находятся внутри языка [Болдырев 2015];

4) функции интерпретации включают селективную, классифицирующую и оценочную. Функция селекции «связана с физическим познанием мира, которое ведет к образованию индивидуальных концептуальных систем за счет выбороч-

ной (селективной) репрезентации мира» [Болдырев 2015: 7]. Классификация объектов и формирование абстрактных понятий и имен отражают классифицирующую функцию. Оценочная интерпретация предусматривает обобщение опыта в соответствии с общественными и индивидуальными ценностями, стереотипами, идеалами и нормами [Болдырев 2015: 8];

5) вторичная языковая интерпретация имеет концептуальную основу в виде «процессов порождения новых знаний на базе существующих концептов» [Болдырев 2018: 39]. Все многообразие таких процессов определяется как «концептуальная деривация» [Болдырев 2018: 38]. Она раскрывается за счёт выделения, в том числе, оценочных концептов как форм познания, способствующих интерпретации уже отраженного в языке знания. Такие концепты возникают в результате интерпретации окружающих человека явлений и предметов как новых структур знания и включаются в систему «новых рубрик опыта – вторичных категорий». Фактически, имеет место новое осмысление уже существующего знания, а для интерпретатора важно найти свои собственные «модели интерпретации» [Болдырев 2011: 12; Болдырев 2015б: 42; Болдырев 2017: 21, 26, 33; Болдырев 2022а: 21; Болдырев 2022б: 20, 47-48].

Понятие о фундаментальном значении концептуальной деривации для вторичной языковой интерпретации введено Н. Н. Болдыревым [Болдырев 2018; Болдырев 2024: 22]. По мнению учёного, наряду с языковой деривацией как формированием новых языковых единиц и функций для передачи нового знания, концептуальная деривация приводит к появлению обширного множества вторичных структур [там же: 24].

Анализируя типологию процессов взаимодействия первичных и вторичных структур на концептуальном уровне, Н. Н. Болдырев устанавливает наличие трёх групп деривационных процессов. Во-первых, при концептуальной деривации формат знания может сохраняться, а его структура и конфигурация изменяться. В таком случае отмечается формирование аналогий, оппозиций, а также модификация содержания концепта в виде устранения, добавления, нейтрализации или уточнения присущих ему характеристик [Болдырев 2024: 25]. Во-вторых, сам

формат знания как способ или форма репрезентации знания на уровне языка или мышления (определение по: [Болдырев 2006: 5]) может подвергаться изменениям. При такой деривации один или несколько базовых концептов становятся основой для создания новой концептуальной структуры, такой как когнитивная матрица, фрейм или категория [Болдырев 2024: 25]. Изменение контекста в ходе концептуальной деривации сопровождается модификацией концептуальных связей. Примеры такого типа деривации включают, среди прочего, подмены понятий [Болдырев 2024: 26], а также метафоры, метонимии, идиоматизации, образные сравнения, прецедентные явления и др. [Болдырев 2018: 39].

Далее, в работе [Болдырев 2024: 27] отмечается существенная роль при образовании вторичных структур семантических изменений в концепте, для которых свойственна наследственная связь между исходным и производным значениями, которая реализуется за счёт сохранения той или иной части значения в нетронутом виде.

На лексическом уровне концептуальная деривация не только формирует оценочный смысл лексических единиц [Болдырев, Панасенко 2013: 5], приоритетная роль концептуальной деривации при образовании нового знания подтверждается также «возможностью образования слов по определенным моделям и наличием словообразовательных категорий (парадигм)» [Болдырев 2018: 40]. Кроме того, лексические заимствования мотивируют образование деривационных связей между ними и уже существующими в языке понятиями. В данном случае заимствования также будут выполнять роль вторичных структур [Болдырев 2024: 27].

Как источник формирования вторичных смыслов концептуальная деривация рассматривается в значительном количестве работ [Болдырев, Алексикова 2010; Болдырев 2018; Болдырев, Ефименко 2022 и др.]. При этом описываются причины концептуальной деривации [Болдырев, Ефименко 2022], статус процессов концептуальной деривации в контексте концептуализации и категоризации [Болдырев 2018], формирование эвфемизмов как частного случая концептуальной деривации [Болдырев, Алексикова 2010].

Кроме того, значимым для анализа вторичной языковой интерпретации является положение о роли человека как индивидуального создателя высказывания, имеющего коммуникативные намерения и по своему усмотрению делящего детали ситуации на важные и неважные, что соотносится с целями коммуникации. Выделение важных с точки зрения авторских интенций фрагментов информации сопровождается их подчёркиванием в речевой деятельности и соответствующим членением высказывания, что обозначается как механизм когнитивной доминанты. Именно он, по мнению Л. А. Фурс, обеспечивает субъективность вторичной интерпретации [Фурс 2017: 335]. Активация интенций говорящего неизбежна при метафорическим переосмыслении окружающего мира. В связи с этим, Е. Г. Беляевская рассматривает концептуальную метафору как «инструмент изучения интерпретации знаний в языке» [Беляевская 2017: 138].

Соотнося вторичную интерпретацию и интерпретирующую функцию языка, Н. Н. Болдырев рассматривает вторичные структуры как динамические проявления языка. По мнению ученого, динамика обусловлена тем, что все типы знания постоянно обновляются и интерпретируются заново, что приводит к изменениям на концептуальном и языковом уровнях. При этом следует учитывать, что динамические проявления и интерпретация тесно взаимосвязаны: при появлении новых структур знания либо возникают новые языковые средства, либо уже имеющиеся единицы приобретают новые вторичные функции и значения [Болдырев 2022а].

Появление новых вторичных структур в языковом сознании рассматривается как один из факторов в процессе изменения языковой картины мира [Болдырев 2022б: 47-48]. Учёный отмечает также, что изменчивость языковой картины мира обеспечивается наличием в ней специализированных интерпретирующих элементов (модусных концептов и категорий) [Болдырев 2024: 23], концептуальной и языковой мотивированностью вторичных структур [там же: 22, 24] и взаимодействием первичных и вторичных структур [там же: 24]. В этом контексте Н. Н. Болдырев трактует интерпретационную семантику как «процесс вторичного осмысления мира человеком» [Болдырев 2022а: 39]. Ученый использует термин

«антропоцентрическая релятивность» для описания выбора «когнитивных ориентиров» человека [Болдырев 2022а: 41].

Понятие о типах вторичной интерпретации и реализуемых ими функциях, которое является ведущим для осмысления фактического материала и построения практической главы данного исследования, было сформулировано Н. Н. Болдыревым и описано в работах [Болдырев 2011; Болдырев 2013; Болдырев 2022а]. Предпосылками для выделения селективного типа интерпретации стало положение о том, что индивидуальные концептуальные системы различаются по способам избирательной (селективной) концептуализации и репрезентации мира и формируются в результате его физического познания [там же]. В преломлении к материалу данного исследования селективная функция интерпретации позволяет охарактеризовать участников дипломатических отношений (их характер и поведение, уровень профессионализма), а также цели, мотивы и способы дипломатического взаимодействия, как и характер дипломатического взаимодействия на основе акцентирования признаков напряженности, принуждения, соперничества, или же за счет указания на последовательность действий, их рациональность и целенаправленность.

Классифицирующий тип интерпретации относится к ментальному познанию мира. Он связан с «классификацией объектов и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций» [Болдырев 2011: 13]. В результате функции классификации дипломатические отношения интерпретируются на основе представлений об определенной категории объектов и явлений, таких как человек и его окружение, артефакты, а также в соотнесении с категорией пространства, с фокусом на конфликтности дипломатического взаимодействия и условиях принятия сложного решения.

Оценочная функция языковой интерпретации опирается на систему идеалов, ценностей, в более широком смысле норм и стереотипов, выработанных в коллективе, а также индивидуально. Оценочная интерпретация культуросообразна, так как шкала оценки, на основе которой она осуществляется, различается в зависимости от культурных доминант. Как стиль языковой интерпретации знания,

оценочность свойственна именно человеку и предполагает накладывание определенных схем на опыт, касающийся разных объектов и событий. В результате формируется и поддерживается «языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений» [Болдырев 2011: 13]. Для оценочной интерпретации организующую роль играет система оппозиций, например: хорошо – плохо, подходит – не подходит и другие [Болдырев 2013: 12]. Результатом оценочной вторичной интерпретации дипломатических отношений является формирование оценочного знания о субъектах дипломатических отношений и их взаимодействии. Универсальность функции оценки проявляется в том, что она активизируется в отношении не только базовых, но и всех факультативных компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS. Фокус оценки детерминирован дипломатическим статусом государства как члена недружественной коалиции или же, напротив, как союзника в принятии решений по международным вопросам.

Наличие у языковой интерпретации трёх основных функций, описанных выше, обеспечивает связь между интерпретацией, репрезентацией и коммуникацией [Болдырев 2013: 11].

Положение о трёх функциях языковой интерпретации нашло широкое представление в трудах современных лингвистов. В когнитивно-дискурсивном направлении оно представлено при установлении зависимости дискурса от социокультурных знаний субъекта о мире [Болдырев, Дубровская 2015]. Более узконаправленные исследования ориентируются на отдельные виды дискурса, что проявляется, например, в анализе специфики языковой интерпретации в рекламном дискурсе [Ефименко, Зурабова 2022]. В результате достигается возможность охарактеризовать познавательную деятельность человека в ситуации речевого поведения. Кроме того, три функции языковой интерпретации используются для выявления закономерностей интерпретации знаний о мире в художественном дискурсе [Чупахина, Петухова 2024].

В работе [Казанцева 2022] соотносятся предложенные типы интерпретации с психоаналитическим пониманием познавательных функций, вследствие чего

роль личностно-значимых концептов и категорий в селективной интерпретации позволяет поместить её на уровень ego, по принципу «то, что актуально для моего «Я»» [Казанцева 2022: 110]. Оценочная интерпретация, как было упомянуто выше, ориентирована не только на индивидуальную, но и на конвенциональную аксиологическую шкалу, то есть она разделяет функции, накладываемые на уровень super ego [там же: 110-111].

Отметим также работы, в которых рассматривается понятие вторичной интерпретации и её функций в отношении концептов ВРЕМЯ и МЕСТО [Бронникова 2017], СХОДСТВО/РАЗЛИЧИЕ [Блохина 2024], а также прецедентных имён [Бабина, Разумовская 2026; Разумовская 2025].

Показательно, что конструирование вторичных структур знания раскрывает специфику интерпретирующей деятельности сознания человека и проявляется на всех уровнях языковой системы. Так, Л. В. Бабина рассматривает явление вторичной интерпретации на уровне словообразования [Бабина 2017а; Бабина 2022а, б], Л. А. Панасенко – на лексическом уровне [Панасенко 2014; 2017; 2022]. Л. А. Фурс описывает способы вторичной интерпретации знаний в синтаксисе английского простого предложения [Фурс 2022], а С. Г. Виноградова анализирует соотнесение данного и нового знания в рамках сложного предложения [Виноградова 2022]. Следует отметить, что на уровне синтаксиса Л. А. Фурс разграничила первичные и вторичные конструкции простого предложения как результат языковой интерпретации мира сознанием человека на основе следующих критериев:

1) Наличие ментально-образного прототипа события как ментального образа ситуации в виде энергетической модели автономного действия («замкнутость действия в сфере объекта») и модели направленного действия («направленность действия одного объекта на другой»).

2) Конгруэнтность всех уровней предложения как согласованность отношений на уровне онтологии мира, онтологии языка и онтологии говорящего.

3) Однородность отношений по линии категориальных оснований, когда исключаются случаи переосмысления конструктивных элементов.

4) Независимость синтаксической структуры от дискурса [Фурс 2017: 329-330].

Конструкции, употребленные в первичной функции, соответствуют выделенным критериям и репрезентируют результат первичной (объективной) интерпретации знания о мире. Отклонение от данных критериев свидетельствует об употреблении конструкции во вторичной функции, что является результатом вторичной (субъективной) интерпретации [Там же].

Значимость имеет и определение факторов, которые способствуют синтаксической репрезентации результатов интерпретации мира. Такие организующие факторы подразделяются на конститутивные, обеспечивающие включение и комбинаторику единиц в единое целое, и операционные, участвующие в обработке знания и его структурировании. К конститутивным относятся фактор конфигурации, фактор прототипа, фактор градуирования, фактор спецификации и фактор ассоциативных импликаций, обеспечивающие интерпретационные процессы в синтаксисе. Операционные факторы представлены когнитивными механизмами, лежащими в обработке знания об окружающем мире [Talmy 2015; Фурс 2017]. Созвучна этой и мысль об активации универсальных когнитивных стратегий, лежащих в основе интерпретационных процессов [Lieberman 1984: 7].

Новый ракурс, связанный с вторичной интерпретацией знаний, предполагает изучение инференций. Н. Н. Болдырев рассматривает инферентность как «зависимость от концепта интерпретируемой сущности или области определения (концептуально-тематической области)» является «когнитивным фактором, влияющим на формирование интерпретационной семантики» [Болдырев 2022 а: 40]. Развернутая концепция выводного знания, включая его участие в интерпретации, представлена в исследовании Н. А. Голубевой [Голубева 2016]. Е. В. Федяева отмечает, что в ходе инференции схема знаний одной области распространяется на другую область. В каждом случае подчеркивается именно выводное знание как результат интерпретации и как когнитивный процесс, связанный с обработкой и извлечением информации [Федяева 2022].

На динамику интерпретационных фокусов в процессах интерпретативной репрезентации, определяемой как «репрезентация совокупности смыслов, объективируемых одной языковой единицей в коммуникации», указывает Л. А. Фурс [Фурс 2023: 476]. Такая динамика обеспечивается фактором «смыслового окна» и связана с конструированием двусмысленных высказываний, которые осмыслиются с позиций полярных фокусов оценки наблюдателя [Там же]. О. Д. Вишнякова связывает потенциал для интерпретации с разнообразием свойств концепта и с функциональными возможностями языковых единиц [Вишнякова 2018: 19]. Экстралингвистический (социокультурный) контекст, по мнению исследователя, выступает в качестве комплементарной опоры интерпретации [там же].

В ряде исследований, выполненных в рамках различных лингвистических направлений, представлен широкий взгляд на интерпретацию как конструирование смысловых структур в контексте [Апресян 1995; Бенвенист 2002; Бюлер 1993; Гумбольдт 2018; Леонтьев 2005; Леонтьев 2007; Никитин 1988; Филлмор 1988; Croft, Cruse 2004; Jackendoff 1995 и др.].

Значимость для данного исследования имеет также замечание Л. А. Панасенко о том, что «когнитивным основанием реализации лексическими единицами вторичных смысловых структур является установление концептуальных связей между различными тематическими областями и обработка первичного знания», получающего новую конфигурацию [Панасенко 2022: 204]. Исследователь подчеркивает значимость контекста концептуальной области для определения связей между первичными и вторичными структурами знания, что позволяет определить схемы интерпретации.

Был поставлен также вопрос о целесообразности разграничения понятий онтологии мира, онтологии человека и онтологии языка. в процессах интерпретации. Этот вопрос исследовался И. Ю. Колесовым, подчеркнувшим, что языковая картина мира – это ментальное образование, отражающее «языковые формы мысли», накладываемые языком на мыслительное содержание [Колесов 2020: 70]. Ученый вывел такую схему соотношения рассматриваемых понятий (см. Рис. 3):

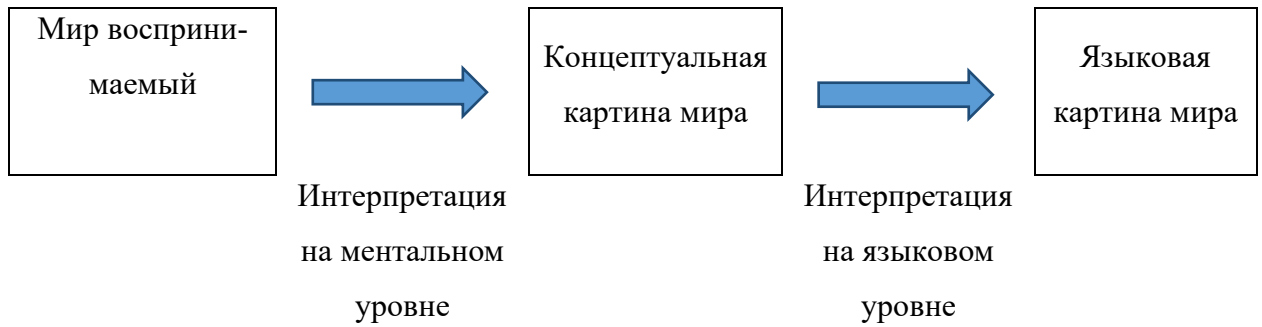

Рисунок 3 – Онтология мира, онтология человека и онтология языка в процессах интерпретации

Характерно, что, указывая на значимость процессов интерпретации в осмыслении окружающего мира и на взаимодействие при этом онтологии мира, человека и языка, различные учёные отражают эти процессы метафорически, например: «мир в зеркале языка» [Суворова 2024: 139; Чудинов 2003б: 109 и др.]; «мир сквозь фильтр языка» [Колесов 2020: 69]; «мир через призму языка» [Тер-Минасова 2019: 27; Чудинов 2022: 188].

Одним из важных факторов вторичной интерпретации знаний о мире является антропоцентрическая природа языка. О необходимости исследования «координат» человека в конструировании смысла писал Ю. С. Степанов [Степанов 1975: 50-51]. Приведем и точку зрения Л. Ельмслева, отмечавшего глубокую связь языка с разумом человека, в противоположность принятой в прошлом идее о внешнем, сопровождающем характере языка [Ельмслев 2006]. В аналогичном контексте высказывается Н. Д. Арутюнова, исследуя взаимодействие языка и мира человека [Арутюнова 1988; 1999].

Н. Н. Болдырев отмечает, что антропоцентрическая природа языка сполна проявляется в реализации его интерпретирующей функции [Болдырев 2015а: 10]. Наглядное подтверждение антропоцентрической природы языка прослеживается в системе осуществления интерпретирующей функции языка, то есть в совокупном интерпретирующем потенциале категорий лексической и грамматической систем языка, а кроме того, «в системе модусных, или интерпретирующих категорий» [там же].

Соответствующие точки зрения представлены в работах многочисленных учеников и последователей Н. Н. Болдырева, где антропоцентрический фактор в процессах конструирования знания рассматривается на разных уровнях языка. Так, Л. В. Бабина и её ученики рассматривают эти процессы через призму словообразования [Бабина 2015а; Бабина, Феденко 2016]. С. Г. Виноградова исследует роль человека в процессах коммуникативного членения предложения [Виноградова 2015; 2017]. Л. А. Панасенко и Д. И. Мелихова привлекают методологию антропоцентризма для изучения лексических категорий [Панасенко, Мелихова 2017], а Л. А. Фурс применяет данные антропоцентрического похода в конструировании знания и его репрезентации в синтаксисе [Фурс 2021а; 2024г]. На роль субъекта познания в процессах «конфигурации знаний» указывает О. В. Магировская [Магировская 2017: 159].

На уровне дискурса вторичная интерпретация носит индивидуально-авторский характер, сопряжённый с субъективным видением мира [Болдырев 2024: 28]. Созвучно этому положению мнение О. Г. Дубровской, которая отмечает, что результаты вторичной интерпретации мира в дискурсе подтверждают антропоцентричность языка. При этом исследователь выделяет в процессах вторичной интерпретации мира в дискурсе такой ведущий когнитивный механизм, как «когнитивно-дискурсивная интерпретанта» [Дубровская 2022: 337, 339].

Таким образом, признание за языком интерпретирующей функции позволило привлечь внимание к интерпретационным процессам, характерным для когнитивной деятельности человека. Разработанная Н. Н. Болдыревым теория языковой интерпретации создает научную платформу для исследования интерпретирующей деятельности сознания человека и выявления динамики речевого общения.

Проведенный анализ научной литературы по проблемам вторичной языковой интерпретации дает основание учитывать в анализе вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке следующие положения:

- принцип антропоцентризма принимается как один из методологических ориентиров;

- для интерпретации требуется опора на выводное знание, которое отражает процесс обработки и извлечения информации;
- в ходе интерпретации первичное знание получает новую конфигурацию;
- реализация вторичной интерпретации опирается на когнитивные механизмы;
- вторичная интерпретация знаний о мире является субъективной, при этом выделяются селективный, классифицирующий и оценочный типы интерпретации.

Данные положения будут учтены в ходе анализа фактического материала в практической главе.

Обратимся к когнитивным основам вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений.

1.4. Когнитивная основа вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений

1.4.1. Концептуальная основа дипломатических отношений

Рассмотрение концептуальной основы различных явлений действительности соотносится с определением характеристик соответствующего концепта. Дж. Лакофф и М. Джонсон понимают концепт как единицу организации содержания составных частей ментальной системы человека [Лакофф, Джонсон 2004]. Р. Лэнекер считает, что концепт может быть представлен как сочетание схематических шаблонов деятельности, абстрагированных от повседневного телесного опыта (имидж-схем) [Langacker 2008: 32]. У. Крофт и Д. Круз понимают концепт как единицу, связанную с лингвистическим значением и дифференцирующую целостные области концептуального пространства [Croft, Cruse 2004].

В отечественной лингвистике наблюдается преобладание в понимании концепта. Как указывает Е. С. Кубрякова, концепт представляет собой операционную содержательную единицу ментального лексикона [Кубрякова 1996б]. По мнению Н. Н. Болдырева, концепт – это «типизированная ментальная репрезента-

ция, содержащая знания об индивидуальных объектах с их проявлениями и качествами» [Болдырев 2016: 16]. На связь концепта с опытным знанием человека указывает В. И. Карасик, отмечая, что концепты как единицы опыта, обладают такими характеристиками, как «значимость, осознаваемость и типизируемость» [Карасик 2009: 24].

Для когнитивной лингвистики важно представление концепта как результата процесса познавательной деятельности человека – концептуализации. Так, Н. Н. Болдырев определяет концептуализацию как закрепление итогов познавательного процесса в виде концептов [Болдырев 2016: 18]. Ученый представляет концепт как гештальт, ядро которого составляют конкретно-образные характеристики, являющиеся результатом постижения мира в процессе обыденного познания и чувственного восприятия. Абстрактные признаки, порожденные теоретическим, научным познанием относятся к ядру как производные. Об индивидуальности формирования у каждого человека одного и того же концепта говорит характер взаиморасположения этих признаков. Объем концепта приращивается новыми концептуальными характеристиками, вследствие чего концепт не имеет жёсткой структуры. По числу носителей компоненты концепта могут быть общенациональными, групповыми, локальными и индивидуальными [Болдырев 2021]. Данное определение соотносится с разграничением коллективного и индивидуального типов знания.

Необходимо отметить, что в когнитивной лингвистике выработан подход к выявлению содержательного плана концепта на основе концептуально-дефиниционного анализа. Он заключается в использовании данных словарных статей и выделении на этой основе определенных концептуальных характеристик [Болдырев 2019: 345]. В ходе этого этапа анализа концепта представляется возможным определить родо-видовые связи концепта и особенности репрезентации характеристик концепта в системе исследуемого языка. Этим анализом пользуются для выявления языковой, понятийной, культурной специфики концепта [Болдырев 2019: 346; Левицкий, Никульшина 2022: 23; Манерко 2024 и др.].

На значимость обращения к словарным дефинициям при проведении концептуально-дефиниционного анализа указывается в связи с тем, что они представляют собой средства репрезентации «прототипического содержания вербализованного концепта», отражая «объём объективного знания» [Джабер 2022: 82].

Принимая во внимание изложенные выше положения, определим план содержания концепта DIPLOMATIC RELATIONS на основе концептуально-дефиниционного анализа с привлечением результатов этимологического анализа. Существенной при этом является точка зрения Е. С. Кубряковой о том, что применительно к абстрактному имени требуется анализ в исторической перспективе [Кубрякова 2006: 5]. В этой связи О. Г. Чупрына, исследуя концептуальную среду дипломатических отношений в английском языке, отмечает, что знания о внешнеполитических связях и миротворчестве отражались в языке ещё в древнесаксонский период [Чупрына 2024: 926].

В основе древнеанглийской картины мира лежит понятие семьи и деление людей на входящих в семью и посторонних. Уже в тот период на основе концептуальной области СЕМЬЯ складывается оппозиция «свой – чужой», играющая ключевую роль в осмыслении дипломатических отношений. Более того, А. А. Карамова отмечает, что базовое идеологическое значение этого противопоставления в современных политических условиях только обогащается [Карамова 2023: 13]. Соответственно, задокументировано существование двух видов миротворческого процесса – установления мира со своими – внутри семьи (или страны) и с чужими. Для каждого вида внешнеполитических связей существовали свои выражения в языке, но они были выведены из употребления в связи с нормандским завоеванием. Тем не менее, первый языковой опыт осмысления дипломатических отношений необходимо учитывать, потому что смыслы, закрепленные за исчезнувшими из языка словами, не уходят, а трансформируются, сохраняясь в культурной памяти как результате культурно-языкового опыта [Баранова, Чупрына 2015: 9].

Для современного английского языка ключевым словом для осмысления дипломатических отношений является лексема *diplomacy*, этимологическая справка к которой ведёт через французский язык в древнегреческую лингвокуль-

туру. Источником заимствования считается слово *diplōma*, состоящее из корня *diplō*, что означает “сложенный пополам”, и суффикса *-ma*, означающего “предмет”. Сложенный документ давал привилегию (ср. подорожная грамота) предъявителю, и этот термин стал обозначать документы, посредством которых предоставлялись или подтверждались права. Позже он стал применяться ко всем официальным документам, выдаваемым высшими государственными структурами, особенно к тем, которые касались соглашения между субъектами политической власти. Позже дипломатию стали отождествлять с международными отношениями, и мотивация значения ослабла. В XVIII веке французский термин “*diplomate*” (“*diplomat*” or “*diplomatist*”) стал обозначать лицо, уполномоченное вести переговоры от имени государства [Britannica].

Обращение к дефинициям ключевых слов *diplomatic*, *diplomat*, *diplomacy*, *diplomatic relations* с привлечением таких словарей, как Bouvier’s Law Dictionary [BLD], Cambridge Dictionary [CD], Merriam Webster Dictionary [MWD] и The American Heritage Dictionary [AHD] дает основание выделить концептуальные характеристики дипломатических отношений:

diplomatic – involving diplomats or the management of the relationships between countries; acting in a way that does not cause offence [CD];

diplomat – an official whose job is to represent one country in another, and who usually works in an embassy; a person who is skilled at dealing with difficult situations in a way that does not offend people [CD];

diplomatic relations – the arrangement between two countries by which each has representatives in the other country [CD];

diplomacy – (1) the art or practice of conducting international relations, as in negotiating alliances, treaties, and agreements [AHD];

(2) the science which treats the relations and interests of nations with nations [BLD];

(3) the art and practice of conducting negotiations between nations [MWD].

В ходе концептуально-дефиниционного анализа установлены следующие характеристики концепта DIPLOMATIC RELATIONS:

1) официальные контакты между странами (an official whose job is to represent one country in another [CD]);

2) взаимодействие по поддержанию отношений между правительствами разных стран (the management of the relationships between countries [CD]);

3) практика ведения международных отношений на основе переговоров для заключения союзов, договоров и соглашений (practice of conducting international relations, as in negotiating alliances, treaties, and agreements; practice of conducting negotiations between nations [AHD]);

4) умение справляться со сложными ситуациями таким образом, чтобы не обидеть других (skilled at dealing with difficult situations in a way that does not offend people [CD]).

С привлечением такого лингвистического ресурса, как тезаурус онлайн-словаря Коллинс (Collins Thesaurus of the English Language) были установлены две смысловые линии в представлении характеристик дипломатической деятельности как области, в которой реализуются дипломатические отношения (см. Рис. 4):

Рисунок 4 – Осмысление дипломатической деятельности в тезаурусе Collins Thesaurus of the English Language

Показательно, что с опорой на тезаурус выделяется два направления в осмыслении дипломатической деятельности: профессиональная деятельность госслужащего, на которого официально возложена задача осуществления внешнеполитических функций государства, и навык бесконфликтного управления сложными

ситуациями. Соответственно, в одном случае дипломатические отношения реализуются в ходе осуществления внешних контактов, международных переговоров, международных связей, а также как часть государственного управления. В другом случае дипломатические отношения рассматриваются сквозь призму личных качеств официальных лиц, вовлеченных в дипломатическую деятельность, таких как хитрость, осмотрительность, изящество, искусство, смекалка, утонченность.

Таким образом, проведенный концептуально-дефиниционный анализ ключевых лексем, которые соотносятся с понятием дипломатической деятельности, позволил выявить характеристики концепта DIPLOMATIC RELATIONS и установить, что данный концепт представляет собой многокомпонентную структуру знания, что дает основание для моделирования фрейма DIPLOMATIC RELATIONS.

Обратимся далее к фреймовому моделированию дипломатических отношений.

1.4.2. Фрейм DIPLOMATIC RELATIONS

Когнитивное моделирование того или иного объекта действительности предполагает процесс структурирования знания об этом объекте, когда отражаются существенные свойства оригинала с опорой на процессы типизации и обобщения. Как показал анализ литературы, посвященной когнитивным исследованиям, выделяются различные когнитивные модели – метонимические, метафорические, метафтонимические, пропозициональные и т.п. Основу для научного изучения когнитивных моделей заложили Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф 2011; Лакофф, Джонсон 2004].

Фреймовое моделирование опирается на понятие фрейма, которое понималось М. Минским в значении разноуровневой «структуры данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 8]. Понятие фрейма первоначально использовалось для построения теории искусственного интеллекта [Minsky 1974], что предопределило его междисциплинарную судьбу и распространение на

такие науки, как социология управления [Goffman 1974], психолингвистика [Bandler 1983], когнитивная социология [Zerubavel 1991], коммуникативистика [Entman 1993], герменевтика [Schön 1994] и социальная психология [Benford, Snow 2000].

В современной лингвистике фрейм определяется как «многокомпонентный концепт» [Болдырев 2016: 17], как разновидность идеальных когнитивных моделей [Лакофф 2011: 99], как система отражения знаний, устанавливающая связи между ментальными элементами, ассоциациями, понятиями и реалиями, событиями, эпизодами из опыта человека [Филлмор 1988]. В фокусе фрейма как когнитивной модели находятся «знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2004: 29]. На организующую функцию фрейма по отношению к нашему обыденному знанию указывают М. Минский и В.З. Демьянков [Минский 1979; Демьянков 1996: 187-188].

В отечественной когнитивной лингвистике эта теория нашла дальнейшую апробацию в работах [Бабина 2017б; Фурс 2021б; Фурс, Копырюлина 2012]. Характерно, что применение фреймового моделирования для представления различных политических явлений было обосновано в ряде работ [Девятяров 2022; Дубенец 2021: 81; Жовнер 2022; Никифорова 2022 и др.]. Следует отметить и работы, в которых представлено фреймовое моделирование на материале англоязычных дипломатических документов [Карельская, Манерко 2021; Манерко, Карельская 2021; Манерко, Карельская 2022]. Что касается моделирования фрейма DIPLOMATIC RELATIONS, то концептуальной основой этого фрейма выступают характеристики концепта DIPLOMATIC RELATIONS, такие как:

1) участники (countries; diplomats; officials; organizations; representatives; statesmen и др.);

2) характер взаимодействия по поддержанию отношений между разными странами (arrangement; discussion; negotiations; consultations; mediation и др.);

3) способ взаимодействия по поддержанию отношений между разными странами (в дефиниции лексемы *diplomatic* присутствует компонент смысла «acting in a way» (см. раздел 1.4.1));

4) цель взаимодействия по поддержанию отношений между разными странами (control; manage; solution; negotiating alliances, treaties and agreements и др.);

5) инструменты взаимодействия по поддержанию отношений между странами (declaration; memorandum; notification; treaty);

6) место (Moscow, Seoul, Syria).

Данные характеристики отражают типичную ситуацию, в которой участники вовлечены во взаимодействие по поддержанию отношений между разными странами, поэтому структура знания об этом взаимодействии моделируется в виде событийного фрейма пропозиционального типа, состоящего из нескольких взаимосвязанных компонентов следующим образом: субъект 1 – взаимодействие – субъект 2 – инструмент – способ – цель – место. Субъект 1, взаимодействие и субъект 2 определены в качестве базовых компонентов, остальные компоненты являются факультативными, что подтверждается и фактологическим анализом. Необходимо подчеркнуть, что выделение отмеченных выше компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS подтверждается и анализом теоретических источников, представленных в разделе 1.1 настоящего исследования, а также положениями Венской дипломатической конвенции, определяющей участников (ambassadors, envoys extraordinary, chargés d'affaires) и процедурно-протокольную часть дипломатических отношений [Vienna Convention on Diplomatic Relations].

Характерно, что способ взаимодействия по поддержанию официальных отношений между разными странами на языковом уровне представлен, как правило, словосочетанием Adj + N или N + N, например: defence diplomacy [Welcher, Feldman 2021]; food diplomacy [Hilmi 2023], hostage diplomacy [Gilbert, Rivard Piché 2022], quiet diplomacy [Owtram 2022], debt-trap diplomacy [Brautigam 2020]; wolf-warrior diplomacy [Yuan 2023], panda diplomacy [Seethawaka, Edirisinghe 2023]; pilgrimage diplomacy [Ahmed, Karim 2024]; stadium diplomacy [Vondracek 2021]), vaccine science diplomacy [Hotez 2014], mask diplomacy [Müller et al 2024], covid diplomacy [Foster 2021, Ivanov et al 2023]. Согласно проанализированному материалу, множество разновидностей дипломатических отношений, обозначенных одним способом, может быть как единичным (см. выше), так и весьма объёмным

(animal diplomacy [Leira, Neumann 2016; Svanberg 2016]; cultural diplomacy [Rockower 2011; Clarke 2020]; development diplomacy [Susanto 2020; Zreik 2024], medical diplomacy [Gross 2021].

Более того, способ взаимодействия по поддержанию отношений между разными странами может отражать и культурные особенности, например, cowboy diplomacy [Rigstad 2009]. Этот термин указывает на такой способ взаимодействия, при котором используются военные угрозы, публичные ультиматумы и запугивание, что свойственно для дипломатического корпуса США. Многие названия являются универсальными и используются для описания способа взаимодействия по поддержанию отношений в разных областях: gift basket diplomacy [Jamil, Goyette 2021]. В этом случае указывается на добровольные односторонние обязательства (подарочные корзины) в качестве стимулов для сотрудничества. Словосочетание shuttle diplomacy [Fey, Ramsay 2010] обозначает ситуацию, когда дипломатическая коммуникация зависит от медиатора, который курсирует между сторонами-оппонентами.

Необходимо отметить, что способ взаимодействия по поддержанию отношений между разными странами охватывает множество стереотипных дипломатических методов и приемов, выделяемых по определенному признаку. Этот компонент широко представлен в языке, однако выделены также случаи, когда в фокусе внимания интерпретатора данный компонент отсутствует, что дает основание определить его статус как факультативный.

Таким образом, к базовым компонентам отнесены: субъекты (субъект 1, субъект 2) и взаимодействие субъектов. В качестве факультативных компонентов фрейма определены: способ, цель, инструменты и место дипломатических отношений.

Рассмотрим когнитивные и языковые механизмы формирования вторичных смыслов о дипломатических отношениях.

1.4.3. Когнитивные и языковые механизмы вторичной интерпретации дипломатических отношений

В рамках когнитивного подхода сложилось понимание когнитивных механизмов как способов формирования новых структур знания. Субъект познавательной деятельности привлекает когнитивные механизмы для «формирования конкретных смыслов, которые и репрезентируются в языке» [Болдырев, Маховикова 2012: 7].

В процессе вторичной интерпретации дипломатических отношений активизируется целый ряд когнитивных механизмов, в число которых входят концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, концептуальное сравнение и инференция. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Суть механизма концептуальной метафоры базируется на теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], которые выдвинули тезис о том, что «метафоры частично структурируют наши обыденные понятия, и что эта структура отражается в языке» [Лакофф, Джонсон 2004: 74]. Ученые выделили три типа метафор. Структурные метафоры характеризуются тем, что «один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [Лакофф, Джонсон 2004: 35]. Ориентационные метафоры организуют не один концепт, а «целую систему концептов относительно другой системы» [там же]. Этот вид метафор основан «на нашем физическом и культурном опыте» [там же]. Онтологические метафоры представляют собой «способы восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [Лакофф, Джонсон 2004: 49]. Такие метафоры основываются на регулярных «корреляциях, возникающих в опыте человека» [Лакофф, Джонсон 2004: 95].

Описывая аналогию, проецируемую концептуальной метафорой, Дж. Лакофф и М. Джонсон используют понятия области-источника и области-цели. Область-источник – это совокупность знаний, которая предоставляет когнитивную основу для создания новых смыслов, а область-цель – это совокупность знаний,

подвергающихся переосмыслению [Лакофф, Джонсон 2004: 9]. Оба термина связаны с понятием концептуальной области как массива знания, служащего контекстом для интерпретации языкового явления [там же]. К этому понятию в разное время обращались ведущие отечественные когнитивисты [Болдырев 2009; Кубрякова 1997]. Р. Лэнкер в своей когнитивной грамматике называет аналогичное явление когнитивным доменом [Langacker 1991].

Некоторые учёные считают наиболее влиятельным и производительным способом моделирования метафорическое моделирование [Dröbiger 2007, Gibbs 2017]. Значение метафоры для лингвистического анализа подчеркнул и Дж. Тейлор, указав, что когнитивная лингвистика – это наука о метафоре [Taylor 2002]. В. Н. Телия считала, что метафоризация сопровождается впечатыванием в новое знание элементов знания прежнего, имевшегося на момент переноса [Телия 1996: 185]. Очень емкое определение концептуальной метафоры представил Н. Н. Болдырев, указав, что этот механизм соотносится с «интерпретацией неизвестного через известное, абстрактного – через конкретное, нематериального – через материальное в результате обращения к другому концепту или концептуальной области» [Болдырев 2022а: 43].

Особенностью метафор является наличие отчетливых национально-культурных признаков [Богданова 2023; Иванова, Карыпкина 2023; Прошина, Терехова 2024: 150]. Было также отмечено, что в разных языках одни и те же метафорические образы имеют разные оценочные потенциалы [Богданова 2023: 27-29].

Важной характеристикой метафоры, влияющей на точность анализа, является экстралингвистический контекст её употребления [Ли, Солопова 2021]. Благодаря ему концептуальная метафора отражает состояние общества и может использоваться для отслеживания динамики социальных процессов [Сизых 2023]. Использование метафор в политическом дискурсе расширяется в виду особенностей постмодернистского стиля коммуникации и так называемой «культуры вирусности» [Голубкова 2022: 17]. Изменчивость политической действительности (взглядов, курса, событий), а также её стремительное запечатление в новостной ленте провоцирует интересный лингвистический феномен, когда новые разносторонние

оценочные смыслы на основе метафор возникают в режиме реального времени [там же]. Оценочные смыслы политических метафор обогащаются в сочетании с другими механизмами и приёмами – прономинацией, телескопией, окказионализмами, иронией и др. [Мурзин 2023].

Важную роль данный механизм играет в области формирования новых смыслов, транслируемых в политическом дискурсе. Так, А. П. Чудинов обобщает признаки политической метафоры, к которым помимо области-источника и области-цели относятся типовые политические фреймы и сценарии, а также компонент, связывающий первичные и вторичные значения [Чудинов 2007: 44-47]. Исследователь выделяет 4 типа политических метафор по области-источнику: антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная [Чудинов 2003а; также см.: Будаев, Чудинов 2008]. Количество типов метафор может значительно увеличиваться за счёт выделения более частных областей-источников [Карамова, Антипин 2023; Нахимова, Сегал, Мищенко 2024]. В ряде работ указывается, что фокус метафорической интерпретации сильно зависит от того, политический дискурс какой страны рассматривается – государства-противника [Никифорова 2023; Хабаров 2022], государства-партнёра [Хабаров и др. 2022] или самого государства [Башкова 2021; Ли, Солопова 2021]. В этой связи выделяется понятие интерпретационного фокуса [Фурс 2024в].

Отмечается также роль отклика на значимые события политико-экономической действительности в появлении новых типов метафоры [Дзюба, Еремина 2023; Матвеева 2023]. В зарубежной литературе также установился подход, утверждающий типологию метафор по характеру события [Deng, Yang, Wan 2021; Fernández-Pedemonte et al 2021; Gök, Kara 2022; Stanley et al 2021; Vural et al 2022]. В когнитивно-дискурсивных исследованиях принята точка зрения, согласно которой доминирующий тип метафор является имманентной характеристикой дискурса [Новикова, Калугина 2024: 347; Федотова 2021] (подробнее о метафоре, в том числе в дипломатических текстах, см.: [Власова, Мальцева 2024; Кондратьева 2022; Лоскутова 2022; Манукян, Трофимова 2025; Юдина 2021]).

Оценочному потенциалу метафоры посвящены многие работы [Сагитова 2014; Филиппов 2012: 21; Финаева 2022а, 2022б; Фурс 2021б, 2022; Юсупова 2023: 23 и др.]. Роль метафоры рассматривается также как фактор, помогающий выявить скрытые эмоции и чувства, особенно по поводу негативного опыта [Будаев, Аникина 2024; Будаев, Пологова 2023; Манукян, Трофимова 2025; Новикова, Калугина 2023: 44; Яо 2022; Ана 2003; Strom, Alcock 2017]. На подвижность оценочных фокусов также обращается внимание, когда отрицательный микро-текст приобретает с помощью метафоры положительную окраску [Мингалева 2019: 15].

Другой функцией метафоры является создание манипулятивного общения [Бабина, Рябых 2023:11; Водак 1997: 26; Ковязина, Шишкина 2024; Ли, Солопова 2021; Логинова 2021: 102; Никифорова 2022; Семёнова, Алексеева 2023; Сквородников, Копнина 2022; Хабаров 2023: 28 и др.]. Значимость концептуальной метафоры как когнитивного механизма реализации вторичной интерпретации подчеркивается Е. Г. Беляевской, указавшей, что именно метафорическая репрезентация является проводником интерпретации [Беляевская 2015: 9].

Обзор исследований, посвященных метафорической репрезентации знаний о различных явлениях окружающего мира, свидетельствует об универсальности механизма концептуальной метафоры. Безусловно, его эффективность может быть продемонстрирована и на примере вторичной интерпретации дипломатических отношений, когда дипломатия осмысливается как активный участник, способный воспринимать и анализировать международные события, либо как ситуация применения оружия на поле битвы, что видно из следующих ниже примеров:

*China's nascent Middle East **diplomacy** sees the two processes as very much compatible* (Ludwig Guru).

*On 28 April 2026, King Charles III stood before a joint session of Congress and delivered twenty minutes of perfectly calibrated **diplomatic napalm*** (Urban Wronski Writes).

Другим когнитивным механизмом вторичной интерпретации выступает метонимия. Метонимические концепты, как и метафоры, структурируют не только

язык, но и наше мышление и деятельность Суть метонимии заключается в том, что «мы используем одну сущность для ссылки на другую, которая с ней связана» [Лакофф, Джонсон 2004: 61]. Она основана на близкой и легко понимаемой смежности, сопредельности в пространстве или во времени, вовлеченности в одну ситуацию обозначаемых реалий, лиц, действий и процессов. Метонимические модели отличаются значительным разнообразием: ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВМЕСТО ПРОДУКЦИИ, УЧРЕЖДЕНИЕ ВМЕСТО ОТВЕТСТВЕННЫХ ЛИЦ, МЕСТО ВМЕСТО УЧРЕЖДЕНИЯ, МЕСТО ВМЕСТО СОБЫТИЯ и т.д. [Лакофф, Джонсон 2004: 63-65]. С одной стороны, давая возможность осмыслить некоторое явление в рамках его связей с другими явлениями, метонимия является референциальным приемом. С другой стороны, «она также служит пониманию» [Лакофф, Джонсон 2004: 64], поскольку «позволяет точнее сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается» [там же].

Согласно Н. Н. Болдыреву, концептуальная метонимия – это «использование одного концепта для обозначения связанного с ним другого концепта в пределах одной концептуальной области» [Болдырев 2022а: 43]. Результатом активации этого механизма является создание оценочного суждения (об этом подробнее см.: [Бабина 2020; Безукладова, Фурс 2023; Карамова 2024; Кузина 2016; Кузина 2023: 36-37; Мурзин 2023: 40; Ожил 2024; Фурс 2024б и др.]. Хотя до недавнего времени лингвисты отмечали, что метонимия характеризуется значительно меньшей креативностью, чем метафора, с развитием современных типов текстов и медиадискурса метонимия становится менее линейной и более творческой [Шмелева 2020]. В качестве стратегии креативного конструирования знания она сочетается с другими механизмами, среди которых прецедентные имена, каламбуры, рифмы и др. [там же]. Так, в следующих примерах активизируется механизм концептуальной метонимии:

*They put so much stock in talking. But you know **diplomacy without teeth** behind it is not going to be effective* [Reuters].

*In sum, without the consent of Congress, Obama was able to end fifty-five years of **hostile diplomatic relations*** [Open Edition Journals].

Взаимодействие метафорического и метонимического переносов приводит к концептуальной метафтонимии, сущность которой разъяснена в работах Л. Гуссенса [Goossens 1990; 1995; 2003]. Природа метафтонимии раскрывается и в работе Г. Раддена, который указывает, что данное явление можно рассматривать как переходный случай, пример взаимодействия метонимии и метафоры, равноудалённый от прототипов обоих [Radden 2003: 94-95].

В зависимости от характеристик сложных отношений между элементами метафтонимии выделяется несколько типов: метафора может включать метонимию, может сама входить в её состав или исходить из результатов метонимического переноса. Кроме того, внутри метафоры могут происходить семантические преобразования, известные как деметонимизация (подробнее об этой четырёхкомпонентной классификации метафтонимий см.: [Goossens 1990]). В зависимости от того, как элементы метафтонимии переживают бленд и меняются в результате его действия, выдвинута другая классификация [Устарханов 2006: 18-20], согласно которой метонимическое знание может (1) сочетаться с метафорическим пропорционально или (2) многополярно, (3) блокироваться в результате последующего действия метафоры, (4) уступать место метафорическому знанию в сочетании с предшествующим действием метафоры, (5) сохраняться в сочетании с последующим действием метафоры.

Концептуальная метафтонимия как явление, интегрирующее приёмы метафоры и метонимии, рассматривалось в рамках изучения когнитивных основ речемыслительной деятельности [Коннова 2018; Милявская 2008; Устарханов 2006], при изучении лексических категорий [Дубкова 2022, Сафина 2022], в русле когнитивной фразеологии [Андреева 2016; Королёв 2022], в когнитивно-дискурсивных исследованиях [Ремянникова 2022; Шарманова 2012]. Интерпретирующий потенциал метафтонимии широко рассматривается в исследованиях последних лет [Бабина 2015б; Балашова 2025; Блохина 2024; Долгова 2020; Кошелева 2024; Таймур, Голубкова 2023; Фролова 2024; Фурс 2024б и др.].

В следующих примерах представлен механизм концептуальной метафтонимии:

And the era of win-win diplomacy is over [Press TV].

Mike Hammer is not the sharpest knife in the American diplomatic drawer [Almariam].

Концептуальное сравнение – еще один механизм вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке. Его характерной особенностью является наличие двух сравниваемых концептов, один из которых принимается за эталон [Арутюнова 1999]. Рассматриваемый механизм реализуется с помощью операторов сравнения (as, like, as if, as though).

Как отмечает Н. Н. Болдырев, концептуальное сравнение предполагает «выделение той или иной характеристики за счет сопоставления разных концептов или концептуальных областей» [Болдырев 2022а: 43]. Аналогия между объектами и явлениями, устанавливаемая при помощи концептуального сравнения, опирается на одну или множество характеристик, имплицитированных или выраженных вербально в рамках сравнительного словосочетания [Прохорова 2010: 6]. Посредством этой аналогии связываются концепты, относящиеся друг к другу как цель и источник.

Между содержанием концепта-цели и концепта-источника устанавливается зависимость, суть которой можно описать так, что концепт-источник модифицирует структуру содержания концепта-цели [там же]. Для сопоставления концептов важным условием является наличие или предполагаемое наличие сходных характеристик [там же: 10]. Активация элементов концепта-цели путем проекции на него аналогичных им элементов концепта-источника обуславливает появление дополнительных характеристик (смыслов), выражаемых синтаксически, фразеологически, морфологически или семантически [там же: 7]. Выведение дополнительных, не обозначенных вербально, данных об объекте сравнения представлено в работе [там же: 10] как основной результат сравнения в части обогащения объективных и оценочных характеристик сравниваемого объекта.

Для категорий-репрезентантов признака, лежащего в основе сравнения, свойственен прототипический принцип организации [там же: 11], что понимается как выделение объектов, для которых признак сравнения является сущностным

(прототипические элементы категории репрезентантов признака) и прочих, включающих характерных носителей признака, вероятных носителей признака, а также носителей, на которых признак распространяется путём метонимического переноса. Непрототипичность, как отмечает исследователь, свидетельствует о более важной роли дополнительной информации в общем объеме информации, передаваемой сравнением [там же:12] (подробнее об оценочной функции сравнительных конструкций в контексте характеристики человека см.: [Прохорова, Болдырев 2012]).

Сравнение как способ вторичной интерпретации мира в языке изучается в работе [Болдырев, Блохина 2022]. Являясь способом вторичной интерпретации, сравнение акцентирует дополнительную характеристику, присвоенную объекту сравнения [Блохина 2021]. Вторичный потенциал сравнения как механизма вторичной интерпретации определяют связи, установленные на концептуальном уровне между концептуально-тематическими областями [Блохина 2021: 126]. Для нашего исследования важно представление о способности сравнения как когнитивного механизма осуществляться во взаимодействии с профилированием, концептуальной оппозицией и инференцией [Блохина 2024: 11, 18, 21].

В основе сравнения выделяется соответствующий фрейм, опирающийся на концепт СХОДСТВО/ОТЛИЧИЕ, при помощи которого происходит установление связей между концептами и организуется взаимодействие фреймовых компонентов [Блохина 2024]. Названное сходство может носить физический, структурный, ассоциативный или функциональный характер [Болдырев, Блохина 2022: 171].

Интерпретирующий потенциал концептуального сравнения рассматривается на материале фразеологии [Бабина, Долгова 2021; Болдырев, Беляева 2022]. Внимание исследователей направлено и на вопросы функционирования сравнения в дискурсе, что отражается в работах [Бабина, Толмачева 2025; Кофанова, Ваганова 2023 и др.].

В предложенных ниже примерах представлен механизм концептуального сравнения, где в первом примере цифровая дипломатия сравнивается с мощным инструментом распространения мягкой силы, а во втором примере взаимодей-

ствие субъектов дипломатических отношений сравнивается с увлекательной игрой воображения при чтении художественной книги:

Digital diplomacy was seen as a powerful tool to expand soft power reach in public diplomacy (Diplomacy360).

Diplomacy, like fiction, calls for an act of imagination as rigorous as it is empathic (Evergreen Review).

Наряду с отмеченными выше когнитивными механизмами значимость имеет и механизм инференции. Роль инференции как когнитивного механизма была описана Е. С. Кубряковой, которая указала на ее способность стимулировать человека выходить за пределы словарных значений слов, при организующей роли логики обыденного сознания и при поддержке имеющегося опыта. Практическая функция инференции – допускать выводы о ненаблюдаемом на основе наблюдаемого [Кубрякова 1996а: 34].

Н. Н. Болдырев определяет инференцию как «формирование смысла за счет имплицитного обращения (использования определенного импликата) к другому концепту или концептуальной структуре (имплицатуре), т.е. на основе выводного, дополнительного знания» [Болдырев 2022а: 44]. Потенциал механизма инференции разъяснен при создании эвфемизации [Болдырев, Алексикова 2010]; в исследовании бесконфликтного общения [Болдырев 2023]; в различных типах дискурса: научном [Водяницкая 2024], СМИ [Кушнерук 2021], художественном [Федотова 2020; Хорохордина 2016]. Кроме того, введению скрытых смыслов в текст и маркерам их присутствия посвящены отдельные исследования (подробнее см. [Иванкова 2007; Краже 1986; Просяникова 2004]). По мнению Е. Д. Блохиной, инференция взаимодействует с импликацией, они редко используются изолированно, как правило, их действие сочетается с другими когнитивными механизмами [Блохина 2024: 43-44]. О роли инференции в дипломатическом дискурсе см. [Дементьев 2024].

Рассмотренные механизмы концептуальной метафоры, метонимии, метафтонимии, концептуального сравнения и инференции активируются в ходе вторичной интерпретации дипломатических отношений. К языковым механизмам ре-

ализации вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке относятся механизмы номинации (метафорической (*the promises of health diplomacy*), метонимической (*a rare moment of shy diplomacy*), метафтонимической (*lame-duck diplomacy can be dangerous*)), семантической сочетаемости языковых единиц (*spoon out caviar diplomacy*), использования лексем и фразеологических единиц с оценочной семантикой (*hostile diplomacy, digital diplomacy breaks down barriers*), глагольно-именных и предложных словосочетаний (*diplomacy cultivates trust, cultural diplomacy steps in*), а также сравнительных конструкций (*AI diplomacy stands as a beacon of cooperation*).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Проведенный анализ научной литературы по теме диссертации позволяет сделать следующие выводы:

1. В узком смысле под термином «дипломатия» подразумевается определённый тип профессиональной деятельности, находящийся на стыке науки и искусства, требующий определённых интеллектуальных, моральных и имиджевых качеств и обеспечивающий осуществление переговорного процесса. В широком смысле дипломатические отношения входят в понятие «международные отношения». Последнее положение является основой для отбора фактического материала, а также оно задаёт перспективу для его рассмотрения и формирует теоретические предпосылки для выделения компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS.

2. В лингвистике дипломатические отношения рассматривались в аспекте дипломатического дискурса как подсистемы политического дискурса. С позиций когнитивно-дискурсивного подхода были определены основные характеристики дипломатического дискурса, такие как манипулятивность, оценочность, эмотивность и когнитивный диссонанс. Исследование вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке не проводилось.

3. Вторичная языковая интерпретация, вслед за Н. Н. Болдыревым, рассматривается как субъективная деятельность человека по осмыслению объектов реального мира, в результате которой формируются новые структуры знания. Учёный выделяет три типа интерпретации. Селективная относится к физическому познанию мира и строится в виде выборочной концептуализации объектов и явлений. Классифицирующая относится к ментальному познанию и задействована при группировке предметов и создании наименований для новых групп. Оценочная реализуется в виде соотнесения выделенной характеристики с системой индивидуальных или конвенциональных норм, выражаемых в виде оппозиций. Например: хорошо – плохо, подходит – не подходит и т.д.

4. На основе концептуально-дефиниционного анализа лексем *diplomatic*, *diplomat*, *diplomacy*, *diplomatic relations* установлены характеристики концепта DIPLOMATIC RELATIONS: официальные контакты между странами (an official whose job is to represent one country in another); взаимодействие по поддержанию отношений между правительствами разных стран (the management of the relationships between countries); практика ведения международных отношений на основе переговоров для заключения союзов, договоров и соглашений (practice of conducting international relations, as in negotiating alliances, treaties, and agreements; practice of conducting negotiations between nations) и умение справляться со сложными ситуациями таким образом, чтобы не обидеть других (skilled at dealing with difficult situations in a way that does not offend people).

5. Характеристики концепта DIPLOMATIC RELATIONS выступают концептуальной основой фрейма дипломатических отношений пропозиционального типа. Данный фрейм включает в себя три базовых (облигаторных) компонента: субъект 1, взаимодействие по поддержанию отношений между правительствами разных стран, субъект 2. В качестве факультативных компонентов определены: способ, инструмент, место, цель.

6. В процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений могут активироваться такие когнитивные механизмы, как концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, концептуальное сравнение и инференция. Языковые механизмы вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке включают метафорическую, метонимическую, метафтонимическую номинацию, семантическую сочетаемость языковых единиц, использование оценочной лексики и оценочных фразеологизмов, а также глагольно-именных и предложных словосочетаний и сравнительных конструкций.

Данные положения представляют собой теоретическую базу для проведения анализа фактического материала в практической главе и подтверждения выдвинутой гипотезы исследования.

ГЛАВА II. ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Представленные в Главе I положения позволили сформулировать основу для представления вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке за счет выделения ее типов – селективной, классифицирующей и оценочной. С учетом того, что результатом вторичной языковой интерпретации является формирование новых смыслов на базе существующих концептов, необходимо рассмотреть и концептуально-тематические области, в контексте которых осуществляется вторичная интерпретация. Они включают такие области, как ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ПРИРОДА и ПРОСТРАНСТВО.

Для определения основных характеристик концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК был проведен концептуально-дефиниционный анализ лексем *a human being* и *a person*. В ходе этого анализа установлены следующие концептуальные характеристики:

1. биологическая природа человека (*a human being, a person; a member of the species Homo sapiens [OALD], any individual of the genus Homo, esp. a member of the species Homo sapiens [CCALD], an individual of the species of primate mammal that walks on two feet [MWD], anatomically similar and related to the great apes [Britannica]*);

2. психическая природа человека (*having the qualities, faults, and feelings that people have, as opposed to gods, animals, or machines [CD]*);

3. деятельная и поведенческая природа (*looking or acting like a person [BD]; of or relating to the abilities or sphere of activity of human as opposed to supernatural beings [OALD], of the nature of, relating to, or concerning human beings and their activities, as contrasted with things commonly regarded as impersonal or mechanical [OALD], capable of creating and using complex tools [BOD]; demonstrate behavioral modernity and advancement [BOD]*);

4. когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки (distinguished by a more highly developed brain and a resultant capacity for articulate speech and abstract reasoning [Britannica]; distinguished especially by notable development of the brain with a resultant capacity for articulate speech and abstract reasoning [MWD], characterized by superior intelligence, articulate speech [Vocabulary.com], capable of solving problems by sense and reasoning, using symbols and language [BOD]);

5. социальная природа (culture-bearing primate [Britannica], capable of creating complex social structures [BOD]).

Для характеристики концептуально-тематической области АРТЕФАКТ необходимо учесть, что понятие «артефакт» восходит к латинскому «arte factum» (искусственно сделанное). Артефактами называются любые материальные объекты, к созданию или изменению которых приложил руку человек [Немов 2007: 28]. С артефактом всегда соотносится его функциональное предназначение.

Знания человека о среде, в которой он обитает, составляют весьма обширный пласт информации, который структурируется в виде концептуально-тематической области ПРИРОДА. Согласно словарной дефиниции, под природой понимаются все животные, растения, неживые объекты в мире, а также все явления, силы и процессы, которые происходят или существуют независимо от людей: “all the animals, plants, rocks, etc. in the world and all the features, forces, and processes that happen or exist independently of people, such as the weather, the sea, mountains, the production of young animals or plants, and growth” [CD]. К этой области относятся также погодные явления, природные ресурсы, воспроизводство и рост живых существ. Многогранность явлений, выделяемых в концептуально-тематической области ПРИРОДА, позволяет выделить следующие группы материальных объектов, не созданных руками человека:

- живые организмы (растения и животные);
- природные объекты (небесные светила, воздух, вода, почва и т.д.);
- природные явления (различные атмосферные явления и стихийные бедствия).

Согласно философскому определению, пространство и время – всеобщие формы бытия материи, её важнейшие атрибуты. В мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами. Пространство есть форма бытия материи, характеризующая её протяжённость, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах [ФЭС 1983: 541]. В англоязычных определениях пространство представлено как безграничная трехмерная протяженность, в которой объекты и события происходят и имеют относительное положение и направление [MWD], а также как ограниченная протяженность в одном, двух или трех измерениях [там же].

Специфика восприятия пространства человеком выражается в оппозициях, с помощью которых оно описывается:

- Вертикальные отношения – вверх-вниз.
- Горизонтальные отношения – вперед-назад.
- Субъективные элементы – ближе-дальше.
- Количество задействуемых измерений – одно (линия или вектор), два (плоскость или система координат), три (объёмное пространство).
- Выделяемые свойства – граница или заполнение контейнера [Королёв 2022: 125-126].

В ходе изучения фактического материала выявлены случаи взаимодействия активируемых концептуально-тематических областей по следующим схемам: ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, АРТЕФАКТ – ПРИРОДА, а также ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК; ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО и АРТЕФАКТ – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО. Вывод об активации концептуально-тематических областей или их характеристик в примерах, представленных ниже, делался на основании дефиниционного анализа лексем, репрезентирующих когнитивный контекст языковой интерпретации.

Кроме того, в ряде случаев при описании селективной и классифицирующей интерпретации в семантике лексем, репрезентирующих различные аспекты дипломатических отношений, особенно в случаях, когда активируются когнитивные механизмы концептуальной метафоры, метафтонимии и сравнения, выявляются

оценочные семы. В таких случаях примеры относятся к функции селекции или классификации в зависимости от широкого контекста, который позволяет раскрыть особенности интерпретации при рассмотрении отдельных характеристик дипломатических отношений или при причислении дипломатических отношений к определенному классу явлений.

Исследовательский интерес представляет установление типов вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений в соотнесении с концептуально-тематическими областями, в контексте которых эта интерпретация осуществляется. Данное положение обуславливает структуру практической главы.

2.1. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений

2.1.1. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК

В контексте данной концептуально-тематической области интерпретатор ориентируется на знания о физическом состоянии человека, его социальных отношениях, когнитивных аспектах и деятельности. В процессах селективной вторичной интерпретации задействованы механизмы концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуальной метафтонимии. Рассмотрим каждый из них:

(1) механизм концептуальной метафоры

Данный механизм обеспечивает процесс интерпретации дипломатических отношений посредством обращения к известным, прямо наблюдаемым объектам или явлениям:

- (1) *The UK was in at the **birth of health diplomacy*** [The Guardian].
- (2) *The EU cannot afford to smother the random interactions that **bring city diplomacy to life*** [City Diplomacy: The EU's Hidden Capacity to Act].

Функция селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений реализуется относительно концептуальной характеристики «биологическая природа человека», предполагающая этапы рождения, взросления и ухода из жизни. Объектом интерпретации выступают способы дипломатических отношений.

В первом случае областью-источником метафорического переноса служит знание о рождении как начале физического существования человека, которое проецируется на область медицинской дипломатии (*the birth of health diplomacy*). За счет этой аналогии передается объемный смысл, указывающий на продолжительность периода становления современной медицинской дипломатии, который включает зарождение, созревание и формирование ее основных принципов.

Во втором случае за счет селективной вторичной интерпретации, осуществляемой на основе механизма концептуальной метафоры, выделяются последствия активации городской дипломатии (*bring city diplomacy to life*), такие как «оживление контактов» и «стремление сделать эти контакты захватывающими для участников» (*bring to life – to make something more real or exciting [CD]*). В этих примерах объектом интерпретации выступает способ дипломатических отношений (*health diplomacy, city diplomacy*). Языковыми механизмами выступают метафорическая номинация и фразеологизм.

(3) *When diplomats from diverse backgrounds gather around the negotiating table, **cultural diplomacy steps in*** [Ludwig Guru].

В данном примере объектом селективной интерпретации выступает такой способ дипломатических отношений, как налаживание отношений в межкультурном пространстве. Функция селекции реализуется относительно концептуальной характеристики «деятельная и поведенческая природа» человека. Областью-источником для метафорического переноса является знание о целенаправленном движении человека (*step in – to walk into a place [Farlex]*). Это знание проецируется на культурную дипломатию, что позволяет подчеркнуть растущую востребованность межкультурных дипломатических отношений в новых международных условиях (*cultural diplomacy steps in*). В данном примере фразовый глагол выступает в качестве языкового механизма селективной вторичной интерпретации.

(4) *Educational diplomacy cultivates trust to achieve mutual benefits in the pursuit of context-specific education goals* [Diplomatic Courier].

В фокусе внимания интерпретатора находится такой способ взаимодействия между странами, как образовательные обмены. Селективная функция вторичной интерпретации реализуется также относительно концептуальной характеристики «деятельная и поведенческая природа» человека. За счет механизма концептуальной метафоры знание о том, как человек планомерно взращивает растение для получения хорошего урожая (*cultivate* – to prepare land and grow crops on it, or to grow a particular crop [CD]) переносится на взаимодействие в образовательной сфере, а результатом этого взаимодействия является развитие доверия между странами (*educational diplomacy cultivates trust*). Селективное интерпретирующее значение реализуется посредством такого языкового механизма, как глагольно-именное словосочетание.

Аналогичная концептуальная характеристика – «деятельная и поведенческая природа» человека – является значимой для селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений и в следующих примерах:

(5) *Counterinsurgency diplomacy may provide political environment advice to local commanders, interact with local leaders, and facilitate the governance efforts, functions and reach of a host government* [Ludwig Guru].

(6) *Panda diplomacy protects pandas in several methods and fulfils animal welfare freedoms* [Panda Saves the Day].

В первом случае дипломатия борьбы с повстанцами (*counterinsurgency diplomacy may provide advice*) осмысляется в терминах действий человека, направленных на удовлетворение потребностей другого (*provide* – to give someone something that they need [CD]; *facilitate* – to help bring (something) about [MWD]), а во втором примере дипломатия, дающая гарантии безопасности пандам как национальному символу страны (*panda diplomacy protects pandas*), интерпретируется на основе выделения принятых в обществе ценностей, норм и правил, когда предоставление помощи и защиты от негативных воздействий в моральном плане оценивается позитивно (*protect* – to keep someone safe from injury, damage, or loss

[CD]). В обоих случаях языковым механизмом селективной интерпретации является метафорическая номинация.

(7) *Science diplomacy is sometimes seen as a part of public diplomacy, focusing on positive country image* [Diplo Foundation].

(8) *Instead digital diplomacy must focus on the four areas in which it can support broader diplomatic strategies* [Diplomacy360].

(9) *EU climate diplomacy should focus its efforts on the climate change-migration-nexus which is increasingly threatening security and stability in- and outside the EU* [European Parliament].

В качестве способа дипломатических отношений в примерах 7-9 выступают использование научного потенциала страны в поддержании отношений между государствами (*science diplomacy is part of public diplomacy, focusing*), применение цифровых технологий для обмена мнениями и освещения деятельности государства (*digital diplomacy must focus*), а также обсуждение негативных последствий, вызванных изменением климата (*climate diplomacy should focus*). При этом дипломатические отношения интерпретируются селективно с точки зрения концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. В центре внимания наблюдателя находится факт полной концентрации внимания людей, задействованных в названных способах дипломатических отношений на рассматриваемых аспектах (*focus – careful attention that is given to something such as a task, or the ability to give your full attention to something* [CD]).

(10) *In other words, climate diplomacy aims to prioritize to mainstream* [The European Economic and Social Committee].

(11) *Financial diplomacy seeks to strengthen the power of a country or effect its purposes in foreign relations by the use of its financial resources* [MWD].

(12) *Both groups' skills and strengths will be necessary to realize the promises of health diplomacy* [Defining Health Diplomacy].

(13) *Unofficial diplomacy can offer opportunities for dialogue and problem-solving* [NTI].

Здесь внимание интерпретатора направлено на такие способы дипломатических отношений, как борьба с негативным влиянием изменений климата (*climate diplomacy aims*); использование финансовых ресурсов для усиления позиции страны на международной арене (*Financial diplomacy seeks*); дипломатия в сфере здравоохранения (*the promises of health diplomacy*) и неформальное взаимодействие неправительственных экспертов, ученых, общественных деятелей или гражданских лиц (*unofficial diplomacy*). Данные способы дипломатического взаимодействия интерпретируются селективно в контексте целенаправленных действий человека (примеры 10-11) и речевых навыков человека (примеры 12-13). В первом примере этой группы областью-источником для метафорического переноса является знание о деятельности, носящей целенаправленный характер (*to aim – to plan for a specific purpose; intend [CD]*). Аналогия устанавливается между человеком, направляющим свою деятельность на достижение цели, с одной стороны, и дипломатией, которая направляет свои усилия на достижение согласия между странами по вопросам климата.

Во втором примере областью-источником является знание о целенаправленной деятельности по поиску того, что необходимо в конкретный момент времени (*to seek – to try to find or get something [CD]*). Аналогия проецируется между человеком, ищущим путь к достижению цели, и дипломатией, предпринимающей попытки направить финансовые ресурсы на решение задач внешней политики (*financial diplomacy seeks to strengthen the power of a country*).

В третьем примере областью-источником является знание об обещании как о высказывании, имеющем цель выразить намерение говорящего (*promise – the act of saying that you will certainly do something [CD]*). Аналогия устанавливается между человеком, который обещает сделать что-то, и медицинской дипломатией, которая подает надежды на развитие и хорошие результаты (*the promises of health diplomacy*). В результате подчеркивается решимость участников дипломатического взаимодействия действовать определенным образом для достижения поставленной цели.

В последнем примере областью-источником является знание о предложении как вербальном выражении добровольного согласия что-то дать человеку или оказать ему услугу (*offer* – agree to give; to ask someone if they would like to have something or if they would like you to do something [CD]). Аналогия по сходству устанавливается между человеком, предлагающим свою помощь другому, и дипломатией, обеспечивающей возможность для диалога и преодоления кризисных ситуаций (*unofficial diplomacy can offer*).

Языковым механизмом селективной вторичной интерпретации в этих примерах является метафорическая номинация.

(14) *By taking cross-cutting issues into account, **climate diplomacy addresses** the security and stability implications of climate change* [What is Climate Diplomacy?].

(15) *Finally, **migration diplomacy highlights** the importance of the management of cross-border mobility as an international issue* [Oxford Academic].

(16) ***Multi-track diplomacy underscores** the fact that peace-building and conflict resolution are complex and multi-faceted processes that require the engagement of all sectors of society* [Diplo Foundation].

За счет глаголов с семантикой речемыслительной деятельности, таких как *to address* (to speak or write to someone; to give attention to or deal with a matter or problem [CD]), *to highlight* (to center attention on [MWD]), *to underscore* (to draw a line under; to emphasize the importance of something [MWD]), селективно репрезентируются способы дипломатических отношений, включая дипломатические отношения, направленные на борьбу с изменением климата (*climate diplomacy addresses the security and stability implications of climate change*), на международное регулирование миграционных потоков (*migration diplomacy highlights the importance of the management of cross-border mobility*), а также многотрековую дипломатию (*multi-track diplomacy underscores the fact that peace-building and conflict resolution are complex*). Интерпретация осуществляется относительно концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. Когнитивным механизмом выступает концептуальная метафора, аналогия по сходству устанавливается по модели «человек – дипломатические

отношения». В каждом случае для наблюдателя значимость имеет указание на способ дипломатического взаимодействия, а также его цель, что подчеркивается ситуативным контекстом.

(17) *Climate diplomacy calls for preparing appropriate risk assessment and risk management strategies at a global strategic level* [What is Climate Diplomacy?].

(18) *Digital diplomacy does not talk to target groups* [Diplomacy360].

(19) *Public diplomacy convinces audiences that its content and purpose mesh, and that therefore it is honest* [American Diplomacy].

В примерах 17-19 глаголы *to call* (to say something in a loud voice, especially in order to attract someone's attention [CD]), *to talk* (to discuss something with someone, often to try to find a solution to a disagreement [CD]), *to convince* (to persuade someone or make someone certain [CD]) профилируют концептуальную характеристику «когнитивная природа человека, включая речемыслительные навыки». Семантика данных лексем подчеркивает роль обсуждения возникающих проблем как процедуры взаимодействия по поддержанию отношений между странами. В качестве объекта интерпретации выступают способы дипломатических отношений. Более того, для наблюдателя важным является указание на способ: в примере 17 это вовлечение различных секторов общества в борьбу с изменением климата (*climate diplomacy calls for preparing appropriate risk assessment*), а в примере 18 – использование возможностей сети интернет и информационно-коммуникационных технологий для решения дипломатических задач (*digital diplomacy does not talk to target groups*). В последнем примере знание об убеждении как речевом поведении, направленном на формирование у собеседника твёрдого мнения о чём-либо, переносится на дипломатические отношения, прозрачные для широкой общественности. Такая дипломатия убеждает (*public diplomacy convinces*) аудиторию в своей честности на основании того, что цели дипломатических отношений соответствуют заявленной программе.

(20) *Commercial diplomacy works to ensure open and effective engagement with foreign officials on behalf of U.S. companies, industries, or broader national economic security interests* [US ITA].

(21) *Multi-track diplomacy can serve many purposes* [USIP].

В данных примерах объектом селективной вторичной интерпретации выступают способы дипломатических отношений – коммерческая дипломатия и многотрековая дипломатия. Функция селекции осуществляется на основе механизма концептуальной метафоры относительно концептуальной характеристики «деятельная и поведенческая природа» человека. В первом примере знание о работе как оплачиваемом использовании человеческого капитала (*work – an activity, such as a job, that a person uses physical or mental effort to do, usually for money* [CD]) проецируется на коммерческую дипломатию (*commercial diplomacy works*). В результате такая дипломатия осмысливается с точки зрения получения выгоды в ходе обеспечения открытого и эффективного взаимодействия американских компаний с иностранными.

Во втором примере в основе метафорического переноса лежит знание о работе на благо кого-то или во имя чего-то (*serve – to work for; to do your duty to* [CD]), которое проецируется на многотрековую дипломатию (*multi-track diplomacy can serve*). В результате такое взаимодействие по поддержанию отношений между странами, объединяющее официальные государственные переговоры с неофициальными усилиями гражданского общества, экспертов и неправительственных организаций, рассматривается как деятельность, направленная на достижение многих целей. Языковым механизмом селективной вторичной интерпретации в этих примерах также служит метафорическая номинация.

(22) *City diplomacy centers on fostering good relations with international actors* [Journal of Public Diplomacy].

(23) *Two-to-Tango in Migration Diplomacy* [Brill].

В первом случае селективная вторичная интерпретация осуществляется относительно концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека (*center – to give a central focus* [MWD]). В результате городская дипломатия осмысливается с точки зрения ее сосредоточенности на развитии хороших отношений с международными субъектами (*city diplomacy centers on fostering good relations*).

Второй пример репрезентирует селективную вторичную интерпретацию относительно концептуальной характеристики «социальная природа» человека. Объектом интерпретации являются субъекты дипломатических отношений. Широкий контекст статьи описывает Турцию, которая шантажирует ЕС миграционным потоком из разгромленной Сирии и других стран арабского региона с целью ускорить своё вступление в альянс. Объектом селективной интерпретации являются участники дипломатических отношений. Выделенное словосочетание является фразовым сокращением пословицы *it takes two to tango*. Данная пословица используется, когда необходимо подчеркнуть, что оба человека, оказавшиеся в сложной ситуации, должны взять вину на себя или чтобы что-то состоялось, желания одного человека мало [CD].

В качестве языковых механизмов в этих примерах выступают метафорическая номинация и устойчивое словосочетание.

(24) *He (Kissinger) invented the concept of **step-by-step diplomacy**, because he was skeptical that both sides were actually ready to make the sacrifices that could produce agreement* [PBS News].

(25) *Zelensky asked for support, Trump demanded applause, Vance offered a lecture, and **diplomacy left the room** without so much as a press conference* [Trumped!].

Реализация функции селективной вторичной интерпретации здесь представлена относительно концептуальной характеристики «деятельная и поведенческая природа» человека на основе механизма концептуальной метафоры.

В первом примере взаимодействие субъектов дипломатических отношений в процессе достижения соглашения (*step-by-step diplomacy*) осмысливается с точки зрения пошаговой реализации целей с акцентом на характере этой деятельности как последовательной и поэтапной (*step-by-step – dealing with one thing and then another thing in a fixed order* [CD]).

Во втором примере интерпретируются субъекты дипломатических отношений. По аналогии с отсутствием человека в определенном месте подчеркивается отсутствие дипломатических шагов в урегулировании конфликта. В ситуативном

контексте также указывается, что из-за прерывания дипломатического процесса не была организована пресс-конференция (*without so much as a press conference*). Глагольно-именное словосочетание является языковым механизмом селективной вторичной интерпретации.

В ограниченном количестве примеров осмысливается взаимодействие субъектов дипломатических отношений в контексте знаний о человеке:

(26) *The new demands on **global health diplomacy expertise** mean that governments and multilateral organizations cannot wait for their knowledge capacities to grow over decades, or even years* [Defining Health Diplomacy].

(27) *We also work with governments who rely on our **diplomacy expertise*** [E3G].

Лексема *expertise* (expert opinion or commentary [CD]) профилирует знание о проведении анализа взаимодействия субъектов дипломатических отношений и дипломатических инструментов (*global health diplomacy expertise*). Функция селекции реализуется относительно концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. В таком анализе эксперт опирается на конкретные материалы в виде заключенных договоров или протоколов о переговорах. Разница между отмеченными выше примерами заключается в том, что в первом случае указывается на способ осуществляемого взаимодействия – это отношения по реализации программ всемирного здравоохранения, а во втором примере лексема *diplomacy* обозначает способ, уточняемый в широком контексте (*climate diplomacy*). В результате активации механизма концептуальной метафоры знание о значимости экспертного заключения проецируется на важность применения такого знания в дипломатии. Языковым механизмом является номинация.

(28) *Since its founding in 1949, the People's Republic of China (PRC) has had a **diplomatic tug-of-war** with its rival in Taiwan, the Republic of China (ROC)* [Wiktionary].

В данном примере селективная вторичная интерпретация направлена на осмысление взаимодействия субъектов дипломатических отношений относительно-

но концептуальной характеристики «деятельная и поведенческая природа» человека. За счет механизма концептуальной метафоры, который активируется при переносе знания о перетягивании каната как состязательной деятельности человека (*tug of war* – a type of *sport* in which two teams show their strength by pulling against each other at the opposite ends of a rope [CD]) на область-цель – дипломатические отношения, подчеркивается атмосфера соперничества в дипломатических отношениях. На уровне языка механизмом реализации функции селекции выступает метафорическая номинация.

(2) механизм концептуальной метонимии

Механизм концептуальной метонимии в процессах реализации селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений позволяет выделить структуры знания в пределах одной концептуальной области:

(29) *This highlights a potential point of **tension between city diplomacy and national diplomacy*** [Journal of Public Diplomacy].

Объектом селективной вторичной интерпретации выступают субъекты дипломатических отношений, осмысляемые на основе отношений по смежности «человек – эмоциональное состояние» (*tension* – a feeling of nervousness before an important or difficult event [CD]). Функция селекции реализуется относительно концептуальной характеристики «психическая природа человека», что позволяет подчеркнуть эмоциональное напряжение в отношениях (*tension between city diplomacy and national diplomacy*). Языковым механизмом реализации данной функции является метонимическая номинация.

(30) *The idea that rational men would never use their arsenals of nuclear weapons was a **key idea of nuclear diplomacy during the Cold War*** [Nuclear Diplomacy in the Age of Social Media].

За счет селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений относительно концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека на основе механизма концептуальной метонимии выделяются отношения по смежности «продукт речемыслительной деятельности – основные черты». В ситуативном контексте подчеркивается раци-

ональность развиваемого подхода о сотрудничестве в ядерной области (*rational men would never use their arsenals of nuclear weapons*). В фокусе внимания интерпретатора находится договор, выступающий как инструмент дипломатических отношений между странами. В качестве языкового механизма задействовано предложное словосочетание.

(3) механизм концептуальной метафтонимии

Когнитивный механизм концептуальной метафтонимии также активируется в ходе реализации селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений:

(31) *The spine of EU city diplomacy is provided by the CoR's Commission for Citizenship, Governance, Institutional, and External Affairs (CIVEX)* [City Diplomacy: The EU's Hidden Capacity to Act].

В приведённом примере наблюдается метонимический перенос, когда отношения по смежности представлены в виде модели «человек – часть тела». В формировании аналогии по сходству функция селекции ориентируется на концептуальную характеристику «биологическая природа человека». На основе проецирования знания о позвоночнике как скелетной опоре туловища (*spine – the line of bones down the center of the back that provides support for the body* [CD]) на европейскую городскую дипломатию (*the spine of EU city diplomacy*) подчеркиваются базовые составляющие такого способа дипломатических отношений. Языковым механизмом селективной функции выступает предложное словосочетание.

(32) *Expeditionary health care is a military tool that not only saves lives; it can turn confrontation into cooperation, revealing compassion to be **the long arm of diplomacy*** [U.S. Government Information].

В формировании селективного вторичного смысла активируется концептуальная характеристика «биологическая природа человека», относительно которой представлены отношения по смежности «человек – рука» и аналогия по сходству, когда знания о «длинной руке» проецируются на способность медицинской дипломатии влиять на события в области здравоохранения (*the long arm of diplomacy*). Способ дипломатических отношений – медицинская дипломатия – устанавливается

с опорой на контекст (*expeditionary health care*). Языковым механизмом реализации селективной вторичной интерпретации выступает фразеологическая единица *the long arm of something* (broad, far-reaching power or influence [Farlex]).

(33) *These people are now **the face of American public diplomacy**: observers turn to them to understand U.S. policy* [Foreign Affairs].

Здесь объектом селективной вторичной интерпретации выступают субъекты дипломатических отношений (*the face of American public diplomacy*). Функция селекции реализуется относительно концептуальной характеристики «биологическая природа человека». Метафорический перенос в дополнении к переносу по смежности «человек – часть тела» позволяет создать ассоциацию «как лицо человека олицетворяет его личность, так и участники дипломатических отношений соотносятся с ценностями и философией американской публичной дипломатии». Предложное словосочетание является языковым механизмом реализации функции селекции.

(34) ***Diplomatic strongman** Henry Kissinger, whose roles as national security adviser and secretary of state under two US presidents left an indelible mark on US foreign policy and earned him a controversial Nobel Peace Prize, died on November 29 at the age of 100* [Forum daily].

(35) *Many countries envy the professionalism and **public diplomacy muscle** of some major multinational corporations* [The New Public Diplomacy].

В данных примерах объектом селективной вторичной интерпретации является субъект дипломатических отношений. Функция селекции осуществляется также относительно концептуальной характеристики «биологическая природа человека». В первом примере метонимические отношения представлены по модели «человек – его физическая сила». Знание о человеке, известном своей физической силой (*strongman* – a man who is employed or famous for his great physical strength [CD]), переносится на дипломатические способности влиятельного американского дипломата (*diplomatic strongman Henry Kissinger*). В результате аналогии по сходству создается образ Г. Киссинджера как человека, сила характера и высокий уровень профессионализма которого оставили неизгладимый след в истории американской внешней политики. В контексте формируется и негативный фокус за счет

выражения сомнений в том, были ли все волевые решения правильными с моральной точки зрения (*controversial Nobel Peace Prize*).

Во втором случае характеристика субъекта неформальных дипломатических отношений интерпретируется через обращение к знанию о мышцах как части человеческого тела (an organ that is essentially a mass of muscle tissue attached at either end to a fixed point and that by contracting moves or checks the movement of a body part [MWD]). В примере реализуется метонимический перенос: «орган человека – свойство». Знание о таком свойстве мышцы, как способности сокращаться и приводить в движение различные части тела проецируется на дипломатические отношения. В результате осмысляется влияние крупных транснациональных корпораций на действия дипломатов (*public diplomacy muscle of some major multinational corporations*). В реализации селективной вторичной интерпретации задействован языковой механизм метафтонимической номинации.

Подводя итоги раздела, отметим, что селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте знаний о человеке осуществляется относительно таких концептуальных характеристик, как физическая природа человека (*birth of health diplomacy, diplomatic strongman Henry Kissinger*), психическая природа человека (*climate diplomacy should focus its efforts on the climate change-migration-nexus*), деятельная и поведенческая природа человека (*educational diplomacy cultivates trust*), когнитивная природа, включая речемыслительные навыки (*key idea of nuclear diplomacy*) и социальная природа человека (*diplomatic tug of war*). Объектами селективной вторичной интерпретации выступают субъекты дипломатических отношений, характер их взаимодействия, а также способы и инструменты дипломатических отношений. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений протекает на основе активации когнитивных механизмов концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуальной метафтонимии, а также инференции. При этом в качестве языковых механизмов селективной вторичной интерпретации выступают номинация, предложное и глагольно-именное словосочетания, семантическая сочетаемость, а также фразеологические единицы.

2.1.2. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ

В данном разделе рассматриваются случаи осмысления дипломатических отношений относительно структур знания о произведениях человеческих рук. Анализ фактического материала показал, что приоритетную роль играют знания о сложных механизмах, видах оружия и защитного снаряжения. На материале рассмотренных примеров выявлено действие только двух ведущих когнитивных механизмов – концептуальной метафоры и концептуальной метонимии:

(1) механизм концептуальной метафоры

(1) *A practical **mechanism for multi-track diplomacy** is articulated which is able to address the underlying causes of modern conflict and illustrates the diversity of the human condition* [Ludwig Guru].

(2) ***Gunboat diplomacy and big stick diplomacy** are considered by some to be forms of supremacy and domination* (LD).

В этих примерах селективная вторичная интерпретация осуществляется относительно концептуальной характеристики «функциональное предназначение артефакта». Объектом являются способы дипломатических отношений. За счет механизма концептуальной метафоры в примере 1 многотрековая дипломатия сравнивается с механизмом, состоящим из многих частей (*mechanism – a part of a machine, or a set of parts that work together* [CD]). При этом его эффективное функционирование зависит от слаженной работы всех этих частей. Тем самым подчеркивается значимость системного подхода и учет многих аспектов в поддержании отношений между странами (*mechanism for multi-track diplomacy*).

Областями-источниками для метафорического переноса в примере 2 являются знания о двух видах оружия (*gunboat – a small military ship with large guns, used especially in areas near the coast; stick – a club or staff used as a weapon* [MWD]). Проецирование этого знания на дипломатию позволяет создать ассоциацию с дипломатией устрашения (*gunboat diplomacy*). Языковой механизм селективной вто-

ричной интерпретации дипломатических отношений в данных случаях представлен метафорической номинацией.

(3) *TR's (Theodore Roosevelt) diplomatic maxim was to "speak softly and carry a big stick," and he maintained that a chief executive must be willing to use force when necessary while practicing the art of persuasion* (Miller Center).

В данном примере субъект дипломатических отношений выступает объектом селективной вторичной интерпретации, которая реализуется также относительно концептуальной характеристики «функциональное предназначение артефакта» (*stick* – a club or staff used as a weapon [MWD]). В результате американская дипломатия осмысливается с позиций необходимости применять силу и давление (*carry a big stick*). Языковым механизмом выступает глагольно-именное словосочетание.

(4) *Behind the shield of diplomacy, negotiations continued in silence and strategy* [Reverso Context].

В данном примере функция селекции в ходе вторичной интерпретации реализуется относительно той же концептуальной характеристики, что и выше, на основе механизма концептуальной метафоры. Областью-источником для интерпретации является знание о щите как виде защитного снаряжения (*shield* – a broad piece of defensive armor carried on the arm [MWD]). В результате создается аналогия между щитом, которым воин закрывается от удара врага, и дипломатией, под прикрытием которой проходят секретные переговоры (*behind the shield of diplomacy*). Объектом интерпретации является взаимодействие субъектов официальных отношений между странами. Языковым механизмом селективной вторичной интерпретации является предложное словосочетание.

(2) механизм концептуальной метонимии

(5) *Iron diplomacy is the practice of transporting world leaders from Poland through Ukraine via rail since the start of the war* [Explained: Iron Diplomacy].

Функция селекции здесь осуществляется в процессе осмысления способа взаимодействия мировых лидеров с властями Украины. На основе метонимических отношений «путь – материал» указывается на единственный безопасный

способ дипломатического взаимодействия – это поездка по железной дороге (*iron diplomacy*). Метонимическая номинация является языковым механизмом селективной вторичной интерпретации.

Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте знаний об артефакте реализуется относительно характеристик «функциональное назначение оружия и защитного снаряжения» (*behind the shield of diplomacy*). Значимость имеет также указания на функциональное назначение других материальных объектов, произведенных человеком, включая сложные механизмы (*practical mechanism for multi-track diplomacy*). В фокусе внимания интерпретатора находятся субъекты дипломатических отношений, их взаимодействие, а также способы дипломатических отношений. При этом активируются когнитивные механизмы концептуальной метафоры и концептуальной метонимии, дополняемые механизмом инференции. Значимыми языковыми механизмами являются номинация, глагольно-именное и предложное словосочетания.

2.1.3. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА

Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений осуществляется относительно концептуальных характеристик «живые организмы» и «природные объекты», выделяемых в рамках рассматриваемой концептуально-тематической области, с опорой на **когнитивный механизм концептуальной метафоры**:

(1) *Grassroots diplomacy grows from this particular belonging* [Ludwig Guru].

(2) *Transformational diplomacy is rooted in partnership; not in paternalism* [The Guardian].

В первом примере способ дипломатических отношений осмысливается в ходе реализации селективной вторичной интерпретации относительно концептуальной

характеристики «живые организмы» с привлечением метафорического переноса, дополненного механизмом инференции. Народная дипломатия (*grassroots diplomacy*) представляет неформальные контакты между рядовыми гражданами разных стран, способствующие развитию сотрудничества. Компонент «корень» является частью комплексного переосмысления. Основой сравнения является знание о корне, а также знание о траве как низкорослом, густом уровне растительности, представленном очень большим количеством индивидуальных тесно сросшихся растений (*grass – a low, green plant that grows naturally over a lot of the earth's surface, having groups of very thin leaves that grow close together in large numbers [CD]*). Инферентно устанавливаются такие компоненты значения, как «плотность», «низкий профиль», «многочисленность» и «приземленность» (*root*), которые в совокупности метафорически указывают на класс простых граждан страны. Более того, словосочетание *grassroots diplomacy* входит в состав расширенной метафоры вместе с глаголом *grows*. Рост является базовым свойством растений, что придает интерпретируемому знанию дополнительный оттенок (*grassroots diplomacy grows*), подчеркивающий усиление влияния народных масс на международную политику государства.

Во втором примере интерпретатор также ориентируется на концептуальную характеристику «живые организмы» при осмыслении способа дипломатических отношений. Функция селекции реализуется на основе механизма концептуальной метафоры, когда создается аналогия между корневой системой растений и укреплением устоев трансформационной дипломатии (*rooted – very strong and firmly fixed [CD]*). Метафорический перенос дополняется механизмом инференции, когда на основе ситуационного контекста выводятся характеристики рассматриваемой дипломатии, такие как отрицание идеологии патернализма как системы отношений, при которой власти обеспечивают базовые потребности граждан, а граждане в обмен на это позволяют властям диктовать модели своего поведения, как публичного, так и частного характера, и равноправное партнерство (*transformational diplomacy is rooted in partnership*). В этих примерах представлен языковой механизм метафорической номинации.

(3) *South Asia's latest cricket spat went political today as the governments of Pakistan and India engaged in a bout of **diplomatic mud-slinging** following the exclusion of Pakistani players from the forthcoming Indian Premier League [The Guardian].*

В этом примере объектом селективной вторичной интерпретации являются субъекты дипломатических отношений. Функция селекции реализуется относительно концептуальной характеристики «природные объекты» и направлена на осмысление взаимодействия между правительствами Пакистана и Индии. С помощью механизма концептуальной метафоры знание о грязи переносится на область дипломатических отношений (*diplomatic mud-slinging*). В результате создается аналогия между грязью как непривлекательной субстанцией и грязью как клеветой, которой обмениваются пакистанские дипломаты с индийскими после того, как пакистанских спортсменов не допустили к участию в чемпионате по регби (*mud-slinging – an attempt to discredit one's competitor, opponent, etc., by malicious or scandalous attacks [Dictionary.com]*). Данный пример иллюстрирует использование лексемы с оценочной семантикой в качестве языкового механизма селективной вторичной интерпретации.

(4) *The roots of Vietnam's **Bamboo Diplomacy** can be traced back to Vietnam's past balancing act in the Sino-Soviet split from 1960 to the 1980s [Vanguard Think Tank].*

(5) *The art of **bamboo diplomacy** is to remain **firmly rooted** while bending in the direction of the political winds [India Times].*

В этих примерах значимость для селективной вторичной интерпретации субъектов дипломатических отношений имеет концептуальная характеристика «живые организмы». Механизм концептуальной метафоры реализуется дважды. Прежде всего, знание о гибкости и стойкости такого растения, как бамбук, проецируется на область дипломатических отношений (*bamboo diplomacy*). Во-вторых, акцент на корне растения позволяет подчеркнуть прочные основы дипломатических принципов Вьетнама (*the art of bamboo diplomacy is to remain firmly rooted*). Метафорическая номинация выступает языковым механизмом функции селекции в этих примерах.

Рассмотрим примеры, репрезентирующие селективную вторичную интерпретацию характера взаимодействия между субъектами дипломатических отношений:

(6) *The U.S. has nothing to lose in **dangling a carrot*** [Anchorage Daily News].

(7) *The “**carrot**” in modern diplomatic relations comes in the form of private and commercial investment, financial aid, food subsidies, and trade agreements* [LD].

В этих примерах объектом селективной вторичной интерпретации выступает такой характерный приём официального взаимодействия субъектов на дипломатическом уровне, как мягкое принуждение. В качестве области-источника в метафорическом переносе выступает знание о роли морковки в ослиной гонке, в которой животных-участников мотивируют на победу, тряся перед ними морковкой, привязанной к удочке (*dangling a carrot*). В результате формируется новое знание о том, как действует система манипулятивного воздействия с помощью обещанного вознаграждения в американской дипломатии (“*carrot*” in modern diplomatic relations). Языковой механизм в первом случае представлен фразеологической единицей, а во втором – метафорической номинацией.

(8) *Other nations in the area closely monitored the developments, gauging the potential ramifications of **China’s wolf warrior diplomacy** on their own bilateral relationships with Beijing* [Tracing China’s diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications].

(9) *Overall, the China-Sweden confrontation serves as an insightful case study of the complexities and repercussions of **China’s wolf warrior diplomacy*** [ibid.].

Объектом селективной вторичной интерпретации являются субъекты дипломатических отношений. Интерпретатор ориентируется на концептуальную область «живые организмы», задействован механизм концептуальной метафоры. Аналогия по сходству построена на основе переноса знания об агрессивном поведении волков на действия дипломатов Китая (*wolf warrior diplomacy*). В результате подчеркивается бескомпромиссность дипломатического корпуса страны, когда дипломаты были вынуждены отбиваться от обвинений в распространении панде-

мии COVID-19. Языковым механизмом селективной вторичной интерпретации выступает метафорическая номинация.

Таким образом, знания о природе в процессах селективной вторичной интерпретации активируются в виде таких характеристик, как природные объекты (*mud*) и растительный мир (*bamboo, carrot, root*). Способы дипломатических отношений, субъекты дипломатических отношений и их взаимодействие являются объектами интерпретации. В некоторых случаях сами наименования способов дипломатических отношений отражают функцию селекции в процессах вторичной интерпретации (*bamboo diplomacy, wolf warrior diplomacy*). Значимыми являются два когнитивных механизма – концептуальной метафоры и инференции. При этом задействованы языковые механизмы номинации, использование лексем и фразеологической единицы с оценочной семантикой.

2.1.4. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО

На основе анализа фактического материала выделены две концептуальные характеристики пространства, относительно которых реализуется селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений – «вертикальные отношения» и «заполнение контейнера». Интерпретация базируется на когнитивном **механизме концептуальной метафоры:**

(1) *The COVID-19 pandemic has also witnessed **the rise of vaccine diplomacy** by competing powers seeking to extend their influence by producing and offering a vaccine to countries in need around the world [A Roadmap for US Global Leadership].*

(2) *As the scope and magnitude of outside policy voices has increased, so has the influence of those outside perspectives, coinciding with **the rise of multitrack diplomacy** [NTI].*

(3) *I'll end by talking about a couple of trends that we've seen in the last decade as wrongful detention and **hostage diplomacy** have **been on the rise*** [Ludwig Guru].

В данных примерах функция селекции в интерпретации способа дипломатических отношений осуществляется относительно концептуальной характеристики «вертикальные отношения». За счет ориентационной метафоры знание о высокой точке в пространстве (*rise – to move upwards* [CD]) проецируется на область дипломатических отношений. В результате создается ассоциация «движение вверх – более высокое достижение» (*the rise of diplomacy*). В качестве языкового механизма селективной вторичной интерпретации выступает метафорическая номинация.

(4) *This was not the diplomacy in public we know today, but **a full-spectrum diplomacy** with publics, engaging people at all levels and with all means available* [The Mountain Runner].

Фокус внимания интерпретатора направлен на концептуальную характеристику «заполнение контейнера». В результате взаимодействие субъектов дипломатических отношений осмысливается с учетом полной включенности в процесс участников на всех уровнях и всех доступных средств (*full-spectrum diplomacy*). Ассоциация с наполненным контейнером позволяет подчеркнуть полномасштабность дипломатических усилий в работе с общественностью. Языковым механизмом селективной вторичной интерпретации является здесь метафорическая номинация.

Таким образом, в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений реализуется относительно концептуальных характеристик «вертикальные отношения в пространстве» и «заполненноеместилище». Взаимодействие субъектов и способы дипломатических отношений становятся объектами интерпретации. Пространственные метафоры являются когнитивным механизмом, задействованным в процессах селективной вторичной интерпретации в данном разделе. С их помощью репрезентируется представление о повышении значимости отдель-

ных аспектов дипломатических отношений. В ряде случаев этот механизм дополняется механизмом инференции, позволяющем раскрыть не выраженные вербально смыслы. Языковым механизмом осуществления селективной вторичной интерпретации в рассмотренных примерах является номинация.

Обобщая полученные результаты, отметим, что селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений реализуется в контексте всех выделенных концептуально-тематических областей. При этом наибольшую частотность в качестве контекста для осмысления дипломатических отношений демонстрирует концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК. Результаты статистического анализа частотности активации концептуально-тематических областей в процессе селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений представлены на Диаграмме 1.

В процессе селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений активируются когнитивные механизмы концептуальной метафоры, кон-

цептуальной метонимии и концептуальной метафтонимии, в ряде случаев дополненные механизмом инференции.

Языковые механизмы, реализующие селективную вторичную интерпретацию дипломатических отношений и представленные в порядке убывания, включают механизм номинации, использование фразеологизмов с оценочной семантикой, предложных словосочетаний, глагольно-именных словосочетаний, лексем с оценочной семантикой и семантическая сочетаемость языковых единиц.

2.2. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений

2.2.1. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК

Знания о человеке являются продуктивным контекстом для классифицирующей вторичной интерпретации дипломатических отношений. В большинстве ситуаций активируются знания о психической природе человека, когнитивной природе, включая речемыслительные навыки, социальной природе и состязательной деятельности. В ходе классифицирующей интерпретации, основанной на знании о человеке, задействуются механизмы концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуального сравнения.

(1) механизм концептуальной метафоры

В процессах классифицирующей вторичной интерпретации в контексте рассматриваемой концептуально-тематической области механизм концептуальной метафоры является ведущим и активируется при осмыслении субъектов и их взаимодействия, а также способов и инструментов дипломатических отношений.

Рассмотрим конкретные примеры:

(1) *If this U.S.-style democracy cannot improve the lives of people of other countries, this **transformational diplomacy** can only remain a **political slogan** of U.S. politicians* [Diplomacy for the 21st Century: Transformational Diplomacy].

В фокусе внимания интерпретатора находится способ дипломатических отношений. Классифицирующая вторичная интерпретация осуществляется относительно концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. Областью-источником для метафорического переноса выступает знание о слогане как о рекламной фразе (slogan – a brief attention-getting phrase used in advertising or promotion [MWD]). Это знание проецируется на трансформационную дипломатию США. В результате создается аналогия между короткой ёмкой рекламной фразой и трансформационной дипломатией, которую политики используют в качестве пропаганды своих целей (*transformational diplomacy can only remain a political slogan*). Классифицируя дипломатические отношения таким образом, интерпретатор акцентирует отсутствие глубокого смысла в такой дипломатии. Языковым механизмом классифицирующей вторичной интерпретации является словосочетание.

(2) *He introduced **quiet diplomacy** and initiated the promotion of **preventive diplomacy*** [UN General Assembly Sixty-sixth Session].

Словосочетание *quiet diplomacy* репрезентирует способ ведения международных переговоров и решения конфликтов посредством частных, закулисных контактов, без громких заявлений или угроз. Классифицирующее значение формируется на основе механизма концептуальной метафоры, когда знание о тихих, спокойных действиях (*quiet – making very little noise; the state of being silent* [CD]) проецируется на область дипломатических отношений. Интерпретатор ориентируется на концептуальную характеристику «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. В результате «тихая дипломатия» классифицируется как подход, часто применяемый для чувствительных вопросов и базирующийся на конфиденциальности.

Посредством словосочетания *preventive diplomacy* классифицируется комплекс дипломатических действий по предотвращению конфликтов. Интерпрета-

тор фокусируется на концептуальной характеристике «деятельная и поведенческая природа» человека для осмысления действий дипломатов. Областью-источником метафорического переноса является знание о профилактических действиях человека по предотвращению опасных ситуаций (*preventive – intended to stop something before it happens* [CD]). Это знание переносится на действия дипломатов, работающих в рамках «превентивной дипломатии», предполагающей раннее предупреждение, посредничество, меры по укреплению доверия. Языковой механизм классифицирующей вторичной интерпретации в обоих случаях представлен метафорической номинацией.

(3) *Following Thailand's example, dozens of countries have **bet on gastrodiplomacy*** [The Parliament Magazine].

Знание об азартной игре, в которой делаются ставки на результат поединка (*to bet – to risk money on the result of an event or a competition, such as a horse race, in the hope of winning more money* [CD]) соотносится с концептуальной характеристикой «деятельная и поведенческая природа» человека и служит основой для классифицирующей вторичной интерпретации дипломатических действий как азартного состязания. В результате реализации механизма концептуальной метафоры создается ассоциация «как делаются денежные ставки на предполагаемый исход состязания, так и страны инвестируют в развитие данного способа дипломатических отношений в надежде получить выгоду». Глагольно-именное словосочетание выступает языковым механизмом классифицирующей вторичной интерпретации.

(4) *His is **a diplomacy of narcissism**, bent on advancing private interests at the expense of our national interests* [Foreign Affairs].

Индивидуальный стиль субъекта дипломатических отношений Д. Трампа интерпретируется с привлечением знания о персонаже древнегреческой мифологии, ставшем символом гордыни и самовлюбленности. Данное знание переносится на участника дипломатических отношений (*a diplomacy of narcissism*). Лексема *narcissism* (disapproving: the habit of always thinking about yourself and admiring yourself [CCALD]) репрезентирует отнесение к классу людей, которые характери-

зуются чрезмерной самовлюблённостью. В семантике лексемы присутствует значение неодобрения, что дает основание считать метафорическую номинацию в качестве языкового механизма.

(5) *But for the tireless Mrs. Clinton it was just another **diplomatic jaunt**, albeit the most intensive one even she has taken* [ABC News].

Классификация дипломатических усилий Х. Клинтон как очередного путешествия (*a jaunt* – a short journey which you go on for pleasure or excitement [CCALD]) свидетельствует об отсутствии конкретных результатов. Интерпретатор ориентируется на концептуальную характеристику «деятельная и поведенческая природа» человека. При этом словосочетание *diplomatic jaunt* демонстрирует смысловую оппозицию, так как первый компонент указывает на целенаправленную деятельность по осуществлению внешней политики, а второй компонент репрезентирует осуществляемое ради удовольствия путешествие, что создает критическую тональность высказывания.

(6) *The EU offers mayors space to experiment, an attractive alternative to the rather programmatic activities of the Council of Europe and the sometimes empty **hype of UN city diplomacy*** [City Diplomacy: The EU's Hidden Capacity to Act].

Классифицируя городскую дипломатию ООН как осознанный пиар, интерпретатор также ориентируется на концептуальную характеристику «деятельная и поведенческая природа» человека и в ходе интерпретации привлекает механизм концептуальной метафоры. Областью-источником выступает знание о хайпе как о настойчивой массовой рекламе (*hype* – a situation in which something is advertised and discussed in newspapers, on television, etc. a lot in order to attract everyone's interest [CD]), которое переносится на действия субъекта дипломатических отношений (*hype of UN city diplomacy*). В результате передается критика дипломатических усилий ООН за счет ассоциации «как агрессивная и навязчивая реклама, целью которой является формирование предпочтений потребителя, вызывает отторжение, так и информационная кампания ООН является пустой тратой времени». Языковым механизмом классифицирующей вторичной интерпретации является именно словосочетание.

(7) *However, Canada's diplomatic estrangement from Beijing is an outlier among G7 nations and exceeds even that of deterrence-conscious U.S. allies in the region like Australia, South Korea and Japan* [Peace Diplomacy].

В данном примере осмысление субъектов дипломатических отношений относительно концептуальной характеристики «социальная природа» человека осуществляется на основе активации механизма концептуальной метафоры. Дипломатические отношения классифицируются как взаимодействие членов семьи. Знание о разрыве отношений между супругами переносится на дипломатические отношения (*estrangement* – to separate and live apart from one's spouse [CCALD]). В результате классифицирующей вторичной интерпретации выводится такая характеристика действий дипломатов, как дистанцирование. Языковым механизмом в данном случае является именно словосочетание.

(8) *Trump, allegedly furious at what he perceived as insufficient Ukrainian gratitude for American military support, delivered an ultimatum that bordered on diplomatic blackmail* [CCALD].

(9) *There is growing frustration in London that some of Europe's leaders need to stop publicly criticising Trump and his diplomatic assault on Zelenskiy and start showing the White House they have the will to take responsibility for their own backyard* [Financial Times].

(10) *With Ma in office, China has stopped this diplomatic poaching and Taiwan's allies now stand at 23* [Reuters].

В этих примерах интерпретатор ориентируется на действия человека в правовом поле. В ходе вторичной интерпретации действия субъектов дипломатических отношений классифицируются в терминах преступлений, таких как шантаж (*blackmail* – extortion of money by threats to divulge discrediting information. Blackmailing is a crime [Vocabulary.com]); нападение (*assault* – a violent attack [CD]); браконьерство (*poach* – to take game or fish by illegal methods [MWD]). В результате подчеркивается неправомерность действий дипломатов. В качестве языкового механизма использована метафорическая номинация.

(11) *Trucks carrying badly needed supplies have waited for days at Egypt's border crossing with Gaza but repeated Israeli strikes and a **diplomatic stalemate** with Cairo have meant they have been unable to enter* [The Guardian].

В этом случае понятие патовой ситуации лежит в основе классифицирующей вторичной интерпретации субъектов дипломатических отношений. Дипломатические отношения рассматриваются как класс интеллектуальных игр. В метафорическом переносе областью-источником является знание о положении в шахматах, которое называется пат (*stalemate* is a position in which a player cannot make any move which is allowed by the rules, so that the game ends and no one wins [CCALD]), которое проецируется на отношения между Египтом и Израилем. За счет реализованной классификации отражается существование безвыходной, не имеющей решения, ситуации. Языковым механизмом является словосочетание *diplomatic stalemate*.

(12) *European leaders meet to finalize the **diplomatic divorce deal** known as *Brexit** [CNN World].

В примере выше представлено осмысление инструмента дипломатических отношений – соглашения об условиях выхода Великобритании из Евросоюза. Знание о разводе как официальном, юридическом прекращении действительного брака между живыми супругами (*divorce* – a written contract signed by a separating couple outlining custody arrangements, property division, child support, and alimony, which must be approved by the court [Justia Legal Dictionary]) проецируется на соглашение о выходе Великобритании из ЕС (*diplomatic divorce deal known as Brexit*). О том, что речь идёт именно о международном соглашении, можно судить на основе широкого контекста. Дипломатический документ, согласно которому Соединенное Королевство официально выйдет из состава Европейского союза 29 марта 2020 года был подписан 24 января 2020 года, но его условия начали обсуждаться задолго до этого, сразу после того, как осенью 2018 года был подписан билль об отмене законов ЕС на территории Великобритании. Классифицируя это дипломатическое соглашение как соглашение о разводе, интерпретатор инферентно определяет его как кризис, требующий адаптации к новой жизни.

(2) механизм концептуальной метонимии

Механизм концептуальной метонимии активируется при классифицирующей интерпретации способов и участников дипломатических отношений относительно таких характеристик человека, как «психическая природа» и «когнитивная природа, включая речевые навыки», а также «социальная природа человека».

(13) *Multi-track diplomacy is an increasingly important element of dialogue to address global challenges* [IMTD].

(14) *Public diplomacy is a response to deeper changes in world politics* [CCALD].

(15) *Gastrodiplomacy is edible nation branding* [Is the Kitchen the New Venue of Foreign Policy?].

Употребление в этих примерах классифицирующей синтаксической конструкции N – is – N является формальным подтверждением классифицирующей деятельности интерпретатора, который ориентируется в примерах 13-14 на концептуальную характеристику «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. Объектом интерпретации являются такие способы дипломатических отношений, как многотрековая дипломатия и публичная дипломатия. За счет активации механизма концептуальной метонимии формируются отношения по смежности «человек – продукт речи». В результате дипломатическое взаимодействие классифицируется как обмен репликами.

В последнем примере объектом интерпретации выступает гастродипломатия как способ дипломатических отношений, использующий кухню, гастрономию и кулинарные традиции для продвижения национального имиджа, укрепления международных отношений и формирования позитивного восприятия страны на мировой арене. Классифицирующая интерпретация осуществляется относительно концептуальной характеристики «социальная природа человека». За счёт знания о роли брендинга в рыночном продвижении товара или услуги (*branding* – the act of making a product, organization, person, or place easy to recognize as different from others by connecting it with a particular name, design, symbol, set of qualities [CD]) активируется метонимический перенос «человек – продукт деятельности» (*gas-*

trodiplomacy is edible nation branding). Дипломатическое взаимодействие рассматривается в терминах категории рекламных технологий. В результате подчеркивается вклад кулинарной дипломатии в репутацию страны и повышения туристической привлекательности региона.

(16) *The incident strained bilateral relations, illustrating how **assertive diplomacy** can exacerbate tensions and hinder diplomatic engagement* [Tracing China's diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications].

(17) *And what's your explanation for the **often-infantile diplomacy** displayed by the United States in the region and in fact around the world* [Truthout]?

(18) *The USA, in a rare moment of **shy diplomacy**, shirks the whole issue in favour of "juggling"* [Up in the air].

(19) *Despite Sweden's storied martial past, it preserved a prudent neutrality for over two centuries, successfully avoiding both world wars through **cautious diplomacy*** [The European Conservative].

В этих примерах объектом классифицирующей вторичной интерпретации являются субъекты дипломатических отношений. В фокусе внимания интерпретатора находятся категории людей, для которых характерна прямолинейность (*assertive* – behaving confidently and being able to say in a direct way what you want or believe [CD]); которые проявляют инфантильность (*infantile* – foolish and childish [CCALD]); для которых свойственна робкая манера проявления дипломатических усилий (*shy* – sensitively diffident or retiring [MWD]) и которые участвуют в дипломатической деятельности с осторожностью (*cautious* – careful about avoiding danger or risk [MWD]). Соотнесение дипломатов с этими классами людей позволяет подчеркнуть характерные особенности дипломатического взаимодействия. Механизм концептуальной метонимии представлен отношениями по смежности «человек – черта характера». Метонимическая номинация выступает в качестве языкового механизма классифицирующей вторичной интерпретации в этих примерах.

(20) *Instances of **aggressive Chinese diplomacy**, as evidenced in its confrontations with individual European states, threaten this balance* [European Council on Foreign Relations].

(21) *On a range issues, China engaged in seemingly disproportionately assertive diplomacy toward relatively minor issues in East Asia, eliciting **hostile diplomacy*** [Oxford Academic].

(22) *The change was especially stark in countries like Australia, Sweden and the Netherlands that have been on the receiving end of **China's most bellicose diplomacy*** [The New York Times Magazine].

Объектом классифицирующей вторичной интерпретации в примерах выше выступают субъекты дипломатических отношений, осмысляемые на основе отношений по смежности «человек – состояние», что подчеркивается их отнесением к классу людей с определенным эмоциональным состоянием (*aggressive* – showing anger and a willingness to attack other people [CD]; *hostile* – marked by malevolence : having or showing unfriendly feelings [CD]), а в последнем примере представлен класс людей, демонстрирующих воинственное волевое состояние (*bellicose* – wishing to fight or start a war [CD]). Языковым механизмом реализации классифицирующей вторичной интерпретации является использование лексем с оценочной семантикой.

Аналогичным является процесс классифицирующей вторичной интерпретации и в следующих примерах:

(23) *A sense of common interest and purpose meant that when disagreements arose between allies – and there were many – they tended to be dealt with in an euphemistic, polite and, as much as possible, a private fashion. A sense of shared interest required the suppression of conflict and the rise of an era of **friendly diplomacy*** [Spiked].

(24) *Each initiative illustrates its effectiveness in bridging gaps and promoting mutual understanding, vital components of **cordial diplomatic relations*** [World Jurisprudence].

Классифицируя субъектов дипломатических отношений на основе критерия дружелюбия (*friendly* – not hostile [MWD]; showing or expressing liking, goodwill, or trust [CCALD]) и сердечности (*cordial* – showing or marked by warm and often hearty friendliness, favor, or approval [MWD]) интерпретатор опирается на метонимический перенос по модели «человек – характер». В результате удается под-

черкнуть атмосферу дипломатических встреч (*cordial diplomatic relations*). На языковом уровне классифицирующая вторичная интерпретация в рассмотренных примерах реализуется за счет использования лексем с оценочной семантикой.

(3) механизм концептуального сравнения

Активация механизма концептуального сравнения сопровождается выдвиганием знания эталонного типа, на которое ориентируется классификатор-интерпретатор при осмыслении дипломатических отношений. Обратимся к анализу конкретных примеров:

(25) *People talk about international diplomacy and international relations **as a game of chess*** [Ludwig Guru].

(26) *One cliché of **diplomacy** is that it is **like chess**. It combines patient strategic manoeuvring with sudden flashes of sharp decisive action* [Diplomat Magazine].

(27) ***It (diplomacy) is more like pool – billiards** – where there are a bunch of balls in the middle of the table and somebody comes with a cue stick with the hope of getting a ball into one of the pockets on the sides and on the way, it hits a lot of other balls* [Ludwig Guru].

Эталонным знанием для сравнения в первых двух примерах выступает такая игровая категория, как шахматы, в последнем примере – игра в бильярд. При этом интерпретатор ориентируется на концептуальную характеристику «деятельная и поведенческая природа» человека. Посредством сравнения дипломатические отношения классифицируются как игра в шахматы. В результате подчеркивается, что от дипломатов требуется терпеливое стратегическое маневрирование, прерываемое неожиданными решительными действиями, на что указывает и ситуативный контекст (*patient strategic manoeuvring with sudden flashes of sharp decisive action*). Сравнение поведения субъектов дипломатических отношений с игрой в бильярд позволяет подчеркнуть противоборство и трудности в достижении целей, на что указывается и в ситуативном контексте (*it hits a lot of other balls*). В качестве языкового механизма выступает сравнительная конструкция.

Как показал анализ фактического материала, представленного в разделе 2.2.1., знания о человеке, включая знания о психической природе человека (*hostile*

diplomacy), социальной природе человека (*friendly diplomacy*) и состязательной деятельности (*international diplomacy and international relations as a game of chess*) играют роль когнитивного контекста в классифицирующей интерпретации субъектов дипломатических отношений, а также способов и инструментов дипломатических отношений. При этом активируются такие когнитивные механизмы, как концептуальная метафора, концептуальная метонимия и концептуальное сравнение, а также инференция. Характерно, что активация последнего механизма отмечается только при взаимодействии со знаниями о состязательной деятельности человека. Ключевыми языковыми механизмами реализации классифицирующей вторичной интерпретации являются здесь номинация, использование словосочетаний и лексем с оценочной семантикой, а также сравнительной конструкции.

2.2.2. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ

Классифицирующая вторичная интерпретация в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ реализуется относительно следующих характеристик: функциональное назначение зданий, функциональное назначение приборов и устройств, функциональное назначение инструментов. Наряду с активацией механизмов концептуальной метафоры и концептуального сравнения, выявлены случаи их взаимодействия в процессах интерпретации:

(1) механизм концептуальной метафоры

Классифицирующая вторичная интерпретация на основе механизма концептуальной метафоры направлена на осмысление участников и способов дипломатических отношений. Рассмотрим конкретные примеры:

(1) *The Main Elements of the Military Aspects of a Comprehensive Approach include Strategic stabilisation concept **founded on defence diplomacy** and security sector reform* [British Strategic Leadership: Food for Thought].

(2) *City **diplomacy** fundamentally **rests on its proximity to the latter*** [CCALD].

В этих примерах интерпретируется способ дипломатических отношений.

В примере 1 знание о фундаменте, лежащем в основе здания и придающем ему устойчивость (*foundation – the base that is built below the surface of the ground to support a building [CD]*), проецируется на оборонную дипломатию. Выступающая в качестве фундамента такая дипломатия в регионе Северо-Атлантического Альянса осмысливается как опора для стратегического лидерства Великобритании в отношениях между странами этого региона (*founded on defence diplomacy*). Классифицирующая вторичная интерпретация сфокусирована на дипломатические отношения в северной Атлантике, которые осмысливаются как здание с прочным фундаментом. В результате подчеркивается функциональное предназначение дипломатии – оказывать поддержку. Вторичная интерпретация реализуется в рамках предложного словосочетания.

В примере 2 областью-источником для метафорического переноса также выступает знание о функции опоры в сооружении более высокого порядка (*to rest – to lie or lean on something, or to put something on something else so that its weight is supported [CD]*). Аналогично примеру 1, дипломатические отношения также классифицируются как сооружение. Подобно тому, как здание опирается на фундамент, городская дипломатия базируется на укреплении отношений между странами ввиду своей близости к аудитории рядовых горожан. В данном случае подчеркивается уровень городской дипломатии в структуре международных отношений (*city diplomacy fundamentally rests*).

(3) *One of the cornerstones of China's peaceful diplomacy was the principle of non-interference in the internal affairs of other countries [Tracing China's diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications].*

(4) *This momentum needs an even stronger **diplomatic scaffolding** to be maintained [Diplomatic Courier].*

(5) ***Track II diplomacy is by no means a substitute for Track I, but rather a complimentary platform based on the idea that thought leaders, outside of official government meetings, can advance strategic national interests, and find common ground in ways that their governments cannot [Aspen Institute].***

В этих примерах разные части зданий или сооружений классифицируются по их функциональному предназначению: краеугольный камень как базовый элемент фундамента, расположенный под местом схождения двух стен (*cornerstone* – a stone at the corner of the base of a building [OALD]); строительные леса как временная конструкция, возводимая для расположения работников и материалов при строительстве (*scaffolding* – a raised structure that supports workers and materials during work on a building [CD]); платформа как многоцелевая площадка (*platform* – a flat raised area or structure [CD]). Этот классифицирующий потенциал переносится за счет механизма концептуальной метафоры на способы дипломатических отношений. В результате в первом случае подчеркивается значимость китайской политики невмешательства во внутренние дела других стран (*cornerstones of China's peaceful diplomacy*); во втором – отмечается необходимость поддержки дипломатических усилий (*diplomatic scaffolding*); в последнем – гражданская дипломатия классифицируется как платформа для продвижения стратегических национальных интересов (*Track II diplomacy is a complimentary platform*). В рассмотренных примерах реализуется языковой механизм метафорической номинации.

(6) ***Preventive diplomacy, peace-enforcement and peace-building have become common currency in professional diplomatic circles*** [Ludwig Guru].

В фокусе внимания интерпретатора находится превентивная дипломатия как способ взаимодействия по поддержанию официальных отношений между государствами. Область-источник метафорического переноса представлена знанием о валюте как инструменте, который используется для удобного обмена между участниками в качестве единицы измерения стоимости товаров или услуг. Это знание проецируется на дипломатические усилия по предотвращению конфликтов, в том числе военных. За счет классифицирующей вторичной интерпретации превентивная дипломатия представлена на основе знания о классе инструментов, определяющих ценность происходящих явлений (*preventive diplomacy [has] become common currency*). В качестве языкового механизма выступает метафорическая номинация.

(7) *Citizens' and multi-track diplomacy have become increasingly important tools for diplomats* [CIDCM].

(8) *Global health diplomacy will continue to be a crucial tool for U.S. foreign policy and will need to be a key effort of USAFRICOM's operational and strategic approach* [Ludwig Guru].

(9) *In particular, digital diplomacy is proving to be an essential tool where there are no formal diplomatic ties* [Taipei Times].

(10) *Citizen diplomacy can be a powerful tool for promoting peace and cooperation* [Diplo Foundation].

(11) *Citizen diplomacy may be an ideal tool of statecraft* [Dictionary.com].

За классом инструментов как орудий для производства новых объектов закреплена функция облегчать работу и расширять возможности человека в его деятельности. Это знание переносится на способы дипломатических отношений, каждый из которых классифицируется как инструмент. В результате подчеркивается способность гражданской, многоканальной, цифровой дипломатий, а также дипломатии по линии здравоохранения быть инструментом достижения разных целей во взаимодействии между странами. Характерно, что эта значимость усиливается за счет употребления прилагательных с оценочной семантикой *important, crucial, essential, powerful, ideal*. Отметим, что указанные прилагательные не являются следствием оценки дипломатии, но подчеркивают функциональную эффективность инструмента в достижении определенных целей. Языковой механизм классифицирующей вторичной интерпретации представлен словосочетаниями с оценочной семантикой.

(12) *Via "shuttle diplomacy," the gravelly-voiced diplomat traveled a relentless circuit between the countries in conflict to haggle in person with their leaders* [AP News].

Челночная дипломатия олицетворяет такой способ дипломатического взаимодействия, при котором дипломат-посредник последовательно встречается с конфликтующими сторонами для согласования позиций и поиска компромисса, и в целом, классифицируется как эффективная дипломатия. Осмысление эффектив-

ности этого способа дипломатии осуществляется на основе механизма концептуальной метафоры, когда область-источник представлена знанием о челноке как инвентаре для продевания поперечных нитей через продольные при изготовлении ткани на ручном ткацком станке (*shuttle* – in weaving, a device that is used to carry the thread that goes across the cloth between the threads that go down the cloth [CD]). В зависимости от размера итогового куска ткани челнок мог совершить от нескольких сотен до нескольких тысяч движений вперед-назад. Это знание проецируется на действия участника дипломатических отношений (*shuttle diplomacy*). Классифицирующая вторичная интерпретация позволяет дать представление о дипломатических отношениях за счет отсылки к классу монотонных, повторяющихся с постоянной регулярностью действий. В результате в фокусе внимания находятся такие компоненты смысла, как «постоянное перемещение для согласования условий мира» и «активность действий посредника». Классифицирующая вторичная интерпретация реализуется за счет языкового механизма метафорической номинации.

(13) *Diplomacy is the key ingredient to a peaceful world, which is what we said was the founding principle of the United Nations.* [Greenfield Recorder].

В примере 13 областью-источником является знание об ингредиенте как виде сырья для приготовления блюда (*ingredient* – a food that is used with other foods in the preparation of a particular dish [CD]). Данное знание переносится на область-цель «взаимодействие субъектов дипломатических отношений» (*diplomacy is the key ingredient ingredient to a peaceful world*). Дипломатические отношения классифицируются в терминах кулинарного рецепта, предполагающего использование разных компонентов для создания сложного целого. В сочетании с эпитетом *key* репрезентируется оценочный смысл, сфокусированный на важности взаимодействия государственных деятелей для достижения мирных целей.

(2) механизм концептуального сравнения

Данный механизм также является значимым для реализации функции классификации способов дипломатических отношений относительно концептуально-тематической области АРТЕФАКТ:

(14) *AI diplomacy stands as a beacon of cooperation* [Meridian Explainer].

(15) *One has to look at food diplomacy and food in general as a bridge to connect people* [The Parliament Magazine].

В первом примере, классифицируя дипломатию на основе искусственного интеллекта как навигационный ориентир, который помогает судам определить местонахождение и избежать опасности (*beacon* – a light or fire in a place that is easy to see, such as on the top of a hill, that acts as a warning or signal [CD]), интерпретатор акцентирует роль такой дипломатии в развитии сотрудничества между странами (*beacon of cooperation*).

Во втором случае на основе сравнения с мостом как сооружением, связывающим две стороны (*bridge* – a structure that is built over a railway, river, or road so that people or vehicles can cross from one side to the other [CD]), интерпретатор классифицирует кулинарную дипломатию с учетом ее функционального предназначения преодолевать препятствия (*as a bridge to connect people*). Сравнительная конструкция является языковым механизмом интерпретации.

(16) *This is one of the reasons why panda diplomacy is criticised as a tool of soft power utilised by China to maintain their political and diplomatic influence* [Panda Saves the Day].

Результатом функции классификации в этом примере является отнесение дипломатии панд к категории таких способов дипломатического воздействия, когда продвигаются национальные интересы государства без открытого противостояния (*as a tool of soft power*). На уровне языка задействована сравнительная конструкция.

(3) взаимодействие механизмов концептуального сравнения и концептуальной метафоры

(17) *As a tool of soft power, sport diplomacy is an important staple of foreign policy – used by great powers or middle powers* [Soft power at home and abroad].

В первом случае спортивная дипломатия сравнивается с инструментом мягкой силы, во втором формируется аналогия по сходству «как скоба является скрепляющим элементом, так и спортивная дипломатия укрепляет отношения

между странами» (*staple* – a U-shaped piece of metal with sharp ends that is fixed into a surface to hold something, such as a wire fence, in a particular position [CD]). Классифицируя спортивную дипломатию как орудие труда и как профессиональный инструмент, интерпретатор подчеркивает ее связующую роль в отношениях между странами (*sport diplomacy is an important staple of foreign policy*). В качестве языкового механизма использованы сравнительная конструкция и метафорическая номинация.

Таким образом, классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений реализуется относительно таких концептуальных характеристик артефакта, как функциональное назначение зданий и сооружений и их частей, функциональное назначение средства обмена, функциональное назначение орудия труда и профессионального инструмента, функциональное назначение кулинарного компонента. Эти концептуальные характеристики представляют структуры знания, которые переносятся на дипломатические отношения с помощью концептуальной метафоры и концептуального сравнения. Отмечается случай употребление двух когнитивных механизмов в одном примере (см. пример 17). Дополнительные смыслы о дипломатическом взаимодействии раскрываются на основе механизма инференции. В качестве объектов классифицирующей вторичной интерпретации установлены способы дипломатических отношений и характер взаимодействия субъектов. В данном разделе классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений реализуется благодаря языковым механизмам номинации, использования лексем с оценочной семантикой, предложного словосочетания и сравнительной конструкции.

2.2.3. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО

В контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО функция классификации дипломатических отношений в основном осуществляется относительно концептуальной характеристики «заполнение контейнера».

(1) механизм концептуальной метафоры

(1) *Traditionally diplomacy, and specifically **nuclear diplomacy**, was the activity of statemen and public servants **conducted behind closed doors** [Nuclear Diplomacy in the Age of Social Media].*

(2) *Whatever anyone might say, there is no denying the fact that the Americans lead all others in what can be called **out-of-the-box diplomacy** [The Economic Times].*

В первом примере интерпретируется способ дипломатических отношений. В качестве когнитивного механизма классифицирующей вторичной интерпретации представлена метафора КОНТЕЙНЕР как замкнутое пространство, сущность которого подчеркивается словосочетанием *behind closed doors*. За счет этой метафоры дипломатические отношения классифицируются с учётом атмосферы секретности, которая окружает переговоры стран по сокращению ядерных вооружений (*nuclear diplomacy was conducted behind closed doors*). Когнитивный механизм концептуальной метафоры дополняется механизмом инференции, за счет которого на основе концепта ТРАДИЦИЯ выводится знание о закреплении такого подхода как нормы. Языковым механизмом является использование предложного словосочетания.

Во втором примере в фокусе классифицирующей вторичной интерпретации находится взаимодействие субъектов дипломатических отношений. На основе метафоры КОНТЕЙНЕР проецируется характеристика «движение из замкнутого пространства». Фразовый эпитет *out-of-the-box* (something that is new, different or shows imagination [OALD]) репрезентирует нестандартный подход в дипломатии. Решения, принятые в ходе переговорного процесса, классифицируются как креа-

тивны́е. Когнитивный механизм концептуальной метафоры активируется совместно с языковым механизмом предложного словосочетания.

(3) *Or the administration could de-escalate by **opening a realistic path for diplomacy** with Iran* [Foreign Affairs].

(4) *Modern **public diplomacy** is a ‘two-way street’, even though the diplomat practising it will of course always have his own country’s interests and foreign policy goals in mind* [The New Public Diplomacy].

(5) *India’s **counter-terrorism diplomacy** is at the crossroads as a result of the twin bombs which went off in Mumbai on Monday* [Ludwig Guru].

В примерах 3-5 в классифицирующей вторичной интерпретации дипломатических отношений задействована метафора ПУТЬ.

В примере 3 объектом классифицирующей интерпретации является взаимодействие субъектов дипломатических отношений. В основе метафорического переноса находится знание о тропинке (*path* – a long strip of ground which people walk along to get from one place to another [CCALD]), которое переносится на область-цель «дипломатические отношения». Выражение *open the path* (make something easier or more likely to happen [MWD]) позволяет классифицировать дипломатические отношения как путь к деэскалации и отследить начало рационального подхода к построению эффективного комплексного взаимодействия субъектов дипломатических отношений (*opening a realistic path for diplomacy*). Использование глагольно-именного словосочетания выступает механизмом интерпретации на уровне языка.

В примерах 4-5 способ дипломатических отношений – дипломатия, направляющая усилия на борьбу с международным терроризмом и общественная дипломатия – является объектом классифицирующей вторичной интерпретации. Так, в примере 4 знание о двунаправленном движении (*two-way street* – a situation or relationship between two people or groups in which action is required from both parties [Farlex]) проецируется на способ дипломатических отношений. Дипломатические отношения классифицируются как ситуация столкновения разнонаправленных интересов. В результате подчеркивается необходимость взаимных обязательств и

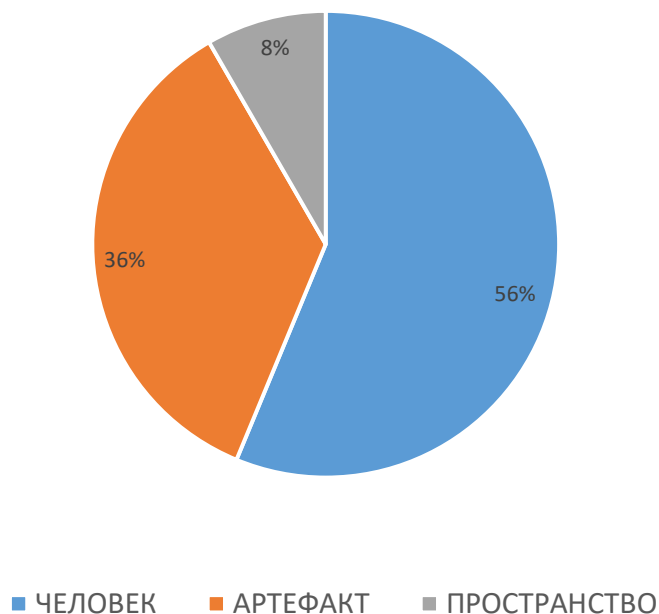
совместных действий для адекватной реализации публичной дипломатии. В ситуативном контексте подчёркиваются противоречия такого подхода, исходящие из того, что дипломат должен учитывать позицию партнера, но удерживать интересы своей страны в качестве личного приоритета (*have his own country's interests and foreign policy goals in mind*). Языковым механизмом классифицирующей вторичной интерпретации является именно словосочетание.

В последнем примере знание о перекрёстке как о точке выбора нужного направления (*at the crossroads – at a stage when you have to make a very important decision [CCALD]*) переносится на дипломатические усилия Индии. Дипломатические отношения рассматриваются как класс ситуаций сложного выбора. В результате подчеркиваются трудности в развитии контртеррористической дипломатии. Языковым механизмом является использование предложной конструкции.

Таким образом, в процессах классифицирующей вторичной интерпретации дипломатических отношений имеют значение пространственные метафоры КОНТЕЙНЕР и ПУТЬ. Объектами интерпретации выступают способы и взаимодействие субъектов дипломатических отношений. К языковым механизмам относится использование именных и предложных словосочетаний. Характерно, что функция классификации реализуется в контексте трех концептуально-тематических областей. Концептуально-тематическая область ПРИРОДА не востребована в ходе рассматриваемого типа вторичной интерпретации. Еще одна закономерность проявляется в большей частотности контекста концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК.

Частотность активации концептуально-тематических областей в процессе классифицирующей вторичной интерпретации дипломатических отношений представлена на Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Частотность активации концептуально-тематических областей в разделе 2.2.

В процессе классифицирующей вторичной интерпретации происходит активация когнитивных механизмов концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуального сравнения, а также инференции.

К языковым механизмам, реализующим классифицирующую вторичную интерпретацию дипломатических отношений, относятся механизм номинации, использование лексем с оценочной семантикой, предложных словосочетаний и сравнительных конструкций.

2.3. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений

2.3.1. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК

Оценочная интерпретация соотносится с системой ценностей и шкалой оценок, принятых в обществе, и в контексте концептуально-тематической области

ЧЕЛОВЕК ориентируется на различные концептуальные характеристики, опираясь на когнитивные механизмы концептуальной метафоры, метонимии, метафоронимии и концептуального сравнения. Обратимся к анализу примеров, которые демонстрируют действие механизма концептуальной метафоры:

(1) механизм концептуальной метафоры

(1) *Citizen diplomacy is alive and well in Ketchum* [Idaho Mountain Express Newspaper].

(2) *Seoul's defence ministry wants to reboot moribund diplomacy as Red Cross renews attempts to reunite Korean families* [The Guardian].

В этих примерах оценочное знание формируется относительно концептуальной характеристики «биологическая природа человека» (*alive* – having life: not dead [MWD]; *well* – free or recovered from infirmity or disease; healthy [MWD]; *moribund* – being in the state of dying; approaching death [MWD]). Оценочное осмысление способов дипломатических отношений соотносится с такими понятиями, как здоровье, жизнь, уход из жизни. За счет метафорического переноса в первом случае отмечается активная фаза дипломатического взаимодействия (*citizen diplomacy is alive and well*), тогда как во втором примере создается ассоциация «как постепенно прекращается жизнь человека, так же и дипломатические контакты между Северной и Южной Кореей останавливаются». Способ дипломатических отношений – дипломатия по линии оборонных ведомств – устанавливается в примере 2 в контексте (*Seoul's defence ministry*). При этом языковыми механизмами функции оценки выступают фразеологическая единица и метафорическая номинация.

Следующие примеры репрезентируют негативный фокус оценки, формируемой о субъектах и способах дипломатических отношений относительно концептуальной характеристики «биологическая природа человека»:

(3) *Practice of public diplomacy and of propaganda and of psychological warfare had become such a plague* ["Public Diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase].

(4) *Consistently with this **starvation of diplomacy**, the section on the United Nations is about half a page in length and is nothing more than supportive generalisations* [Rapid Round-up: Foreign policy White Paper].

(5) ***Starving diplomacy and aid now will result in greater defense needs later on*** [On the Issues].

Оценка дипломатических отношений здесь как неэффективных создается на основе метафорического переноса, когда областью-источником в первом случае выступает знание об очень опасной болезни (*plague* – a very infectious disease caused by bacteria spread mainly by fleas (= small insects that bite) on rats or other animals, that causes swelling, fever, and usually death in humans [CD]); в последних примерах – знание о длительном голодании как причине ослабления или смерти человека (*starve* – to (cause someone to) become very weak or die because there is not enough food to eat [CD]). Эти структуры знания подчеркивают сбой в биологической системе человека, что проецируется на состояние дипломатического взаимодействия (*starvation of diplomacy*). Языковым механизмом оценочной вторичной интерпретации в рассмотренных примерах является использование лексем с оценочной семантикой.

(6) *It's an era where data sovereignty and cybersecurity are pivotal, and where **digital diplomacy breaks down barriers**, democratizing international relations* [RisePearl].

(7) ***Public, and especially guerrilla diplomacy can restore relevance and effectiveness to the world's second oldest profession in the face of the threats and challenges of the globalization age*** [Diplomacy, development and security in the age of globalization].

Объектом оценочной интерпретации здесь являются такие способы дипломатических отношений, как цифровая дипломатия (пример 6) и общественная и партизанская дипломатия (пример 7). В примере 6 интерпретатор ориентируется на концептуальную характеристику «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. В примере 6 посредством фразеологизма *break down barriers* (to improve understanding and communication between people

who have different opinions [CD]) репрезентируется позитивная оценка, в фокусе которой находится способность цифровой среды служить универсальным посредником в дипломатических отношениях, делая международные контакты более доступными и повышая их производительность (*digital diplomacy breaks down barriers*).

В примере 7 дипломатические отношения осмысляются на основе аналогии по сходству, где областью-источником является знание о реставрации как деятельности, направленной на возвращение объекта в первоначальный хороший вид (*restore – to return something or someone to an earlier good condition or position* [CD]). Для интерпретатора важно подчеркнуть способность открытых и прозрачных дипломатических отношений восстановить значимость профессии дипломатов (*guerrilla diplomacy can restore relevance and effectiveness to the world's second oldest profession*). На уровне языка в примере 7 использована метафорическая номинация.

(8) *Accusations of "debt trap diplomacy" levelled at China's Belt and Road plan to offer billions in loans to poor nations for infrastructure have been questioned by new research which shows asset seizures by Beijing are rare* [The Sydney Morning Herald].

(9) *Allegations of "chequebook diplomacy" against Taiwan were "very unfair"* [The New Zealand Herald].

(10) *The tour was meant as a counterweight to China in a region where Beijing's dollar diplomacy has bought significant influence* [CCALD].

В этих примерах для интерпретатора значимой является концептуальная характеристика «деятельная и поведенческая природа» человека, в соотнесении с которой активируется механизм концептуальной метафоры. Объектом оценки становятся субъекты дипломатических отношений. В примере 8 областью-источником является знание об использовании долгового бремени как инструмента внешней политики для расширения влияния. Перенос этого знания на дипломатическое взаимодействие создает новую оценочную структуру знания – «дипломатия долговой ловушки» (*debt trap diplomacy*). В примерах 9 и 10 знание о том,

как с помощью инвестиций и займов покупается лояльность того или иного государства, проецируется на дипломатическое взаимодействие. В результате интерпретатор негативно отзываясь о вовлеченности Тайваня в «дипломатию чековой книжки» (пример 9), а в примерах 8 и 10 с опорой на ситуативный контекст оценивается влияние Пекина, достигнутое на основе долговой и долларовой дипломатии (*Beijing's dollar diplomacy has bought significant influence*). В качестве языковых механизмов выступает метафорическая номинация.

(11) *Put another way: cowboy diplomacy, RIP* [Slate].

Данный пример репрезентирует фокусирование интерпретатора на двух концептуальных характеристиках: «деятельная и поведенческая природа» человека и «биологическая природа человека», относительно которых реализуется функция оценки. В первом случае представлена образная номинация способа дипломатических отношений (*cowboy diplomacy*). Областью-источником для метафорического переноса является обыденное знание о ковбоях, в частности, о том, что им присуще необдуманно-рискованное поведение, использование грубой силы и склонность к вооруженным конфликтам (*cowboy diplomacy – the resolution of international conflicts through brash risk-taking, intimidation, military deployment, or a combination of such tactics* [Cowboy diplomacy – The TR]). Ассоциативно соотносятся стереотипная характеристика поведения пастуха в Америке XIX века и способ дипломатических отношений, опирающийся на риск, недальновидные тактики и принуждение. Во втором случае областью-источником является знание о смерти и сопутствующих ей ритуалах у человека (*RIP – «rest in peace» (idiom)* [CD]). Образный характер оценки выстраивается за счет аналогии между смертью как финальным акте жизненного пути и прекращением действия ковбойской дипломатии. На языковом уровне представлены метафорическая номинации и фразеологизм.

В следующих примерах объектом оценочной интерпретации является субъект дипломатических отношений:

(12) *Instead of organizing a coalition of countries to check China – with Australia, Europe, India and others – Trump has alienated many of them, with erratic di-*

plomacy, trade spats and the undermining of global groups like the World Health Organization [The New York Times].

(13) *With those goals in mind and China's track record of reciprocation rather than escalation when faced with **Trumpian cowboy diplomacy**, Beijing is looking to de-escalate bilateral tensions on its own terms* [Canadian Global Affairs Institute].

Здесь интерпретатор ориентируется на концептуальную характеристику «деятельная и поведенческая природа» человека. Критически оценивая индивидуальный дипломатический стиль Д. Трампа, интерпретатор использует в первом случае лексему *erratic* (deviating from what is ordinary or standard; eccentric [MWD]), которая в процессе метафорического переноса позволяет создать аналогию по сходству «неустойчивость объекта – непостоянство дипломатии», что объясняет причину потери союзников (*Trump has alienated many of them, with erratic diplomacy*).

Во втором примере областью-источником является обыденное знание о ковбоях, в частности, о том, что им присуще необдуманно-рискованное поведение, использование грубой силы и склонность к вооруженным конфликтам. За счет проецирования этого знания на дипломатический стиль Д. Трампа подчеркивается его ориентирование на риск, недальновидные тактики и принуждение (*Trumpian cowboy diplomacy*). Метафорическая номинация выступает языковым механизмом функции оценки.

(14) *Though no journalists were there to report on it, this was a **triumph in economic diplomacy*** [CCALD].

(15) *Pew polling data indicates that **Beijing's covid-diplomacy failed** to generate a more positive attitude towards the PRC among Western states* [IPS Journal].

Оценочная вторичная интерпретация способов дипломатических отношений в этих примерах также соотносится с концептуальной характеристикой «деятельная и поведенческая природа» человека. В первом примере оценивается развитие дипломатических отношений в экономической сфере (*a triumph in economic diplomacy*). В метафорическом переносе областью-источником является знание о триумфе как об очень значительном успехе (*triumph – a very great success*,

achievement, or victory (when you win a war, fight, or competition) [CD]». Семантика данной лексемы отражает градацию степени успешности за счёт семы «very».

Во втором примере механизм концептуальной метафоры реализуется в ходе проецирования знания о неудаче как констатации недостижения цели (*fail* – to not succeed in what you are trying to achieve or are expected to do [CD] на ковидную дипломатию Китая. Интерпретатор указывает на провал дипломатических усилий Пекина в отношении формирования позитивного отношения со стороны западных государств (*Beijing's covid-diplomacy failed*). Оценочная вторичная интерпретация реализуется в этих примерах на основе таких языковых механизмов, как предложное словосочетание и глагольно-именное словосочетание.

(16) *The rebuilding of what William Burns described as “the demolition of U.S. diplomacy” under Trump will be slow and difficult for the Biden administration* [CCALD].

В примере 16 объектом оценочной вторичной интерпретации является Д. Трамп как субъект дипломатических отношений. Интерпретация построена на основе строительной метафоры о сносе здания (*demolition* – the act of destroying something such as a building [CD]). Как следует из контекста, бывший президент фонда Карнеги, Б. Бёрнс, раскритиковал Д. Трампа за «снос американской дипломатии» (*the demolition of U.S. diplomacy*), который проявился в сокращении финансирования организаций, осуществляющих международные вмешательства в интересах США. В процессе оценочной вторичной интерпретации реализуется механизм использования лексемы с оценочной семантикой.

(17) *Diplomats are poker chips. The pomp and mystery that accrues to the diplomatic and intelligence services en poste overseas conceal a simple truth: in today's world, journalists, bankers, NGOs and bloggers are, far more often than not, better informed than diplomats about the countries in which they operate* [The Spectator 30.03.2018].

(18) *For Morrison, this was the diplomatic jackpot, an unambiguous sign of the “deep friendship” between the two countries* [Financial Review].

Дипломатическое взаимодействие осмысливается в этих примерах на основе функции оценки в соотнесении с концептуальной характеристикой «деятельная и поведенческая природа» человека. В первом примере активируется знание об азартной карточной игре – покере, в которой оперируют покерными фишками как игровой валютой и своеобразным активом, который может принести пользу (*poker chips – one of the counters used as a token for money in poker [MWD]*). Это знание переносится на область дипломатических отношений, что позволяет охарактеризовать отношение руководителей государств к дипломатам других стран (*diplomats are poker chips*). Такое сравнение принижает ценность дипломатического статуса, на что указывает и ближайший контекст: международные журналисты, банкиры и блогеры знают о положении в стране больше, чем дипломаты (*journalists, bankers, NGOs and bloggers are, far more often than not, better informed than diplomats*).

Во втором случае область-источник в метафорическом переносе представлена знанием о джекпоте как максимальном выигрыше в лотерею, покер и т.п. (*jackpot – the top prize in a game or contest (such as a lottery) that is typically a large fund of money formed by the accumulation of unwon prizes [MWD]*), которое переносится на дипломата. Объектом оценки выступает взаимодействие субъектов дипломатических отношений, интерпретируемое как получение неожиданного приза. Языковым механизмом в этих примерах выступает метафорическая номинация.

Деятельность и поведение человека являются основой для оценочного осмысления субъектов дипломатических отношений и в следующих примерах:

(19) *South Korea's pop cultural diplomacy has challenged China's cultural dominance in East Asia* [Ludwig Guru].

(20) *In an extraordinary moment, Donald Trump used an Oval Office meeting with South Africa's president to play him a video claiming to show a white genocide in his country. A South African government minister gives us his response to that **diplomatic ambush*** [PlayerFM].

В первом случае аналогия по сходству создается за счет переноса знания о вызове на поединок (*to challenge – to invite someone to compete or take part, espe-*

cially in a game or argument [CD]) на действия корейских дипломатов (*pop cultural diplomacy has challenged China's cultural dominance*). Во втором примере интерпретатор опирается на знание о засаде как тактическом приёме скрытого, внезапного нападения на противника из укрытия (*ambush – attack by surprise from a hidden place* [MWD]). Такой прием относится к военным действиям, что позволяет выразить негативную оценку дипломатических усилий Д. Трампа. В ситуативном контексте подчёркивается его грубое нарушение дипломатического протокола. На языковом уровне использована метафорическая номинация.

(21) *EU climate diplomacy needs to be professionalised, strengthened, become more coherent and coordinated* [European Parliament].

Комплексная оценка субъекта дипломатических отношений формируется за счет ориентирования интерпретатора на концептуальные характеристики «социальная природа» человека (*professional – relating to employment* [CD]); «биологическая природа» человека (*strengthen – to make something stronger; coordinated – if a person is coordinated, they move in a very easy and controlled way* [CD]); «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека (*coherent – expressing yourself clearly* [CD]). Как и в предыдущем примере, метафорическая номинация является языковым механизмом оценочной интерпретации.

(22) *This shift in global perception is intrinsically linked to the rise of Xi Jinping and China's assertive wolf warrior diplomacy* [Tracing China's diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications].

Интерпретатор оценивает субъектов дипломатических отношений – китайских дипломатов – относительно трех концептуально-тематических областей: ЧЕЛОВЕК на основе концептуальной характеристики «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека (*assertive – behaving confidently and able to say in a direct way what you want or believe* [CD]), ПРИРОДА за счет активации концептуальной характеристики «живые организмы» (*wolf – a large wild animal of the dog family, that lives and hunts in groups*) и ПРОСТРАНСТВО с опорой на концептуальную характеристику «вертикальные отношения» (*rise – to move upwards* [CD]). В результате метафорического переноса китайские диплома-

ты оцениваются как воины-волки, проявляющие агрессивность и напористость в дипломатическом взаимодействии. К тому же, за счет пространственной метафоры, указывающей на движение вверх, подчеркивается, что такая дипломатия сейчас прогрессирует (*the rise of assertive wolf warrior diplomacy*). Вторичная интерпретация реализуется на основе языковых механизмов номинации и использования лексем с оценочной семантикой.

(23) *Countries <...> whose **diplomatic ties are strained or broken** will likely not permit their citizens to travel to territory designated as dangerous* [Encyclopedia.com].

(24) *The visit was a **diplomatic misstep** with unknowable consequences from the start* [The Guardian].

Функция оценки осуществляется здесь относительно концептуальной характеристики «биологическая природа человека». Объектом интерпретации являются формальные характеристики взаимодействия субъектов дипломатических отношений. В фокусе внимания наблюдателя в первом случае находится знание о растяжении как виде травм соединительных тканей или о переломе как виде травмы костной ткани (*strain* – an injury to a muscle or similar soft part of the body caused by using that part too much [CD]; *broken* – having undergone or been subjected to fracture [MWD]). Данное знание проецируется на дипломатические отношения (*diplomatic ties are strained or broken*). В результате выстраивается аналогия между дипломатическими связями, переживающими болезненный период разрушения, и человеком, страдающим от травмы.

В примере 24 в ходе метафорического переноса знание о неловком шаге (*misstep* – an act of placing your foot somewhere in an awkward way [CD]) проецируется на визит дипломатов, связанный с деталями встречи США-Тайвань, когда островной Китай принимал высокопоставленных американских дипломатов. В результате формируется оценочное знание о неуместности такого визита. Из широкого контекста понятно, что проблема связана с тем, что у США установлены дипломатические отношения с континентальным Китаем. Это является критичным поскольку обе китайские республики считают настоящими только себя. В резуль-

тате континентальный Китай оскорбился и объявил о масштабных учениях, на что островные власти ответили своими учениями. Так, небольшой с точки зрения человека, далёкого от китайского кризиса легитимности, дипломатический промах стал угрозой миру в регионе и дал повод для новой спирали демонстративного конфликта с непредсказуемыми последствиями (*with unknowable consequences*).

(25) ***Direct diplomacy breaks down barriers better than isolation and builds relationships through mutual understanding*** [MWD].

В этом примере знание о такой деятельности человека, как разрушение барьеров (*direct diplomacy breaks down barriers*), а также строительство (*direct diplomacy builds relationships*), переносится на прямое взаимодействие субъектов дипломатических отношений. В результате данный способ дипломатических отношений осмысливается комплиментарно, так как выстраивание конструктивного контекста для развития международного взаимодействия оценивается одобрительно. В качестве языкового механизма использованы фразеологическая единица и словосочетание с оценочной семантикой.

(26) ***Threats of using a big stick have failed to alter Russian behavior*** [Anchorage Daily News].

В этом примере объектом оценочной интерпретации является взаимодействие субъектов дипломатических отношений в виде речевых актов угрозы (*threat* – a suggestion that something unpleasant or violent will happen, especially if a particular action or order is not followed [CD]). Угроза как вид вербального поведения представляет собой негативно окрашенное суждение, побуждающее выполнить требование и предлагающее нанесение другой стороне ущерба в качестве альтернативы. Механизм концептуальной метафоры позволяет глубже понять характер угрозы: областью источником служит знание о единице оружия, а областью-мишенью – дипломатическое взаимодействие (*threats of using a big stick*). Создается ассоциация «угрожать большой дубинкой – пытаться заставить силой». Целью такого взаимодействия между странами является стремление изменить поведение страны. Словосочетание с оценочной семантикой выступает языковым механизмом оценочной интерпретации.

(27) *I have faith in diplomacy, but, at least for us, only if it is accompanied by prayer* [Comminion and Liberation].

Интерпретатор задействует метафорический перенос. В данном случае область-источник включает в себя знание о вере в божество, свойственной участникам религиозных отношений (*faith* – strong belief in God or a particular religion [CD]). Благодаря метафорическому переносу этого знания на дипломатические отношения создается ассоциация «как люди верят в божество, так же они доверяют и дипломатии». На уровне языка использовано предложное словосочетание.

(28) *France and Algeria are locked in a fresh diplomatic standoff after Algiers expelled 15 French officials, prompting Paris to retaliate* [Africa's Leading News].

(29) *The diplomatic war is ongoing. Kim has yet to irreversibly concede anything that was not guaranteed by prior agreements, except for a mere conciliatory gesture to align North Korea's time zone with that of the South* [The Diplomat].

(30) *The diplomatic duel has left the estimated 3.4 million Venezuelans who now live abroad stuck between two administrations* [The Financial Express].

В ходе оценочной интерпретации взаимодействия субъектов дипломатических отношений в этих примерах активизируются концептуальные характеристики «деятельная и поведенческая природа» человека, относительно которой дипломатическое взаимодействие интерпретируется с привлечением механизма концептуальной метафоры. В первом примере областью-источником для метафорического переноса является знание о ничьей (*standoff* – the finish of a contest in which the score is tied and the winner is undecided [Vocabulary.com]). В результате тупиковость такой ситуации проецируется на дипломатическое взаимодействие (*a fresh diplomatic standoff*).

Во втором случае в фокусе интерпретатора находится знание о военных действиях (*war* – a state of usually open and declared armed hostile conflict between states or nations [MWD]), которое переносится на отношения двух государств на Корейском полуострове. В результате затяжные переговоры уподобляются военному противостоянию. В ситуативном контексте подчёркивается решительность и

упорство участников, а также нежелание идти на уступки (*Kim has yet to irreversibly concede anything that was not guaranteed by prior agreements*).

В последнем случае областью-источником выступает знание о дуэли как о возможности разрешить противоречие в ходе вооруженного состязания (*duel* – a formal fight between two people in which they use guns or swords in order to settle a quarrel [CCALD]). Метафорическая модель ДИПЛОМАТИЯ – ДУЭЛЬ подчеркивает негативную оценку дипломатических отношений между Венесуэлой и Колумбией. Это связано с тем, что оппозиционный кандидат в президенты организовал свою дипломатическую миссию в Колумбии, которая не признается главой Венесуэлы. В ситуативном контексте подчёркивается, что в этой дуэли с тремя участниками больше всего пострадали соотечественники за рубежом (*3.4 million Venezuelans who now live abroad stuck*). Языковой механизм вторичной интерпретации представлен в этих примерах использованием лексем с оценочной семантикой.

(31) *China's major-country **diplomacy has won** global understanding and support* [China Daily Global].

(32) *Western **diplomacy has lost** its war in Syria* [MWD].

Ориентируясь на концептуальную характеристику «деятельная и поведенческая природа» человека, интерпретатор активизирует метафорический перенос, в котором в первом примере область-источник представлена знанием о выигрыше в состязаниях, а во втором – о проигрыше (*to win* – to achieve first position and/or get a prize in a competition, election, fight [CD]; *to lose* – to fail to succeed in a game, competition, etc. [CD]). Это знание переносится на дипломатические отношения. В результате оценивается успешность или безуспешность реализации целей дипломатического взаимодействия.

Обратимся далее к рассмотрению действия механизма концептуальной метонимии в процессах оценочной интерпретации дипломатических отношений:

(2) механизм концептуальной метонимии

(33) *Advocates of city **diplomacy** point to examples of mayors having successfully corrected the EU's top-heavy foreign policy* [City Diplomacy: The EU's Hidden Capacity to Act].

В этом примере перенос по смежности представлен отношениями «деятельность – результат». Лексема *advocate* (lawyer who speaks for or defends someone in a court of law [CD]) репрезентирует ситуацию в судебном органе, которая предполагает присутствие адвоката, защищающего интересы ответчика в судопроизводстве, и обвинителя, предоставляющего свидетельство его вины. Это позволяет подчеркнуть поддержку городской дипломатии как способа дипломатических отношений (*advocates of city diplomacy*). Позитивный фокус оценки подтверждается и ситуативным контекстом (*having successfully corrected*). Языковым механизмом оценочной интерпретации является предложное словосочетание.

(34) *Warfare is mere sound and fury; **diplomacy** is what truly **shapes history*** [Shilard Fitz-Oesterlen].

(35) *Through **skilled diplomacy**, they prevent misunderstandings from escalating into disputes and facilitate dialogue between nations with conflicting interests* [Faster Capital].

В этих примерах оцениваются субъекты дипломатических отношений. Формируется перенос по смежности «человек – деятельность» (*to shape – to make something become a particular shape [CD]*) и «человек – квалификация» (*skilled – having the special abilities and experience to do a particular job well [CD]*). Оценочный фокус интерпретатора в первом примере направлен на способность дипломатии менять ход истории и формировать коллективную память общества, а во втором случае оценивается мастерство дипломатов в миротворческой деятельности. Позитивный фокус оценки подтверждается в контексте указанием на последствие умелого взаимодействия субъектов дипломатических отношений (*facilitate dialogue between nations with conflicting interests*). Метонимическая номинация является языковым механизмом оценочной интерпретации.

(36) ***John Kerry's Freelance Diplomacy Is an Invitation to Disaster*** [American Enterprize Institute].

(37) ***China isn't playing coy about its panda diplomacy*** [ELocal].

Субъекты дипломатических отношений являются объектами оценочной интерпретации и в примерах 36-37. В первом примере функция оценки реализуется

за счет отношений по смежности «человек – статус» (*freelance – not sponsored by or affiliated with an organization or authority* [MWD]), а во втором – «человек – речевое действие» (*to play coy – to avoid giving a direct or complete answer* [CD]). За счет действия этого механизма подчеркивается независимый дипломатический стиль Дж. Керри и демонстративная дипломатия Китая по использованию панд как своих национальных символов. Языковой механизм оценочной вторичной интерпретации представлен метонимической номинацией и фразеологизмом.

(38) *Anybody who carries on regardless, without batting an eyelid, as dozens of people are killed, then congratulates the principal author of the disaster for his “moral clarity” deserves some kind of **diplomatic Oscar*** [The Guardian].

Субъект дипломатических отношений – президент США – подвергается критической оценке за свою бескомпромиссную союзническую позицию по отношению к руководству Израиля. За счет механизма концептуальной метонимии формируются отношения по смежности «деятельность – награда» (*Oscar – any of several small gold statuettes awarded annually in the United States by the Academy of Motion Picture Arts and Sciences for outstanding achievements in films* [CCALD]). Негативный фокус оценки реализуется в ситуативном контексте (*dozens of people are killed; the principal author of the disaster*). На уровне языка механизмом оценочной интерпретации является номинация, основанная на метонимии.

(39) *For many, it was a case of **Goldilocks diplomacy** – not too hot and not too cold* [New Zealand Interest].

В данном примере оценка субъекта дипломатических отношений создается за счет активации механизма концептуальной метонимии и формирования отношений по смежности «человек – имя». Ключевую роль в оценочной интерпретации играет прецедентное имя Златовласка (*Goldilocks – a girl in a traditional story who wanted things to be exactly a particular way, saying, for example, that one bed was too hard, one too soft, and one just right* [CD]), представляющее аллюзию на классическую британскую сказку о девочке, которая была очень требовательной в выборе разных объектов. С помощью этого прецедентного имени негативно оцениваются действия Австралии за ее притязательность в выборе партнеров, что под-

тверждается и ситуативным контекстом (*not too hot and not too cold*). Языковым механизмом выступает метонимическая номинация.

Оценочная функция прецедентного имени реализуется за счет механизма концептуальной метонимии и в следующем примере:

(40) *One of the reasons for ineffectual EU sanctions is Europe's divided common foreign policy. It has the **trappings of a diplomatic Goliath** but the **power of an unarmed David*** [LDV].

Рассуждая о неэффективности санкций против России, интерпретатор обращается к двум прецедентным именам: Голиаф (a Philistine giant from Gath who terrorized the Hebrews until he was killed by David with a stone from his sling (I Samuel 17) [CCALD]) и Давид (as a youth he killed Goliath, and he is the reputed writer of many Psalms [CCALD]). При этом в фокусе внимания интерпретатора находятся, с одной стороны, физическая сила и размер Голиафа (giant), а с другой – сила безоружного Давида (*the power of an unarmed David*). Осмысление этих прецедентных имен предполагает выведение с опорой на инференцию оценочного знания о кажущейся, не отвечающей реальности, силе Европы как субъекта дипломатических отношений. За счет ситуативного контекста также подчеркивается, что не имея единства в принятии и исполнении решений, Европа остается уязвимой перед внешними вызовами. Оценочная интерпретация на языковом уровне происходит благодаря использованию словосочетания с оценочной семантикой.

Функция оценки в контексте рассматриваемой концептуально-тематической области осуществляется и на основе взаимодействия механизмов концептуальной метафоры и метонимии:

(3) механизм концептуальной метафтонимии

(41) *Oslo is dead: time for a fresh start* [The Guardian].

Оценочный фокус здесь направлен на инструмент дипломатических отношений – соглашения о принципах Палестино-Израильских отношений, заключённые в Осло. Перенос по смежности «дипломатическое соглашение – место подписания» дополняется переносом по сходству, когда нефункциональное междуна-

родное соглашение ассоциируется с безжизненным человеческим телом. В этом случае представлен языковой механизм метафтонимической номинации.

В следующем примере механизм концептуальной метафтонимии активируется в ходе оценочной вторичной интерпретации места дипломатических отношений.

(42) *We're incredibly excited for this year's Young Diplomats Forum — it's our 21st edition, and what better place to host it than **Washington, D.C., the heart of global diplomacy*** [Diplomatic Watch].

Место осуществления дипломатических отношений интерпретируется на основе знания о сердце как части человеческого тела (*heart – the organ in the chest that pumps the blood around the body. People also use heart to refer to the area of their chest that is closest to their heart* [CCALD]). В дополнении к метонимическому переносу «человек – часть тела» активируется и метафорический перенос, в ходе которого знание об одном из самых важных органов, обеспечивающем жизнь всего организма, переносится на столицу США. В результате подчеркивается значимость столицы США в организации дипломатических форумов (*Washington, D.C., the heart of global diplomacy*). Предложное словосочетание является языковым механизмом в осуществлении функции оценки.

(4) механизм концептуального сравнения

(43) *The corollary announced that **the United States** would serve as the "**polliceman**" of the Western Hemisphere, a policy which eventually created much resentment in Latin America* [Miller Center].

При оценке субъекта дипломатических отношений интерпретатор ориентируется на концептуальную характеристику «социальная природа» человека и использует механизм концептуального сравнения, когда в роли эталонного знания выступает информация о профессии полицейского. При этом надзорные функции полицейского лежат в основе оценочной интерпретации роли США на международной арене. Сравнительная конструкция является языковым механизмом реализации функции оценки.

(44) *Trump's visit to Beijing comes at a time when Washington is perceived as an arsonist while China is seen as a diplomatic firefighter pushing for political settlements* [Modern Diplomacy].

В примере дважды используется механизм концептуального сравнения. Значимой для интерпретатора является концептуальная характеристика «социальная природа человека». Оценивая неоднозначные и спорадические решения руководства США на международной арене, автор обращается к знанию о виде преступления – поджоге (*arsonist* – a person who deliberately sets fire to a building or vehicle [CCALD]). Социальный контекст, присущий преступлению, и критическое восприятие преступника, который поджигает чужое имущество, формирует негативную оценку США как источника дестабилизирующего влияния в дипломатических отношениях. В то же время, Китай как дипломатический субъект интерпретируется в контексте знания о пожарном (*firefighter* – someone whose job is to stop fires and to save people and property from being harmed [CD]). Самоотверженная работа пожарного, направленная на достижение безопасности жизни, служит источником позитивной оценки. Кроме того, выбор антонимичных социальных ролей (поджигатель – пожарный) позволяет подчеркнуть антагонизм в дипломатических отношениях США и КНР.

Таким образом, оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК опирается на такие характеристики человека, как физическая природа (*Oslo is dead*) деятельностная и поведенческая природа (*diplomacy failed, cowboy diplomacy*), социальная природа человека (*the United States would serve as the "policeman"*). Все компоненты фрейма DIPLOMATIC RELATIONS становятся объектами вторичной интерпретаций. Значимость в процессах оценочной вторичной интерпретации дипломатических отношений имеют все выделенные когнитивные механизмы, а языковые механизмы включают номинацию, использование лексем и фразеологизмов с оценочной семантикой, словосочетаний и сравнительных конструкций.

2.3.2. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ

Оценочная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ сориентирована на функциональное предназначение различных объектов, созданных руками человека. Рассмотрим особенности реализации функции оценки в соотнесении с активируемыми когнитивными механизмами:

(1) механизм концептуальной метафоры:

(1) *Public and especially guerrilla diplomacy are uniquely attuned to challenges and threats generated by globalization* [Diplomacy, development and security in the age of globalization].

(2) *The writings of Ho Chi Minh <...> chime with bamboo diplomacy* [Fulcrum].

В этих примерах объектом оценочной интерпретации является способ официального взаимодействия между странами, когда задействованы приемы публичной и партизанской дипломатии, а также бамбуковой дипломатии. В первом случае дипломатические отношения интерпретируются на основе механизма концептуальной метафоры, когда в качестве области-источника выступает знание о функции музыкального инструмента настраиваться на звуковые частоты другого инструмента и гармонизировать с ним (*to attune* – to bring into harmony [MWD]); во втором – это функция колокола издавать звук (*chime* – (of bells) to make a clear ringing sound [CD]). В результате подчеркивается способность дипломатов учитывать реалии (*challenges and threats generated by globalization*) и достигать соглашения, а в последнем примере указывается на согласованность действий руководителя Китая с доминирующей идеологией бамбуковой дипломатии. На языковом уровне задействована глагольно-именная конструкция.

(3) *The emergence of well-strategized and effectively coordinated defense diplomacy is one of the key diplomatic instruments that nations can call upon to deter war and promote peace* [per Concordiam].

В данном примере объектом оценочной вторичной интерпретации выступает дипломатия по линии оборонных ведомств. Ориентируясь на характеристику «функциональное предназначение орудия труда», интерпретатор задействует механизм концептуальной метафоры для осмысления скоординированных действий в международных делах как ключевого инструмента дипломатического взаимодействия. Именное словосочетание является языковым механизмом в этом процессе.

(4) *That is guerrilla diplomacy's forte* [Diplomacy, development and security in the age of globalization].

В реализации функции оценки способа дипломатических отношений задействован метафорический перенос, когда область-источник представлена знанием о самой прочной части меча – лезвии, расположенном между серединой клинка и рукоятью (*forte* – in fencing, the strongest part of a sword, between the middle of the blade and the hilt [CD]). За счет проецирования этого знания на партизанскую дипломатию подчеркиваются ее сильные позиции на мировой арене. В качестве языкового механизма выступает метафорическая номинация.

(5) *Trudeau mourning the scandalous Nijjar on the international stage toppled a series of diplomatic dominoes* [Indian Americans Through the Looking Glass].

В широком контексте описывается ситуация, когда в Канаде погиб индийский подданный, признанный на Родине террористом, и премьер-министр увидел в этом хороший повод напомнить мировой общественности о недемократичности Индии, назвав гибель М. Нийяра заказным политическим убийством. Функция оценки по отношению к субъекту дипломатических отношений реализуется на функциональном осмыслении эффекта домино (the situation in which something, usually something bad, happens, causing other similar events to happen [CD]). Обращение, в котором Д. Трюдо выразил соболезнования по поводу коварного убийства индийского террориста сравнивается со сбиванием первого домино в очереди (*toppled a series of diplomatic dominoes*). В результате отношения с Индией оказались под угрозой, к тому же были скомпрометированы официальные лица, предо-

ставившие террористу убежище в Канаде. Оценочная вторичная интерпретация опирается на языковой механизм глагольно-именной конструкции.

(6) *While **big stick diplomacy** still has its place in U.S. diplomatic relations, it has been largely **replaced by “dollar diplomacy,”** in which the U.S. attempts to encourage cooperation by **dangling a carrot, rather than threatening with a big stick** [LD].*

Здесь в фокусе оценочной вторичной интерпретации находится субъект дипломатических отношений. Примечательно, что в этом случае взаимодействуют контексты трех концептуально-тематических областей АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО и ПРИРОДА. При этом объекты концептуально-тематической области АРТЕФАКТ (*stick* – part of a tree branch [Vocabularu.com]; *dollar* – the standard unit of money used in the US [CD]) соотносятся в пространстве как замещающие друг друга объекты в одной системе координат. Лексема *carrot* символизирует пряник как поощрение за сотрудничество в нужном для США русле. Более того, словосочетание “*dollar diplomacy*”, выделенное орфографически, усиливает значение стратегии поощрения, выражающейся в замене дипломатии большой дубинки на дипломатию подкупа (*big stick diplomacy has been largely replaced by “dollar diplomacy”*). Оценочная вторичная интерпретация достигается за счет взаимодействия нескольких языковых механизмов: номинации, использования предложного словосочетания и фразеологической единицы с оценочной семантикой (*dangle a carrot* – try to persuade to do something by offering a reward [Farlex]).

(7) *This Good Neighbor Policy would favor Pan-Americanism over unpopular military coercion, diplomacy over imperialistic meddling by the **Colossus of the North** [USC].*

Объектом оценочной вторичной интерпретации выступает субъект дипломатических отношений – США (*Colossus of the North*). Внимание интерпретатора сфокусировано на стремлении США доминировать в Латинской Америке. Такой подход признается как влиятельный в международных отношениях за счет акцентирования знания о всемирно известных монументах – Colossus of Memnon (an ancient Egyptian stone monument near Thebes, erected by Amenhotep III, that consists of two seated figures 38 ft. (12 m) high [CCALD]) и Colossus of Rhodes (statue of the

sun god Helios built on the Greek island of Rhodes around 280 B.C. that was over 100 feet tall and took more than 12 years to build [MWD]). Характерно, что эти прецедентные имена употребляются в качестве средств репрезентации оценки (If you describe someone or something as a *colossus*, you think that they are extremely important and great in ability [CCALD]). Компонент значения «чрезвычайно важный и обладающий большим потенциалом» проецируется на дипломатию военного принуждения со стороны США. Однако ее противопоставление панамериканизму как дипломатии сотрудничества подчеркивает ее непопулярность, что отражается и в ситуативном контексте (*unpopular*). На уровне языке отмечается действие механизма метафорической номинации.

(8) *He should do this without sacrificing delegates' country foreign policy on the altar of diplomacy* [All-American Model UN].

В формировании оценки взаимодействия субъектов дипломатических отношений интерпретатор ориентируется на функциональное предназначение алтаря (*altar* – a structure with a flat top, often shaped like a table, that is used in some religious ceremonies, for example as a place to put important religious objects [CD]) служить местом поклонения и выражения своих религиозных взглядов. Это знание проецируется на дипломатические отношения страны. За счет метафорического переноса и языкового механизма предложного словосочетания (*on the altar of diplomacy*) создается ассоциация «как в ходе религиозной службы что-то приносят в жертву, также жертвуют и частью интересов своей страны».

(2) механизм концептуальной метафтонимии:

При анализе фактического материала был выявлен пример, иллюстрирующий действие концептуальной метафтонимии при оценке дипломатических отношений в контексте области АРТЕФАКТ:

(9) *In America, the Azeris spoon out caviar diplomacy through their embassy* [The Economist].

В данном примере объектом оценочной вторичной интерпретации выступает субъект дипломатических отношений (представители азербайджанского посольства в США), осмысляемый в контексте взаимодействия концептуально-

тематической области АРТЕФАКТ и концептуально-тематической области ПРИРОДА. В реализации функции оценки задействован метонимический перенос в виде отношений «действие – инструмент» и «рыба – способ размножения». Аналогия по сходству раскрывается на основе метафоры КОНТЕЙНЕР, репрезентируемой фразовым глаголом *to spoon out* (to serve from a container with a spoon [FDI]). Создаваемая ассоциация определяется следующим образом: «как накладывают ложками икру, чтобы впечатлить гостей и показать широту восточной души, так и раздают взятки икрой для укрепления международных позиций», что подчеркивается в широком контексте. Создаваемая оценка является негативной, так как лоббирование интересов страны за счет подкупа официальных лиц (*caviar diplomacy*) является аморальным и не одобряется. Языковым механизмом выступает глагольно-именная конструкция.

3) механизм концептуального сравнения

(10) *Their best efforts sound suspiciously like old-hat diplomacy* [The Washington Post].

Оценивая деятельность субъектов дипломатических отношений в решении международных вопросов как устаревшую, интерпретатор активирует механизм концептуального сравнения, чтобы подчеркнуть, что по аналогии с устаревшей шляпкой необходимо отказаться от использования таких подходов к дипломатическому взаимодействию (*like old-hat diplomacy*). Значимой на языковом уровне является сравнительная конструкция.

(11) *The latest proposal for a temporary ceasefire in Gaza arrives like a fragile lifeboat in a storm of violence* [Ludwig Guru].

В данном примере в фокусе внимания находится инструмент дипломатических отношений – послание к странам участникам конфликта на Ближнем Востоке. При реализации функции оценки активируется механизм концептуального сравнения, основанный на знании о спасательном судне (*lifeboat – a sturdy buoyant boat (such as one carried by a ship) for use in an emergency and especially in saving lives at sea* [MWD]). В контексте подчеркивается, что в разгоревшемся конфликте многие люди становятся жертвами насилия, и принятие мирной резолюции могло

бы спасти множество жизней. Как и в предыдущем примере, сравнительная конструкция активируется как языковой механизм оценочной интерпретации.

(4) взаимодействие механизмов концептуального сравнения и концептуальной метафоры:

(12) *Sometimes cricket diplomacy has come as an icebreaker; at other times, it has merely marked a deceptive lull before another storm* [The Diplomat].

Крикетная дипломатия осмысляется в первом случае при помощи механизма концептуального сравнения, когда в качестве эталонного знания представлена информация о функции ледокола (*icebreaker* – a strong ship that can move through ice [CD]). Сопоставление с ледоколом позволяет подчеркнуть силу и мощь такого дипломатического взаимодействия в преодолении напряжённости в отношениях между странами. Здесь представлена сравнительная конструкция в качестве языкового механизма оценочной интерпретации. Во втором случае в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА активируется знание о природном явлении – буре (*storm* – a disturbance of the atmosphere marked by wind and usually by rain, snow, hail, sleet, or thunder and lightning [CD]). В ходе переноса этого знания на способ дипломатических отношений устанавливается аналогия между обманчивым затишьем перед новой бурей и недолгим периодом стабильных дипломатических отношений (*cricket diplomacy has merely marked a deceptive lull before another storm*).

Таким образом, при оценочном осмыслении дипломатических отношений концептуально-тематическая область АРТЕФАКТ выступает контекстом в ограниченном количестве случаев. При этом репрезентируются такие характеристики артефакта, как функциональное назначение источника звука, функциональное назначение орудия труда, функциональное назначение оружия, одежды, профессионального инструмента. Объектами оценочной интерпретации выступают субъекты дипломатических отношений и их взаимодействие, а также способы дипломатических отношений. Механизмы инференции, концептуальной метафоры, концептуальной метафтонимии и концептуального сравнения активируются при образовании вторичных смыслов. Зафиксирован случай одновременного действия

механизмов концептуального сравнения и концептуальной метафоры. Номинация, использование фразеологизмов с оценочной семантикой, глагольных, именных и предложных словосочетаний, а также сравнительной конструкции определены в качестве языковых механизмов.

2.3.3. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА

Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА осуществляется главным образом при активации когнитивного механизма концептуальной метафоры. В единичных случаях выявлен механизм концептуальной метафтонимии. Рассмотрим конкретные примеры:

(1) механизм концептуальной метафоры

В фокусе внимания интерпретатора находится концептуальная характеристика «природные явления»:

(1) *How Ping-Pong Diplomacy Thawed the Cold War* [History].

Функция оценки реализуется за счет аналогии по сходству, когда областью-источником выступает знание о том, как повышение температуры окружающей среды приводит к таянию снега и льда (*thaw* – to (cause to) change from a solid, frozen state to a liquid or soft one, because of an increase in temperature [CD]). Это знание переносится на область теннисной дипломатии. В результате акцентируется сходство между эффектом природного явления и результативностью рассматриваемого типа спортивной дипломатии. На уровне языка задействован механизм метафорической номинации.

(2) *The panda diplomacy existing between China and Taiwan has generated intense political jockeying and newspaper headlines* [Beastly diplomacy].

(3) *[Wolf-warrior diplomacy] has generated pushback, such as Australia's calls for an independent probe into the coronavirus' origins* [The Diplomat].

(4) *Paradiplomacy generated a break in that debate* [E-International Relations].

(5) *Vaccine science diplomacy is a unique hybrid of global health and science diplomacy* [National Center for Biotechnology Information].

Оценка способов дипломатических отношений формируется относительно концептуальной характеристики «живые организмы» на основе метафорического переноса, в котором областью-источником является знание о воспроизводстве как о процессе появления на свет новых поколений живых существ (*generate* – *procreate*, *beget* [MWD]). Компонент смысла «появление на свет» лёг в основу оценочного переосмысления. В каждом примере отмечается появление нового процесса – общественных обсуждений (*political jockeying and newspaper headlines* – пример 2), сопротивления (*pushback* – пример 3), разрыва в отношениях (*a break in that debate* – пример 4). В последнем примере объектом оценочной интерпретации является научная дипломатия, осмысляемая на основе области-источника, представляющего знание о скрещивании разных пород или видов живых существ (*hybrid* – a plant or animal that has been produced from two different types of plant or animal, especially to get better characteristics [CD]). Это знание проецируется на дипломатические действия по продвижению вакцин для продажи в других странах. Такой способ поддержания отношений между странами демонстрирует уникальный гибрид научной дипломатии и дипломатии общественного здравоохранения, что приводит к уникальным результатам. Номинация, основанная на метафоре, выступает языковым механизмом оценочной интерпретации.

(6) *As wildlife diplomacy takes wing, government considers Sri Lankan proposal for translocating gaurs* [The Hindu].

В фокусе оценки интерпретатора находится дипломатическое взаимодействие по поводу сохранения исчезающих видов фауны. Областью-источником в метафорическом переносе является знание о крыле как части анатомического строения птиц, позволяющей им летать (*wing* – the flat part of the body that a bird, insect, or bat uses for flying [CD]). Это знание переносится на дипломатию в области охраны дикой природы. В результате создается ассоциация «как легко пере-

двигаются птицы, наделенные крыльями, так же легко продвигается концепция дипломатии по охране дикой природы». В качестве языкового механизма выступает фразеологизм с оценочной семантикой (*to take wing – to suddenly develop, freely and powerfully* [CD]).

(7) *Like Italy in AD 79 when the eruption of Mount Vesuvius ejected a cloud of stones, pumice and volcanic ash, the United States experienced a diplomatic eruption in 2016, which challenged the foreign policy establishment and suggested a different direction for U.S. diplomacy* [USC].

(8) *Kiwi diplomacy – as clear as mud* [The New Zealand Initiative].

Объектом оценочной вторичной интерпретации в первом случае является субъект дипломатических отношений – Д. Трамп, избрание которого президентом США в 2016 году сравнивается с вулканическим извержением (*eruption – an occasion when a volcano (= type of a mountain) explodes, and flames and rocks come out of it* [CD]). За счёт данного яркого образа, проецирующего опасные последствия вулкана для окружающих, формируется негативная оценка появления нового игрока на дипломатической арене, осмысляемая как потрясение, чреватое опасностью, потерями и разрушениями (*a diplomatic eruption*). Негативный фокус оценки ситуативно подтверждается указанием на последствия деятельности политического лидера (*challenged the foreign policy establishment and suggested a different direction for U.S. diplomacy*).

В примере 8 за счёт фразеологизма *as clear as mud* (not at all clear [CCALD]; very difficult to understand [MWD]) репрезентируется значение «отсутствие прозрачности». Это знание проецируется на субъектов дипломатических отношений. В высказывании также присутствует приём символизации, когда идентификация страны обозначена символом Киви в честь рода бескилевых птиц, все пять видов которых включены в Международную красную книгу (*Kiwi diplomacy*). Киви – национальная эмблема Новой Зеландии, её изображения печатаются на денежных знаках и на маркировке товаров. В широком контексте подчеркивается, что негативная оценка направлена на нерешительность и промедление в выборе диплома-

тической стратегии. В этом примере представлен языковой механизм в виде фразеологизма.

(9) *With Western leaders in a whirl of shuttle diplomacy, a push to revive peace accords is gathering some momentum* [Bloomberg].

Дипломатическое взаимодействие здесь осмысляется за счет представления вихря как вращательного движения воздуха около условной оси в виде замкнутого контейнера (*a whirl* – a rapid rotating or circling movement [CD]). Метафорическое проецирование этого знания на дипломатов, следующих челночной дипломатии, позволяет подчеркнуть особую атмосферу стремительного развития событий, быструю смену чувств и мыслей субъектов дипломатических отношений. В рассмотренном примере наблюдается использование фразеологизма с оценочной семантикой (*in a whirl* – excited and confused and unable to think clearly [CD]).

(10) *Like Thailand, Vietnam's bamboo diplomacy embodies flexibility and pragmatism, with independence and national interests as its basis* [Fulcrum].

Позитивная оценка субъектов национальной дипломатии Вьетнама опирается на метафорическую аналогию между таким свойством бамбука, как гибкость, и способностью дипломатов быстро адаптироваться к новым реалиям на международной арене. Языковым механизмом в реализации функции оценки является глагольно-именное словосочетание.

(11) *Baekje's swift and agile diplomacy was fruitless* [The Failure of Baekje's Prudential Diplomacy].

В данном примере в фокусе оценочной интерпретации находится субъект дипломатических отношений, осмысляемый в ходе активации двух концептуально-тематических областей: ЧЕЛОВЕК (*agile* – able to move your body quickly and easily [CD]; *swift* – moving or capable of moving with great speed [MWD]) и ПРИРОДА (*fruitless* – without fruit [Collins]). На основе когнитивного механизма концептуальной метафоры формируется оценочное знание о том, что несмотря на быстроту и ловкость, все дипломатические усилия оказались безуспешными (*swift and agile diplomacy was fruitless*).

(12) *The Israel-Palestine conflict has become a **diplomatic Groundhog Day**, with each cycle leading to the same frustrating outcome* [Ludwig Guru].

В фокусе оценки находится дипломатическое взаимодействие между Палестиной и Израилем. Интерпретатор опирается на метафорический перенос, когда областью-источником выступает знание о поведении сурка после зимней спячки. Если, проснувшись, сурок чувствует, что впереди холода, он ложится спать опять. Если зверёк остается активным, это означает, что следует ждать весну. Циклическое поведение сурка ранней весной в пределах схемы «проснуться – почувствовать холод – уснуть – повторить» стало основой для осмысления монотонного, повторяющегося действия (*Groundhog Day* – a situation in which the same usually negative or monotonous experiences occur repeatedly or are felt to occur repeatedly with no change or correction [CD]). В таком ракурсе оцениваются субъекты дипломатических отношений, причастные к палестино-израильскому конфликту. При этом задействован языковой механизм оценочной номинации.

(13) *A **diplomatic earthquake** struck the oil-rich Persian Gulf region, and aftershocks could reach far beyond the region. In an unexpected move, Saudi Arabia, Bahrain, the United Arab Emirates and Egypt not only broke diplomatic and economic ties with the tiny emirate of Qatar, but also presented a set of demands challenging its sovereign status* [Yale Global Online].

Функция оценки взаимодействия субъектов дипломатических отношений осуществляется за счет метафорического переноса, когда областью-источником является знание о землетрясении как о природной катастрофе, происходящей от движения земной коры и чреватой большим ущербом (*earthquake* – a sudden violent movement of the earth's surface, sometimes causing great damage [CD]). Это знание переносится на разрыв рядом стран дипломатических отношений с Катаром и предъявление тому ультиматума, подрывающего суверенитет страны. В результате такой дипломатический шаг оценивается негативно с учетом причиненного дипломатии в регионе большого ущерба. Продолжительный негативный эффект от неправомерных действий Саудовской Аравии подчеркивается и контекстом

(*aftershocks could reach far beyond the region*). При этом задействован языковой механизм метафорической номинации.

(14) *It suggested that the international consensus over North Korea, which had led to a steady escalation of sanctions since 2006, had stalled in the wake of a **flurry of summit diplomacy** by Pyongyang, Seoul and Washington* [The Guardian].

В ходе метафорического переноса знание о снегопаде как разновидности осадков проецируется на взаимодействие субъектов дипломатических отношений в виде переговоров между странами на высшем уровне (*flurry – a sudden light fall of snow, blown in different directions by the wind* [CD]). За счет семантики существительного *flurry* удастся передать сопутствующие переговорам обстоятельства – внезапность и интенсивность дипломатических усилий (*a flurry of summit diplomacy*). Языковым механизмом оценочной интерпретации является метафорическая номинация.

(15) *The Taiwanese question has now become a **diplomatic hot potato** with U.S. policy makers* [The Philadelphia Trumpet Magazine].

В этом примере оценивается взаимодействие субъектов дипломатических отношений. Область-источник для метафорического переноса представлена знанием о картофеле как пригодном в пищу клубне. Однако значимость здесь имеет перцептивный образ горячего картофеля, который никто не хочет брать, боясь обжечься. Это знание проецируется на ситуацию в переговорах с Тайванем, подчеркивая проблемность дипломатических усилий в данном направлении (*diplomatic hot potato*). Функция оценки на уровне языка реализуется за счет использования фразеологической единицы с оценочной семантикой (*hot potato – an issue that makes everyone feel uncomfortable* [Vocabulary.com]).

(16) *Do we want photoshoots and showboating, or hard, cold, quiet diplomacy?* [CD].

В ходе реализации оценочной вторичной интерпретации взаимодействия субъектов дипломатических отношений активизируется концептуальная характеристика «природные явления» (*cold – at a low temperature, especially when compared to the temperature of the human body* [CD]), относительно которой осмысливается ди-

пломатическое взаимодействие. Проводя аналогию между низкой температурой окружающей среды и дипломатией, интерпретатор оценивает ее как недружелюбную. Во втором случае интерпретация основывается на концептуальной характеристике «когнитивная природа человека, включая речемыслительные навыки» (*quiet* – tending to speak very little; *hard* – expressed in a clear and decisive way; leaving no doubt [MWD]). Проецирование таких качеств человека, как четкое выражение мыслей и немногословность, на характер дипломатических отношений дают основание считать такую дипломатию выдержанной и корректной. На уровне языка представлена метафорическая номинация.

(17) *A peace treaty to formally end the 1950-53 Korean War could create complications and further **muddy diplomacy** in East Asia* [Just Security].

В качестве инструмента дипломатических отношений выступает мирный договор между руководителями Северной и Южной Кореи (*a peace treaty to formally end the 1950-53 Korean War*), который оценивается негативно. С учетом семантики лексемы *mud* (a sticky mixture of earth and water, a fine-grained soft wet deposit that occurs on the ground after rain, at the bottom of ponds, lakes, etc [CCALD]) формируется метафорическое осмысление этого договора за счет создаваемой ассоциации «как грязь покрывает поверхность объекта и нарушает его четкое восприятие, так и этот договор осложняет дипломатические отношения между руководителями Северной и Южной Кореи». Сема «загрязнение» создает негативный контекст в осмыслении роли обсуждаемого договора. В качестве языкового механизма также выступает оценочная номинация.

(18) *Such convergence will be critical **for science and technology diplomacy to flourish** under these circumstances* [Science Diplomacy and the Rise of Technopoles].

(19) *We've seen **the fruit of diplomacy** in the agreements we've reached on climate change in Paris and on Iran's nuclear program in Switzerland* [Reverso Context].

(20) *The final **fruit of diplomacy** is still not ripe for the picking* [Berkley Center for Religion, Peace and World Affairs].

В примерах этой группы объектом интерпретации является цель как факкультативный компонент фрейма DIPLOMATIC RELATIONS. В первом примере

областью-источником для метафорического переноса является знание о цветке как части растения отдела цветковых (*flower* – the part of a plant that is often brightly coloured and has a pleasant smell [CD]). Цветение – это период в жизни цветковых растений от закладки цветка до опыления и формирования плодов. В результате оценивается начавшаяся успешная реализация целей дипломатического взаимодействия (*for science and technology diplomacy to flourish*).

Во втором примере активируется знание о фрукте как конечной стадии созревания, которое проецируется на дипломатическое взаимодействие (*the fruit of diplomacy*). Интерпретатор таким образом оценивает соглашения, достигнутые в Париже по изменению климата и в Швейцарии по ядерной программе Ирана. В последнем случае в фокусе оценки находится недостижение цели в дипломатическом взаимодействии, что образно сравнивается с неспелым фруктом (*fruit of diplomacy is still not ripe for the picking*). На уровне языка использованы предложная конструкция и устойчивое словосочетание.

(2) механизм концептуальной метафтонимии

(21) *But history is a reminder that **lame-duck diplomacy** can be dangerous as well as bold* [The Washington Post].

В этом примере оценка субъекта дипломатических отношений реализуется за счет метафорического переноса, когда областью-источником является знание об утке как о птице отряда гусеобразных, которая является водоплавающей и неуклюже передвигается по суше. Такая функциональная особенность дополняется указанием на нарушение функции передвижения (*lame* – (especially of animals) not able to walk correctly because of physical injury to or weakness in the legs or feet [CD]). В результате создается ассоциация с функциональной ограниченностью. Этот образ проецируется на руководителя государства (*lame-duck diplomacy*), который уже знает имя своего преемника и в ожидании его инаугурации ограничен в возможности вести активную дипломатическую деятельность (*lame duck* – an elected official or group continuing to hold political office during the period between the election and the inauguration of a successor [MWD]). Негативная оценка усиливается в ситуативном контексте за счет указания на опасность такого поло-

жения (*dangerous*). Вторичная интерпретация осуществляется при активации такого языкового механизма, как метафтонимическая номинация.

(3) взаимодействие механизма концептуальной метафоры и концептуального сравнения

(22) *Like bamboos with strong roots, solid stems and flexible branches, Vietnamese diplomacy is soft and clever but still persistent and resolute* [Fulcrum].

Объектом оценочной вторичной интерпретации выступает субъект дипломатических отношений, осмысляемый на основе активации механизма концептуального сравнения, когда интерпретатор ориентируется на эталонное знание о свойствах бамбука (*strong roots, solid stems and flexible branches*). Во втором случае речь идет о концептуальной метафоре, за счёт которой знания о когнитивной природе человека (*soft and clever*) и психической природе человека (*persistent and resolute*) переносятся на дипломатические отношения. В результате подчеркивается способность вьетнамской дипломатии подобно бамбуку быть сильной, твердой и гибкой. На уровне языка значимость имеет сравнительная конструкция.

Таким образом, для оценочной интерпретации дипломатических отношений важным контекстом являются знания о природе, включая природные явления (*a diplomatic eruption, in the wake of a flurry of summit diplomacy, muddy diplomacy*), растения (*diplomacy was fruitless*) и животных (*diplomacy takes wing*). Способы, инструменты, цели и субъекты дипломатических отношений, а также их взаимодействие интерпретируются в примерах, рассмотренных в данном разделе. Они осмысляются при активации механизмов концептуальной метафоры и концептуальной метафтонимии, а также инференции. В данном разделе зафиксированы языковые механизмы номинации, использования фразеологизмов с оценочной семантикой, глагольно-именных и предложных словосочетаний, а также сравнительной конструкции.

2.3.4. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО

Анализ фактического материала позволил установить концептуальные характеристики, относительно которых реализуется оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений, такие как «вертикальные отношения» и «измерение» формы объекта. В этих процессах значимость имеет когнитивный механизм концептуальной метафоры:

(1) механизм концептуальной метафоры

(1) *The Antarctic, in many ways, represents the apex of post–World War II science diplomacy* [Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside].

Интерпретатор оценивает дипломатические отношения в научной сфере, ориентируясь на концептуальную характеристику «вертикальные отношения» в пространстве. Областью-источником является знание о наивысшей точке в пространстве, репрезентируемое словом *apex* (the highest point or top of a shape or object [CD]). Метафорический перенос формирует ассоциацию «наивысшая точка в пространстве – высокое достижение». На уровне языка представлено словосочетание с оценочной семантикой (*the apex of diplomacy*).

(2) *Further insight into China’s peaceful and low-profile diplomacy* [Tracing China’s diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications].

В данном примере активизируется аналогичная концептуальная характеристика, репрезентируемая лексемой *low* (not measuring much from the base to the top [CD]), семантика которой указывает на низкий уровень по вертикали, что проецируется на способ дипломатических отношений Китая. За счет широкого контекста становится понятен оценочный смысл словосочетания *low-profile diplomacy*, отражающий представление о дипломатии Китая «тише воды, ниже травы» во второй половине XX века (о дипломатии «тише воды, ниже травы» подробнее: [Godement, Vasselier 2017]). В результате метафорического переноса дипломатия Китая в тот период оценивается как стремление не привлекать внимание к своим

действиям на международной арене. Языковым механизмом здесь является метафорическая номинация.

(3) *Recent years have seen **an expansion** of Track 1.5 and Track 2 diplomacy [NTI].*

Объектом оценочной вторичной интерпретации здесь выступают дипломатические отношения на уровне неправительственных, неформальных и неофициальных контактов и действий между частными лицами или группами лиц, называемыми «негосударственными субъектами». За счет лексемы *expansion* (осципу or contain a larger space [OALD]; acquiring greater volume or capacity [OALD]) репрезентируется увеличение объема у объекта. Это знание переносится на способы дипломатических отношений. В результате создается ассоциация «как расширяется форма объекта, так же увеличиваются дипломатические контакты». На уровне языка представлен механизм метафорической номинации.

Таким образом, в контексте концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО дипломатические отношения осмысляются относительно концептуальных характеристик «вертикальные отношения в пространстве» и «увеличение размеров в пространстве». Способ дипломатических отношений выступает в качестве единственного объекта интерпретации. Функция оценки реализуется за счет механизма концептуальной метафоры, дополненного механизмом инференции. Языковые механизмы представлены номинацией и словосочетанием с оценочной семантикой.

Обобщая результаты фактологического анализа, отметим, что функция оценки в интерпретации дипломатических отношений реализуется с наибольшей частотностью по сравнению с функциями селекции и классификации. Оценочные смыслы о дипломатических отношениях формируются в контексте всех четырех концептуально-тематических областей, но концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК выступает контекстом их осмысления чаще, чем все остальные концептуально-тематические области.

Частотность активации концептуально-тематических областей в процессе оценочной вторичной интерпретации дипломатических отношений представлена на Диаграмме 3.

Статистический анализ показал востребованность типов вторичной интерпретации дипломатических отношений в следующей последовательности: оценочная (44,5%), селективная (29%), классифицирующая (26,5%).

В рамках селективной вторичной интерпретации чаще всего происходит обращение к концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК (66,1%), на втором месте – ПРИРОДА (16,9%), третье место делят АРТЕФАКТ и ПРОСТРАНСТВО (по 8,5%).

Среди активируемых когнитивных механизмов самым частотным в осуществлении функции селекции является механизм концептуальной метафоры (65,4%), затем следует концептуальная метонимия (21,2%) и метафтонимия (13,4%). Объектами селективной вторичной интерпретации чаще всего выступают способы (61,5%) и участники (субъекты) (23%) дипломатических отношений. В

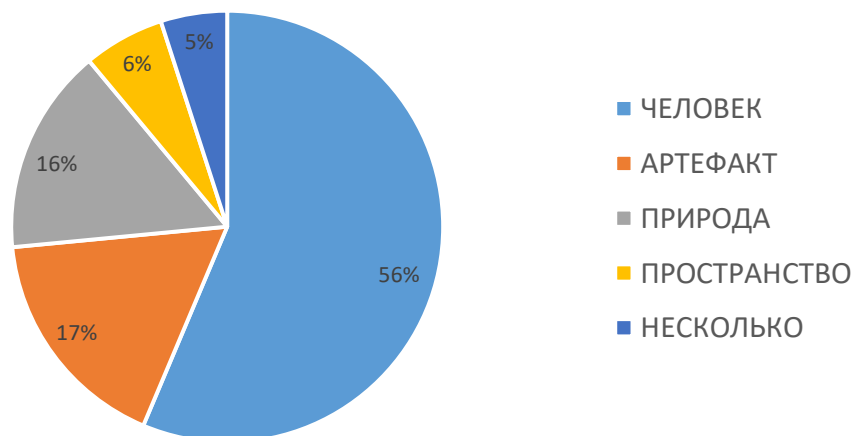
фокусе селективной вторичной интерпретации взаимодействие субъектов дипломатических отношений отмечается реже – 13,5%. Инструменты интерпретируются в 2% случаев.

Для классифицирующей вторичной интерпретации характерно обращение к концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК (56,2%), меньшая частотность выявлена у концептуально-тематических областей АРТЕФАКТ (35,3%) и ПРОСТРАНСТВО (8,5%). Концептуально-тематическая область ПРИРОДА не представлена в процессах классифицирующей вторичной интерпретации дипломатических отношений. Самым частотным когнитивным механизмом в реализации функции классификации оказалась концептуальная метафора (60,8%), на втором месте концептуальная метонимия (25,5%), на третьем – концептуальное сравнение (13,7%). Объектами классифицирующей вторичной интерпретации чаще всего являются способы и участники дипломатических отношений (47,1% и 45,1% соответственно). В 5,8% случаев классифицирующая вторичная интерпретация сфокусирована на взаимодействии субъектов дипломатических отношений и в 2% случаев на инструменте дипломатических отношений.

Оценочная вторичная интерпретация чаще всего реализуется в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК (51%), с меньшей частотностью в контексте концептуально-тематических областей ПРИРОДА (22,7%), АРТЕФАКТ (11,3%) и ПРОСТРАНСТВО (3,7%). Для оценочной интерпретации также характерно взаимодействие концептуально-тематических областей и их характеристик (11,3), что позволяет на уровне интерпретирующей деятельности создать несколько оценочных фокусов. Когнитивный механизм концептуальной метафоры активируется в 82% случаев оценочной интерпретации, механизм концептуальной метонимии наблюдается в 9,5% случаев, концептуальной метафтонимии в 4,9% случаев, а концептуального сравнения в 3,6% случаев. Объектами оценочной вторичной интерпретации чаще всего являются участники (42%) и способы (33%), а реже всего взаимодействие субъектов (14%), цели (6%), инструменты (4%) и место (1%).

На основе данных, изложенных в Главе II, была выявлена следующая последовательность концептуально-тематических областей как контекстов для осмысления дипломатических отношений по частотности активации: ЧЕЛОВЕК (56,3%), АРТЕФАКТ (17,1%), ПРИРОДА (15,4%), ПРОСТРАНСТВО (6%) и несколько взаимодействующих концептуально-тематических областей (5,2%). Соответствующие данные приведены на Диаграмме 4:

Диаграмма 4. Частотность активации концептуально-тематических областей в процессе вторичной интерпретации дипломатических отношений

Рассматриваемым концептуально-тематическим областям также свойственны количественные закономерности в соотношении с функциями и типами вторичной интерпретации и активируемыми когнитивными механизмами. Наиболее частотным оказывается обращение к контексту концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК в процессе оценочной вторичной интерпретации (43,59%), затем в ходе селективной вторичной интерпретации (29,06%) и при классифицирующей интерпретации (27,35%). Для интерпретации в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК наиболее характерно обращение к когнитивному механизму концептуальной метафоры (62,4%), затем к концептуальной мето-

ними (26,5%), концептуальной метафтонимии (7,7%) и концептуальному сравнению (3,4%). Что касается статистических закономерностей относительно частотности объектов вторичной интерпретации, установлено, что в фокусе внимания интерпретатора в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК чаще всего находятся участники дипломатических отношений (43,6%), затем способы дипломатических отношений (40%), взаимодействие субъектов (11%), инструменты (2,6%), цели (1,7%) и место (1,1%).

Область АРТЕФАКТ наиболее часто активизируется при классифицирующей интерпретации (58%), затем при оценочной (25,8%) и при селективной (16,2%). Из обращений к концептуально-тематической области АРТЕФАКТ в 80,6% случаев задействован механизм концептуальной метафоры, в 3,2% случаев – механизм концептуальной метонимии, в 3,2% случаев – механизм концептуальной метафтонимии и 13% из всех примеров демонстрируют действие механизма концептуального сравнения. В рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТ чаще всего интерпретируются способы дипломатических отношений (67,7%), затем субъекты (25,8%) и взаимодействие субъектов (6,5%).

Концептуально-тематическая область ПРИРОДА продуктивнее всего выступает в качестве контекста оценочной вторичной интерпретации (71%), затем селективной интерпретации (29%). Эти процессы обеспечиваются действием когнитивного механизма концептуальной метафоры в 90% случаев и механизма концептуальной метафтонимии в 10% проанализированных примеров. Концептуально-тематическая область ПРИРОДА как когнитивный контекст вторичной интерпретации чаще всего активизируется при осмыслении участников дипломатических отношений (38,7%), затем способов (25,8%) и характера взаимодействия субъектов (19,4%), целей (9,7%) и инструментов (6,4%) дипломатических отношений. В процессах классифицирующей вторичной интерпретации характеристики данной области остаются невостребованными.

Концептуально-тематическая область ПРОСТРАНСТВО в половине случаев активизируется при селективной вторичной интерпретации. На втором по частотности месте – процесс реализации функции оценки (37,5%). Остальные случаи при-

ходятся на классифицирующую вторичную интерпретацию (12,5%). Характеристики концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО оказываются релевантными для интерпретатора при реализации когнитивного механизма концептуальной метафоры. Активация концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО происходит, когда объектом интерпретации выступают способы (75%) и взаимодействие субъектов (25%) дипломатических отношений.

Особое внимание следует обратить на то, что в процессе вторичной интерпретации дипломатических отношений возможны случаи, когда когнитивным контекстом выступают две или три концептуально-тематические области одновременно. На основе анализа фактического материала было выявлено, что это явление представлено совмещением таких областей, как: ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, АРТЕФАКТ – ПРИРОДА, а также ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК; ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО и АРТЕФАКТ – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО.

Основными механизмами вторичной интерпретации дипломатических отношений при взаимодействии концептуальных областей являются механизмы концептуального сравнения, концептуальной метонимии и концептуальной метафоры. В качестве объектов интерпретации выступают такие компоненты фрейма дипломатических отношений, как субъекты и их взаимодействие, а также способы дипломатических отношений.

Полученные результаты исследования вторичной интерпретации дипломатических отношений в контексте взаимодействия разных концептуально-тематических областей указывают, что взаимодействие может быть выявлено между двумя или тремя областями. В первом случае выявляется одновременная активация областей ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА (*swift and agile diplomacy was fruitless*), а также АРТЕФАКТ и ПРИРОДА (*Azeris spoon out caviar diplomacy*). Кроме того, в случае *Cowboy diplomacy, RIP* в разделе «Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений» наблюдается взаимодействие разных концептуальных характеристик концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК, в частности, концептуальной характеристики «деятельностная и поведенческая

природа» человека и «биологическая природа» человека. Такое же взаимодействие, но уже трёх характеристик области ЧЕЛОВЕК выделяется в примере *EU climate diplomacy needs to be professionalised, strengthened, become more coherent and coordinated*. Интерпретатор ориентируется здесь на характеристики «социальная природа» человека, «биологическая природа» человека и «когнитивная природа, включающая речемыслительные навыки» человека. Кроме этого случая, три концептуально-тематические области также могут взаимодействовать по схеме ЧЕЛОВЕК – ПРОСТРАНСТВО – ПРИРОДА (*the rise of assertive wolf warrior diplomacy*) и АРТЕФАКТ – ПРОСТРАНСТВО – ПРИРОДА (*big stick diplomacy still has its place in U.S. diplomatic relations, it has been largely replaced by “dollar diplomacy,” in which the U.S. attempts to encourage cooperation by dangling a carrot, rather than threatening with a big stick*). Данные результаты обобщены в таблице (см. Таблицу 3):

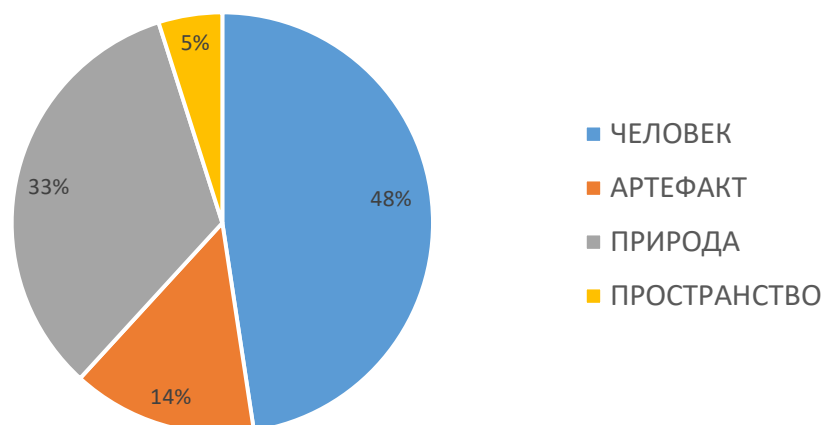
Таблица 3. Средства репрезентации вторичной интерпретации дипломатических отношений в соотнесении с типами интерпретации и взаимодействующими концептуально-тематическими областями

Концептуально-тематические области	Тип вторичной интерпретации	Объект интерпретации	Средства репрезентации
Взаимодействие двух концептуально-тематических областей			
ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК	Оценочная	Способ дипломатических отношений	<i>cowboy diplomacy, RIP</i>
ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА	Оценочная	Субъект дипломатических отношений	<i>Baekje’s swift and agile diplomacy was fruitless</i>
ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА	Оценочная	Взаимодействие субъектов дипломатических отношений	<i>hard, cold, quiet diplomacy</i>
ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА	Оценочная	Субъект дипломатических отношений	<i>Like bamboos, Vietnamese diplomacy is clever</i>
АРТЕФАКТ – ПРИРОДА	Оценочная	Способ дипломатических отно-	<i>Sometimes cricket diplomacy has come as an</i>

		шений	<i>icebreaker; at other times, it has merely marked a deceptive lull before another storm</i>
АРТЕФАКТ – ПРИРОДА	Оценочная	Субъект дипломатических отношений	<i>Azeris spoon out caviar diplomacy</i>
Взаимодействие трёх концептуально-тематических областей			
ЧЕЛОВЕК - ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК.	Оценочная	Субъект дипломатических отношений	<i>EU climate diplomacy needs to be professionalised, strengthened, become more coherent and coordinated</i>
ЧЕЛОВЕК – ПРОСТРАНСТВО – ПРИРОДА	Оценочная	Субъект дипломатических отношений	<i>the rise of assertive wolf warrior diplomacy</i>
АРТЕФАКТ – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО	Оценочная	Субъект дипломатических отношений	<i>Big stick diplomacy ... has been largely replaced by dollar diplomacy... by dangling a carrot</i>

На основе проведенного анализа установлена частотность активации различных концептуально-тематических областей в процессах их взаимодействия как контекстов для осмысления дипломатических отношений: ЧЕЛОВЕК (47,6%); АРТЕФАКТ (14,2%); ПРИРОДА (33,3%); ПРОСТРАНСТВО (4,9%). Соответствующие данные приведены на Диаграмме 5:

Диаграмма 5. Частотность активации концептуально-тематических областей в процессах их взаимодействия

С учетом результатов проведенного исследования установлена когнитивная основа вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке (см. Таблицу 4):

Таблица 4. Когнитивная основа вторичной языковой интерпретации дипломатических отношений

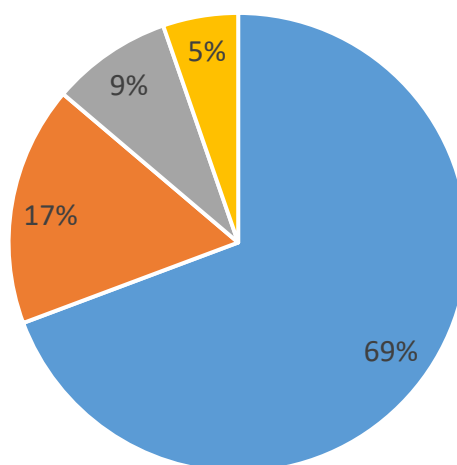
Тип вторичной интерпретации	Концептуально-тематическая область	Объект вторичной интерпретации	Когнитивный механизм
Селективная	ЧЕЛОВЕК	Субъекты, их взаимодействие, способы и инструменты дипломатических отношений	Концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, инференция
Селективная	АРТЕФАКТ	Субъекты, их взаимодействие, способы	Концептуальная метафора, концептуальная метонимия и инференция

Селективная	ПРИРОДА	Субъекты, их взаимодействие, способы	Концептуальная метафора и инференция
Селективная	ПРОСТРАНСТВО	Взаимодействие субъектов и способы	Концептуальная метафора и инференция
Классифицирующая	ЧЕЛОВЕК	Субъекты, способы и инструменты	Концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальное сравнение и инференция
Классифицирующая	АРТЕФАКТ	Взаимодействие субъектов, способы	Концептуальная метафора, концептуальное сравнение, инференция
Классифицирующая	ПРОСТРАНСТВО	Способы	Концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР и инференция
Оценочная	ЧЕЛОВЕК	Все выделенные компоненты фрейма	Все выделенные механизмы
Оценочная	АРТЕФАКТ	Субъекты, их взаимодействие и способы	Концептуальная метафора, концептуальная метафтонимия, концептуальное сравнение и инференция
Оценочная	ПРИРОДА	Субъекты, их взаимодействие, способы, цели, инструменты	Концептуальная метафора, концептуальная метафтонимия и инференция
Оценочная	ПРОСТРАНСТВО	Взаимодействие субъектов и способы	Концептуальная метафора и инференция

Когнитивный механизм концептуальной метафоры задействован в формировании вторичного знания в контексте всех концептуально-тематических областей. Когнитивный механизм концептуальной метонимии активируется в концептуально-тематических областях ЧЕЛОВЕК и АРТЕФАКТ. Когнитивный механизм концептуальной метафтонимии оказывается важным в контексте концепту-

ально-тематических областей ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Концептуальное сравнение как когнитивный механизм вторичной интерпретации релевантен в контексте концептуально-тематических областей ЧЕЛОВЕК и АРТЕФАКТ. В ряде случаев механизмы концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуальной метафтонимии дополняются механизмом инференции. Результаты статистического анализа частотности этих механизмов отражены на Диаграмме 6. В целом, в работе описан 181 пример, отражающий вторичную интерпретацию дипломатических отношений. Из них 69,3% примеров репрезентируют формирование вторичного знания с помощью концептуальной метафоры, 16,9% – с помощью концептуальной метонимии, 8,5% – с помощью концептуальной метафтонимии и 5,3% – с помощью концептуального сравнения.

Диаграмма 6. Частотность когнитивных механизмов в процессах вторичной интерпретации

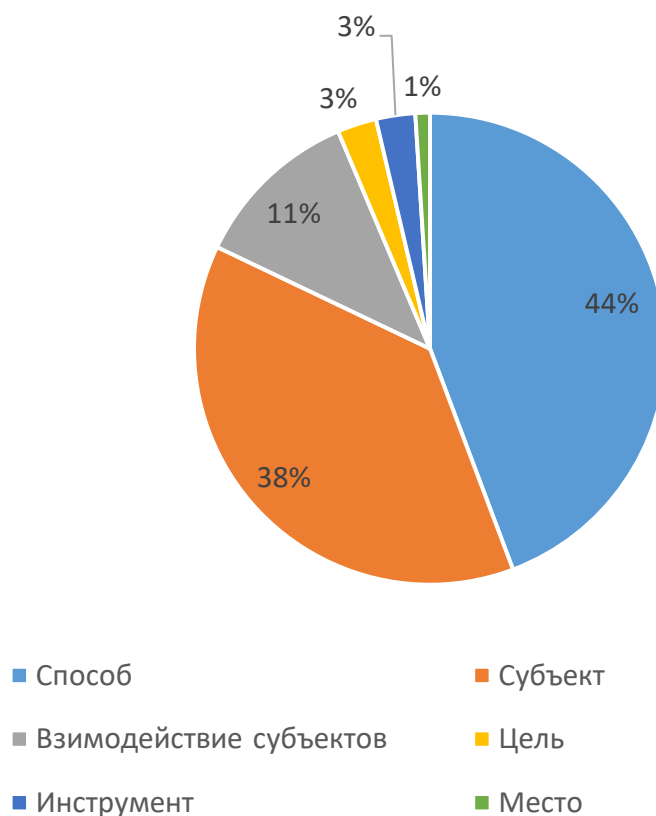
■ Концептуальная метафора
■ Концептуальная метонимия
■ Концептуальная метафтонимия
■ Концептуальное сравнение

Установлено также, что способы дипломатических отношений интерпретируются во всех концептуально-тематических областях. Кроме них только субъек-

ты и взаимодействие субъектов данных отношений выступают объектами вторичной интерпретации во всех областях. Инструмент дипломатических отношений как объект интерпретации представлен в контексте осмысления знания, относящегося к концептуально-тематическим областям ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Цель дипломатических отношений оценивается также в контексте концептуально-тематических областей ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Место дипломатических отношений является объектом интерпретации только в контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК.

В результате проведенного статистического анализа установлено, что из всех компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS в качестве объекта вторичной интерпретации самым частотным является способ (44,5%). Далее в порядке убывания определены: субъекты (38%), взаимодействие субъектов (11,6%), цель (2,7%) и инструмент (2,7%). Наименее частотным компонентом является место (0,5%). Результаты статистического анализа отражены в Диаграмме 7.

Диаграмма 7. Частотность активации компонентов фрейма
DIPLOMATIC RELATIONS
как объектов вторичной интерпретации

Таким образом, в результате проведенного статистического анализа установлено, что субъекты и способ дипломатических отношений имеют наибольшую значимость для интерпретатора в ходе формирования вторичного знания.

Что касается языковых механизмов, при селективной вторичной интерпретации самым частотным языковым механизмом оказывается номинация – на её долю приходится две трети случаев. 84,5% номинаций образованы метафорически, 15,5% метонимически. На втором месте по частотности – использование оценочных устойчивых словосочетаний и предложных словосочетаний (по 10,2%). Механизмы, в основе которых глагольно-именные словосочетания (7,7%), оценочные лексемы (2,6%) и лексемы с ограниченной семантической сочетаемостью (также 2,6%) оказались не распространёнными.

Для классифицирующей вторичной интерпретации количественный анализ языковых механизмов распределил их следующим образом: номинация (36%) с преобладанием метафорической номинации, использование оценочных лексем (22,7%), словосочетания (22,7%), сравнительные конструкции (16%). На другие механизмы пришлось менее 10%. Выявлена существенная зависимость от области определения. Например, в области АРТЕФАКТ распространение сравнительных конструкций намного выше, а номинации намного ниже, чем в области ЧЕЛОВЕК.

Оценочная интерпретация базируется на номинации в наибольшей степени (46%), важность данного механизма подтверждается тем, что при реализации функции оценки активируются все три вида номинации. Преобладание метафорической номинации, выявленное в разделах 2.1. и 2.2. сохраняется и в этом разделе. Далее следует использование оценочных лексем (15,8%) и фразеологизмов (14,4%). Стоит отметить, что это единственный раздел, в котором фразеологизмы входят в тройку самых частотных языковых механизмов. На глагольно-именные и предложные словосочетания вместе приходится 18,2%. Оставшиеся механизмы занимают незначительные доли. Выявлены некоторые количественные закономерности в подразделах. В концептуально-тематической области ПРИРОДА глагольно-именные словосочетания очень распространены, а в других разделах они почти не отмечаются. Концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК содержит наибольшее количество оценочных лексем, но очень мало словосочетаний и сравнительных конструкций. В области АРТЕФАКТ, напротив, фразеологизмы имеют большую массовую долю, а оценочные лексемы не обнаружены. Таким образом, раздел 2.3. служит наиболее показательным подтверждением тезиса о зависимости используемых языковых механизмов от области определения.

В целом, в рассмотренных примерах по частотности лидирует механизм номинации (48,8%). Внутри номинации выделяются метафорическая (76%), метонимическая (17%) и метафтонимическая (7%) разновидности. На предложные, глагольные и именные словосочетания приходится 19,5%. На третьем месте в ранжировании находится использование оценочных лексем (14,4%). Наименее частотными по итогам проведённого количественного анализа являются оценочные

фразеологизмы (9%), сравнительные конструкции (6.8%) и семантическая сочетаемость языковых единиц (1,5%). На их долю приходится меньше 20% в совокупности, что, с одной стороны, свидетельствует о разнообразии способов образования вторичных смыслов на уровне языка, а с другой стороны, позволяет наглядно выделить закономерность Парето: на самые частотные языковые механизмы приходится 80% примеров, а на оставшиеся все вместе только 20%. Частотность активации языковых механизмов в процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений представлена на Диаграмме 8.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

На основании проведенного анализа фактического материала установлено следующее:

1. Вторичная языковая интерпретация дипломатических отношений представлена в виде трех типов. Селективная вторичная интерпретация сориентирована на выделение и акцентирование определенных концептуальных характеристик в осмыслении дипломатических отношений. Классифицирующая вторичная интерпретация направлена на осмысление дипломатических отношений в проекции на определенный класс явлений. Оценочная вторичная интерпретация обеспечивает осмысление дипломатических отношений в соотнесении с нормами, идеалами и стереотипами. Функция оценки реализуется чаще всего (44,5% всех примеров), менее частотными являются функция селекции (29% случаев) и функция классификации (26,5% случаев). Объектами вторичной языковой интерпретации выступают компоненты фрейма пропозиционального типа DIPLOMATIC RELATIONS.

2. Селективная вторичная интерпретация дипломатических отношений осуществляется в контексте всех четырех концептуально-тематических областей. В контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК для селективной интерпретации релевантными являются знания об этапах жизни человека (*the birth of medical diplomacy*), частях тела человека (*the spine of EU city diplomacy*), физической силе человека (*diplomatic strongman*), о состоянии психоэмоциональной концентрации (*climate diplomacy should focus*), о движении человека о (*step-by-step diplomacy*), о целеполагании как свойстве деятельности человека (*diplomacy aims*), о продукте речемыслительной деятельности (*a key idea of nuclear diplomacy*). Объектами селективной вторичной интерпретации в контексте этой концептуально-тематической области выступают способы, и инструменты дипломатических отношений, а также субъекты дипломатических отношений и характер их взаимодействия. Основными когнитивными механизмами формирования

вторичных смыслов являются инференция, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и концептуальная метафтонимия.

3. В контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ при селективной интерпретации дипломатических отношений активируется знание о видах оружия (*gunboat diplomacy and big stick diplomacy*) и функциональном назначении защитного снаряжения (*behind the shield of diplomacy*). При этом интерпретируются способы дипломатических отношений, а также субъекты дипломатических отношений и характер их взаимодействия с опорой на действие механизмов концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и инференции.

4. Знания о частях растений (*transformational diplomacy is rooted*), видах растений (*bamboo diplomacy*) и видах животных (*wolf warrior diplomacy*) отмечаются в качестве контекста селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений в рамках концептуально-тематической области ПРИРОДА. Значимыми когнитивными механизмами являются механизмы концептуальной метафоры и концептуальной метафтонимии, дополненные в ряде случаев механизмом инференции. Объектами интерпретации становятся субъекты дипломатических отношений и характер их взаимодействия, а также способы дипломатических отношений.

5. Пространственные знания оказались наименее продуктивным контекстом для селективной вторичной интерпретации дипломатических отношений. В фокусе внимания интерпретатора находятся знания о вертикальных отношениях в пространстве (*wrongful detention and hostage diplomacy have been on the rise*) и о контейнере (*full-spectrum diplomacy*). Объектами интерпретации выступают способы и взаимодействие субъектов дипломатических отношений.

6. Классифицирующая вторичная интерпретация дипломатических отношений не представлена только в контексте концептуально-тематической области ПРИРОДА и очень ограниченно сориентирована на концептуально-тематическую область ПРОСТРАНТСТВО. В контексте двух других концептуально-тематических областей классифицирующая вторичная интерпретация осуществляется довольно часто.

7. Функция классификации реализуется относительно знания о характере человека (*shy diplomacy*), эмоциях человека (*aggressive Chinese diplomacy*), о вербальной коммуникации (*transformational diplomacy can only remain a political slogan*), о коммуникации в Интернете (*empty hype of UN city diplomacy*), о преступлении как виде и источнике социальных отношений (*diplomatic blackmail*), а также об азартных играх (*countries have bet on gastrodiploamacy*). Внимание наблюдателя направлено на субъектов дипломатических отношений и их взаимодействие, а также способы и инструменты дипломатических отношений. Ведущая роль при этом принадлежит механизмам концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуального сравнения, дополняемых механизмом инференции.

8. В контексте концептуально-тематической области АРТЕФАКТ классифицирующая интерпретация сориентирована на знания о функциональном назначении зданий, строений и частей строений и сооружений (*cornerstones of China's peaceful diplomacy*), функциях профессионального инструмента (*shuttle diplomacy*), функциях элементов приборов и устройств (*diplomacy is an important staple of foreign policy*), а также на знание о функциональном назначении орудия труда (*diplomacy may be an ideal tool of statecraft*). Способы, субъекты дипломатических отношений и их взаимодействие выступают объектами классифицирующей интерпретации в данной области. При этом активируются когнитивные механизмы инференции, концептуальной метафоры и концептуального сравнения.

9. Оценочная вторичная интерпретация дипломатических отношений выявлена в контексте всех рассматриваемых областей и сфокусирована на все фрейм-модельные компоненты как объекты интерпретации.

10. В контексте концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК дипломатические отношения оцениваются с опорой на знания о результативности деятельности (*diplomacy failed*), о типичном поведении человека (*cowboy diplomacy*). Помимо этого, значимыми для осмысления дипломатических отношений являются знания о видах социальных отношений и ролей (*the United States would serve as the "policeman"*). В этой же концептуальной области представлены знания об игре как виде состязательной деятельности и правилах игры (*diplomatic jackpot*), зна-

ния о спорте и единоборствах как состязательной деятельности (*a fresh diplomatic standoff*), а также о войне как состязательной деятельности (*diplomatic war*). В контексте данной концептуальной области осмысляются все шесть компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS. В качестве когнитивных механизмов привлекаются концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия и концептуальное сравнение, а также инференция.

11. Концептуально-тематическая область АРТЕФАКТ как контекст оценочного осмысления дипломатических отношений представлена знанием о функциональном назначении одежды (*old-hat diplomacy*), спортивного инвентаря (*cricket diplomacy has come as an icebreaker*) и другие. Способы и субъекты дипломатических отношений интерпретируются здесь при активации механизмов концептуальной метафоры, концептуального сравнения и инференции.

12. Концептуально-тематическая область ПРИРОДА содержит актуальные для оценочной интерпретации дипломатических отношений знания о природных катастрофах (*a diplomatic eruption*), состоянии природных сред (*in the wake of a flurry of summit diplomacy*), субстанциях в природе (*muddy diplomacy*). Знания о живой природе представлены знаниями о цветковых растениях (*diplomacy was fruitless*), о размножении животных (*paradiplomacy generated a break in that debate*) и о полёте животных (*diplomacy takes wing*). Объектами интерпретации выступают все компоненты фрейма дипломатических отношений, кроме места. Они осмысляются в ходе действия механизмов концептуальной метафоры, концептуальной метафтонимии и инференции.

13. Для концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО как контекста оценочной интерпретации дипломатических отношений актуальны такие концептуальные характеристики, как вертикальные отношения в пространстве (*the apex of post-World War II science diplomacy*) и увеличение занимаемого места в пространстве (*expansion of Track 1.5 and Track 2 diplomacy*). Выявлено, что способы дипломатических отношений являются объектами вторичной интерпретации, а основным когнитивным механизмом выступает концептуальная метафора.

14. В процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений взаимодействуют некоторые концептуально-тематические области. На основе анализа фактического материала установлено взаимодействие контекстов нескольких областей: ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, АРТЕФАКТ – ПРИРОДА, а также ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК; ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО и АРТЕФАКТ – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО.

15. Когнитивная основа вторичной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке представлена в виде соотнесения функций вторичной интерпретации, концептуально-тематических областей, в контексте которых осмысляются дипломатические отношения, с активируемыми когнитивными механизмами и компонентами фрейма DIPLOMATIC RELATIONS, выступающими в качестве объектов вторичной интерпретации (см. Таблицу 4). Способ реализации дипломатических отношений является наиболее часто интерпретируемым компонентом фрейма (44,5%). Наиболее востребованным когнитивным механизмом является механизм концептуальной метафоры (69,3%).

16. К числу языковых механизмов, обеспечивающих вторичную интерпретацию дипломатических отношений, относятся механизм номинации (48,8%), использование лексем (14,4%) и фразеологических единиц (9%) с оценочной семантикой, глагольно-именных и предложных словосочетаний (19,5%), сравнительных конструкций (6,8%), а также семантическая сочетаемость языковых единиц (1,5%). Из случаев номинации более 75% основаны на метафоре, почти одна пятая на метонимии и лишь 7% на метафтонимии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что в основе реализации трёх выделенных функций вторичной интерпретации дипломатических отношений в английском языке лежит комплекс когнитивных и языковых механизмов, а в качестве когнитивного контекста этих процессов выступают концептуально-тематические области ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ПРИРОДА и ПРОСТРАНСТВО.

Полученные в ходе проведения данного диссертационного исследования результаты включают следующие положения:

1) В качестве концептуальной основы осмысления дипломатических отношений в английском языке выступают характеристики: официальные контакты между странами, осуществляемые на представительском уровне (an official whose job is to represent one country in another); взаимодействие по управлению отношениями между правительствами разных стран (the management of the relationships between countries); практикоориентированная деятельность, состоящая в ведении международных отношений с использованием документальных инструментов на переговорной основе (practice of conducting international relations, as in negotiating alliances, treaties, and agreements; practice of conducting negotiations between nations); умение справляться со сложными ситуациями не причиняя другим людям обиды (skilled at dealing with difficult situations in a way that does not offend people).

2) Структура фрейма пропозиционального типа DIPLOMATIC RELATIONS представлена обязательными компонентами (субъекты дипломатических отношений и их взаимодействие) и факультативными компонентами (способ, цель, инструмент и место).

3) Когнитивные механизмы, обеспечивающие вторичную интерпретацию дипломатических отношений в английском языке и формирование интерпретирующих смыслов, включают механизм концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуальной метафтонимии и концептуального сравнения.

Механизм инференции дополняет названные механизмы, когда возникает необходимость интерпретировать выводное знание на основе контекста. Отмечаются также случаи взаимодействия механизмов концептуальной метафоры и концептуального сравнения.

4) К числу языковых механизмов, активируемых в процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений, относятся механизмы номинации, семантической сочетаемости языковых единиц, использования лексем и фразеологических единиц с оценочной семантикой, словосочетаний, а также сравнительных конструкций. Самыми частотными языковыми механизмами по результатам анализа примеров признаются номинация (48,8%), использование словосочетаний (19,5%) и оценочных лексем (14,4%).

5) Под вторичной интерпретацией дипломатических отношений понимается образование нового знания о них, что реализуется на основе трёх функций: функции селекции, когда внимание интерпретатора концентрируется на одном из аспектов дипломатических отношений; функции классификации, когда дипломатические отношения или их аспекты соотносятся с определенным классом объектов; функции оценки, направленной на соотнесение дипломатических отношений с ценностными ориентирами.

6) В качестве контекста осмысления дипломатических отношений и их интерпретации выступают такие концептуально-тематические области, как (1) ЧЕЛОВЕК, (2) АРТЕФАКТ и (3) ПРОСТРАНСТВО, а также (4) ПРИРОДА. Концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК включает знания о физической природе человека, психической природе человека, деятельностной и поведенческой природе человека, познавательной природе человека и его речемыслительных навыках, социальной природе и состязательной деятельности. Для концептуально-тематической области АРТЕФАКТ выделены характеристики, связанные с функциональным назначением зданий и сооружений, частей зданий и сооружений, оружия и защитного снаряжения, орудий труда и профессиональных инструментов, приборов и устройств, а также одежды. Концептуально-тематическая область ПРИРОДА рассматривается на основе знаний о природных объектах, природных

явлениях, растениях и животном мире. Для интерпретатора важны такие характеристики концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО, как вертикальные и горизонтальные отношения в пространстве, измерения в пространстве, изменение размеров в пространстве, заполнение контейнера.

7) Названные концептуально-тематические области взаимодействуют по следующим схемам: ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА, АРТЕФАКТ – ПРИРОДА, а также ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК; ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО и АРТЕФАКТ – ПРИРОДА – ПРОСТРАНСТВО, что приводит к формированию нескольких оценочных фокусов в интерпретации дипломатических отношений (см. Таблицу 3).

8) Согласно результатам фактологического анализа с привлечением статистического метода, самым частотным когнитивным механизмом в процессах вторичной интерпретации дипломатических отношений является механизм концептуальной метафоры (69,3%). Среди компонентов фрейма DIPLOMATIC RELATIONS чаще всего объектом вторичной интерпретации выступает способ дипломатических отношений (44,5%). Более того, при взаимодействии концептуально-тематических областей наибольшая частотность активации свойственна областям ЧЕЛОВЕК (47,6%) и ПРИРОДА (33,3%).

9) Вторичная языковая интерпретация дипломатических отношений характеризуется одновременной активацией нескольких когнитивных и языковых механизмов, что объясняется комплексным характером знания, репрезентируемого в ходе вторичной интерпретации. Отмечены случаи совместной активации механизмов концептуальной метафоры и концептуального сравнения, а также концептуальной метафоры и инференции, концептуальной метонимии и инференции.

Перспектива исследования заключается в применении полученных результатов для анализа вторичной интерпретации других социальных явлений. Результаты исследования могут быть использованы также в изучении когнитивной основы вторичной интерпретации дипломатических отношений на материале других языков.

Список использованной научной литературы

1. Андреева М.С. Концептуальная оппозиция «норма – не норма» в формировании семантики фразеологических единиц английского языка с компонентом-соматизмом: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Андреева Мария Сергеевна. – М., 2016. – 182 с.
2. Антонов М.В. Организация Договора о коллективной безопасности как субъект мировой политики и ее роль в формировании многополярного мира: автореф. дис. ... канд. политических наук: 23.00.04 / Антонов Максим Владимирович. – М., 2015. – 29 с.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. 8-е изд. – СПб.: Питер, 2023. – 560 с.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х томах. Том 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
5. Арекеева Ю.Е. Репрезентация оппозиции «Свой – Чужой» в языковой картине мира: на материале русского и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Арекеева Юлия Евгеньевна. – Челябинск, 2023. – 21 с.: ил.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: «Наука», 1988. – 341 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е издание, исправленное. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Аршинцева О.А. Истоки глобального лидерства: британский и американский исторический опыт // Вестник Томского государственного университета. История. – 2023. – № 81. – С. 84-90. – DOI 10.17223/19988613/81/9.
9. Бабина Л.В. Деривационный потенциал антропонимически репрезентируемого концепта // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – № 22. – С. 623-625.
10. Бабина Л.В. Наименования оттенков цвета как результат образной интерпретации мира человеком (на материале наименований модных цветов осень-зима 2012-2013 и 2013-2014 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2015б. – № 1(1). – С. 26-33.

11. Бабина Л.В. Интерпретирующий потенциал производных слов // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017а. – С. 287-310.

12. Бабина Л.В. Когнитивное моделирование при изучении наименований оттенков цвета (на материале наименований модных цветов «осень-зима» 2012-2013 и 2013-2014 годов) // Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике: сборник научных трудов в честь доктора филологических наук, профессора Ларисы Александровны Манерко. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2017б. – С. 64-71.

13. Бабина Л.В. Неологизмы английского языка: репрезентируемые ими области знания, принципы и механизмы создания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 72-81. – DOI 10.29025/2079-6021-2020-3-72-81.

14. Бабина Л.В. Интерпретирующий потенциал производных слов в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. – 2022а. – № 1(48). – С. 159-178.

15. Бабина Л.В. Особенности интерпретации сложных слов: форматы знания // Когнитивные исследования языка. – 2022б. – № 2(49). – С. 411-416.

16. Бабина Л.В., Долгова Е.В. Когнитивные модели сравнения при формировании семантики английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 39-46. – DOI 10.20916/1812-3228-2021-1-39-46.

17. Бабина Л.В., Разумовская Ю.М. Прецедентные имена в функции селективной и классифицирующей вторичной интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2026. – № 1. – С. 48-62. – DOI 10.20916/1812-3228-2026-1-48-62.

18. Бабина Л.В., Рябых Е.Б. Прецедентное имя как средство речевого манипулирования // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: Сборник научных трудов. 15–17 мая 2023 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. – С. 9-12.

19. Бабина Л.В., Толмачева И.Н. Метафора и сравнение в социальной экологической рекламе: интерпретационный потенциал // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 4(65). – С. 154-161.
20. Бабина Л.В., Феденко А.Ю. Антропоцентрический аспект изучения двухкомпонентных сложных существительных // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1(21). – С. 75-79.
21. Балашова Л.В. Идеологема «Украина» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале устных выступлений С.В. Лаврова в 2022-2024 гг.) // Политическая лингвистика. – 2025. – № 1(109). – С. 12-19.
22. Баранова К.М., Чупрына О.Г. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 8-15. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-6-8-15.
23. Барселей Р.Я. Российско-кубинские отношения на современном этапе в отражении информационных агентств "РИА Новости" и "Пренса Латина": 2019-2020 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Барселей Рамирес Ярилейси. – М., 2021. – 21 с.
24. Безукладова И.Ю., Фурс Л.А. Моделирование социального пространства в области профессиональной деятельности // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 363-367.
25. Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3(44). – С. 5-13.
26. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 82-157.
27. Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 124-132.

28. Беляков М.В. Контент-анализ: теория и практика применения для анализа текстов открытой дипломатии // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 1(37). – С. 93-102.

29. Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвосомиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 5.9.8. / Беляков Михаил Васильевич. – М., 2023. – 48 с.

30. Беляков М.В., Максименко О.И. Языковые средства реализации идиолекта профессионального дипломата // Язык и личность в полидисциплинарной перспективе: материалы Международной научно-практической конференции. 16–17 декабря 2022 года. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. – С. 183-185.

31. Беляков М.В., Максименко О.И. Проблема икс-фемии открытого дипломатического дискурса // Языки и культуры в современном мире: материалы XVII Международной научно-практической конференции. 13–14 октября 2022 года. – М.: Издательский дом МЭИ, 2023а. – С. 36-40.

32. Беляков М.В., Максименко О.И. Брифинг: реализация языковой личности профессионального дипломата // Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации: материалы Международной научно-практической конференции. 15–16 декабря 2023 года. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023б. – С. 294-297.

33. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.

34. Берк Э. Правление, политика и общество. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 480 с.

35. Блохина Е.Д. Сравнение как механизм вторичной интерпретации // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 11. – С. 124-127. – DOI 10.5281/zenodo.5746828.

36. Блохина Е.Д. Сравнение как способ вторичной интерпретации мира в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Блохина Елена Дмитриевна. – Тамбов, 2024. – 23 с.

37. Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 2. – С. 24-40. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02.

38. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.

39. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.

40. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 4. – С. 25-77.

41. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33(248). – С. 11-16.

42. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5-13.

43. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015а. – № 1. – С. 5-12.

44. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к исследованию антропоцентрической природы языка // Когнитивные исследования языка. – 2015б. – № 21. – С. 38-45.

45. Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Людмилы Григорьевны Бабенко. 28–30 сентября 2016 года / редкол.: Т.М. Воронина, М.В. Дудорова, Б.Ю. Норман (Беларусь), А.М. Плотникова, Х. Томмола (Финляндия). – Москва-Екатеринбург: ООО «Фабрика комиксов» (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. – С. 16-25.

46. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 19-81.

47. Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 37-42.
48. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – 2-е издание. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.
49. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. – 5-е изд., перераб. и доп. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2021. – 236 с.
50. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. – 2022а. – № 1(48). – С. 19-79.
51. Болдырев Н.Н. Оценочная концептуализация как фактор развития языковой картины мира // Александровский сборник: Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой / Ред. А.А. Липгарт, Е.О. Менджерицкая, Е.В. Михайловская, И.Н. Фомина. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА», 2022б. – С. 46-57.
52. Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 3. – С. 5-15. – DOI 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15.
53. Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация в процессах формирования значений и развития языковой картины мира // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / редкол.: Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова [и др.]. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024. – С. 20-38.
54. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 5-11.
55. Болдырев Н.Н., Беляева И.В. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного обще-

ния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 925-936. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-4-925-936.

56. Болдырев Н.Н., Блохина Е.Д. Сравнительные конструкции как механизм вторичной интерпретации знаний о мире // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 11. – С. 1713-1722. – DOI 10.17516/1997-1370-0946.

57. Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 14-25.

58. Болдырев Н.Н., Ефименко Т.Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 355-368. – DOI 10.21638/spbu22.2022.404.

59. Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 2. – С. 5–15.

60. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-12.

61. Бондаренко Ю.Ю. Становление дипломатии Европейского Союза: современное состояние и перспективы: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Бондаренко Юлия Юрьевна. – СПб., 2012. – 26 с.

62. Бочаров В.А., Маркин В.И. Основы логики. – М.: ИД «Форум» - Инфра-М, 2023. – 334 с.

63. Бронникова О.В. Концепт СОБЫТИЕ в английском языке и способы его интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 9(405). – С. 11-19.

64. Бубнова И.А. Психолингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии // Вопросы

психолингвистики. – 2021. – № 4(50). – С. 38-55. – DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55.

65. Бубнова И.А. Топосы современной публичной западной дипломатии в контексте глобализации: специфика и цели // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6(102). – С. 12-19.

66. Бубнова И.А. Специфика современной публичной дипломатии в аспекте теории деятельности // Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности): материалы II Всероссийской конференции с международным участием. 08–11 апреля 2024 года. – М.: ИД «Канцлер», 2024. – С. 242-244.

67. Бубнова И.А., Кондакова М.И. Дипломатический дискурс XXI века: что стоит за агрессией в публичной дипломатии? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – № 19. – С. 5-13. – DOI 10.26170/2411-5827_2021_19_01.

68. Будаев Э.В., Аникина Т.В. Неживая природа как сфера-источник метафорической концептуализации пандемии COVID-19 в СМИ Франции // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2(104). – С. 27-34.

69. Будаев Э.В., Пологова К.В. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом нарративе «BLM movement» (по материалам газеты «The Seattle Times») // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1(97). – С. 42-49. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_05.

70. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2008. – 248 с.

71. Букреева Т.Н. «Дипломатический терроризм» в сравнении с классической дипломатией: сущность и особенности проявления // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 319-333.

72. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем., общ. ред. и комментарии Т.В. Булыгиной. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.

73. Васецкий Н.А. Типология современного конфликта-воронки на Украине // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 275-277.

74. Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вебер Елена Александровна. – Иркутск, 2004. – 213 с.

75. Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. – М.: АСТ; АСТ Москва; Восток-Запад, 2008. – 316 с.

76. Виноградова С.Г. Антропоцентрическая сущность коммуникативного членения предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-4(54). – С. 50-55.

77. Виноградова С.Г. Распределение информации в сложном предложении с точки зрения антропоцентрического подхода // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 28. – С. 175-209.

78. Виноградова С.Г. Вторичные грамматические явления в языковой картине мира (сложные предложения и вторично-предикативные структуры) // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 289-303.

79. Вишнякова О.Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. – Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 17-27.

80. Власова Л.Ю., Мальцева И.Г. К вопросу описания метафорической модели в рамках дискурса социальных медиа на примере метафорической модели «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК – ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5(107). – С. 67-75.

81. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика; пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

82. Водяницкая А.А. Анализ импликаций в академическом дискурсе: от оценочных значений к индивидуальному стилю // Вестник Санкт-Петербургского

университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 784-801. – DOI 10.21638/spbu09.2024.402.

83. «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А.А. Громыко / Общ. ред. Ал. А. Громыко. – М.: Издательство «Весь Мир», 2019. – 490 с.

84. Волков Б.С., Волков Н.В. Конфликтология: Учебное пособие. – 4-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2020. – 412 с.

85. Георгиева Н.Ю., Коршунова Н.Г. К становлению понятия «эмоциональная культура языковой личности переводчика» в дипломатическом дискурсе // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2023. – Т. 15, № 3(18). – С. 300-310. – DOI 10.35634/2500-0748-2023-15-3-300-310.

86. Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания (психолингвистический подход): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Голубева Ольга Васильевна. – Тверь, 2016. – 22 с.

87. Голубкова Е.Е. Прецедентное имя как способ создания медийного образа во франкоязычных и англоязычных СМИ (корпусный подход) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 12(867). – С. 16-19. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_16.

88. Гребенкина Е.В. Трансформация дипломатии в рамках сетевой структуры мира // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 3 (35). – С. 138–144.

89. Грибанова В.В., Усачёва В.В. Европейская образовательная дипломатия: африканский взгляд // Современная Европа. – 2025. – № 2. – С. 5–17.

90. Гумбольдт Вильгельм фон. Концепция общего языкознания: цели, содержание, структура. Избранные переводы. Пер. с нем. / вступ. ст. и примеч. Л.П. Лобановой. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 504 с.

91. Гусякова А.В. Семантико-прагматический смысл метафоры «красная линия» (a red line) в российском и англоязычном общественно-политическом медиадискурсе // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 1. – С. 310-313.

92. Девятяров Д.В. Репрезентация сетевого фрейма “Hostile encounter” / «Враждебное столкновение» в англоязычных интернет-комментариях // Политическая лингвистика. – 2022. – № 3(93). – С. 20-26.

93. Дементьев В.В. «В Европе заявили...»: неопределенно-личные конструкции с речевыми словами в заголовках политических интернет-СМИ // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5(107). – С. 14-21.

94. Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. – С. 187-189.

95. Дипломатия и дипломаты. Из истории международных отношений стран Запада и России / Отв. ред. Т.Л. Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2022. – 446 с.

96. Джабер М.Х. Взаимодействие элементов понятийного наполнения вербализованного концепта в диахронии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1. – С. 79-85.

97. Дзюба Е.В. Англосаксонский дуэт в реализации стратегии дезинтеграции коллективного Запада (по материалам выступлений М.В. Захаровой на брифингах МИД РФ) // Политическая лингвистика. – 2024а. – № 4(106). – С. 24-33.

98. Дзюба Е.В. Ключевые слова политического момента в словаре, корпусе, дискурсе // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус. – Екатеринбург-Москва: Кабинетный ученый, 2024б. – С. 342-359.

99. Дзюба Е.В., Белослудцев А.Н. Транспарентность как семантическая категория в языке политики // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Сборник тезисов. 19–26 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. – С. 1107-1108.

100. Дзюба Е.В., Еремина С.А. «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6(102). – С. 77-87.

101. Добреньков В.И. Политический реализм и политический прагматизм в международных отношениях // Гуманитарий юга России. – 2019. – Том 8, № 1. – С. 18-32.

102. Долгова Е.В. Фразеологические единицы английского языка как модели репрезентации знаний о человеке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Долгова Елена Владимировна. – Тамбов, 2020. – 244 с.

103. Дубенец Н.Б. Языковые средства репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2(86). – С. 81-88. DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_07.

104. Дубкова Ю.С. Аббревиатурная парадигма с идентификатором «перемещение по воздуху» в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дубкова Юлия Сергеевна. – Симферополь, 2022. – 228 с.

105. Дубровская О.Г. Вторичная интерпретация мира в дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 323-341.

106. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. – М.: URSS, 2006. – 248 с.

107. Ефименко Т.Н., Зурабова Л.Р. Языковая интерпретация рекламных сообщений в масс-медийном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 2. – С. 6-16. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-2-6-16.

108. Жовнер Е.А. Коммуникативная личность современного британского политика (по материалам парламентских выступлений Дэвида Кэмерона и Бориса Джонсона) // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4(94). – С. 41-50.

109. Загайнова Е.Л., Ищенко И.Г. Использование специальной лексики в американском дипломатическом дискурсе (на материале брифингов Государственного департамента США) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 78. – С. 165-169.

110. Заяц А.А. Корреляция логической структуры метафоры и явления когнитивного диссонанса (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 191-195. – DOI 10.30853/filnauki.2020.1.38.

111. Зорин В.А. Основы дипломатической службы. Изд. 2-е, испр и доп. – М.: «Международные отношения», 1977. – 368 с.
112. Зяблова О.А. Конститутивные признаки дипломатического и политического дискурсов: особенности взаимодействия // Начала Русского мира. – 2024. – № 4. – С. 47-52.
113. Иванкова И.В. Реализация категории имплицитности в современном русском художественном тексте (на фоне немецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванкова Ирина Владимировна. – Волгоград, 2007. – 194 с.
114. Иванова Е.Ю. Профессия дипломата во взглядах акторов современного информационного общества: мифологизация и реальность // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 11(165). – С. 37-50. – DOI 10.24158/tipor.2021.11.5.
115. Иванова И.Е., Карыпкина Ю.Н. Политическая метафора в английском и французском языках: сравнительно-сопоставительный анализ // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4(100). – С. 42-50.
116. Казанцева Е.В. Дискурс "Другого" в детских литературных текстах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022. – Т. 8(74), № 1. – С. 105-120.
117. Калинин О.И., Большакова Т.С. К вопросу о моделировании военно-дипломатического дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 135-144. – DOI 10.18287/2542-0445-2025-31-2-135-144.
118. Калинина Г.С. Речевой этикет в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Калинина Галина Сергеевна. – Казань, 2022. – 24 с.
119. Кальер Ф. О способах ведения переговоров с государями / Пер. с фр. Л.А. Сифуровой. – М.: Гендальф, 2000. – 208 с.
120. Камбон Ж. Дипломат. – М.: Политиздат, 1946. – 88 с.
121. Карамова А.А. Концепты «правда» и «ложь» на аксиологической шкале «свой/чужой»: средства репрезентации (на материале обращений В.В. Путина пе-

риода специальной военной операции) // Политическая лингвистика. – 2023. – № 3(99). – С. 12-22.

122. Карамова А.А. Концепт «русские» в языковой картине политического мира: семантический аспект // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2(104). – С. 12-19.

123. Карамова А.А., Антипин И.А. Сфера-источник метафорического моделирования в экологическом научном дискурсе // Гуманитарные исследования в новых реалиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. 29 мая 2023 года. – Ставрополь: ООО «Ставропольское издательство «Параграф», 2023. – С. 52-54.

124. Карасик В.И. Языковые ключи. Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». – М.: Гнозис, 2009. – 408 с.

125. Карельская Ю.Ф., Манерко Л.А. Метонимические когнитивные модели в наименованиях международных соглашений США и Великобритании // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 4-2. – С. 354-362. – DOI 10.31862/2073-9613-2021-4-354-362.

126. Карслиева В.Г. Концептуализация публичной дипломатии в конструктивистской парадигме // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 12(125). – С. 50-54. – DOI 10.24158/per.2023.12.6.

127. Касаткин М.Л. Прецедентные высказывания как лингвопрагматическое средство отражения общественно-политических реалий Германии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 72-81.

128. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.

129. Киреева А.А., Пикулева Ю.Б. Дипломатические отношения в метафорическом описании (на материале высказываний Марии Захаровой) // Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых: выпуск 8. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2019. – С. 21-25.

130. Киченина В.С. Правовые основы дипломатии и дипломатических отношений // Юридическая наука. – 2019. – № 6. – С. 37-39.

131. Кобылко Я. Русская и польская политологические терминосистемы: по материалам современной лексикографии и текстов СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кобылко Ярослав. – М., 2019. – 22 с.

132. Ковязина М.А., Шишкина С.А. Концептуальные метафоры в британском медиадискурсе 2014-2023 гг.: корпусное исследование // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2(104). – С. 94-104.

133. Колесов И.Ю. Интерпретирующая функция языка: перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 1(37). – С. 67-81. – DOI 10.25688/2076-913X.2020.37.1.08.

134. Кондратьева О.Н. Метафорические номинации пользователей социальных сетей в русскоязычном сетевом дискурсе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2022. – № 7. – С. 433-438.

135. Кондратьева О.Н., Калашникова А.Л. Метафорическая интерпретация выборов президента Российской Федерации 2018 г. в юмористической политической коммуникации (на материале анекдотов) // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2(86). – С. 89-97. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_08.

136. Коннова М.Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Коннова Мария Николаевна. – М., 2018. – 505 с.

137. Коренецкая И.Н. Метафорические модели концептуальной диады «свой – чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – Т. 41, № 3. – С. 569-577. – DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577.

138. Королев С.В. Когнитивная основа английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Королев Сергей Владимирович. – Тамбов, 2022. – 173 с.

139. Кофанова Г.П., Ваганова Е.Ю. Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии // *Litera.* – 2023. – № 5. – С. 179-189. – DOI 10.25136/2409-8698.2023.5.38310.

140. Кошелева В.П. Средства репрезентации каузации убывания свойств объекта в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук / Кошелева Виктория Павловна. – Тамбов, 2024. – 163 с.

141. Кравец Т.Н. Дискурсивные особенности современной дипломатической коммуникации // *Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности.* – 2017. – Т. 12, № 5. – С. 54-63.

142. Краже С.Г. Маркеры текстовой импликации (на материале современного английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Краже Сандра Гунаровна. – Л., 1986. – 192 с.

143. Кривокапич Б.Д. Понятие и происхождение дипломатии // *Юридический вестник Самарского университета.* – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 62-73.

144. Кубрякова Е.С. Инференция // *Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой.* – М.: Издательство Московского государственного университета, 1996а. – С. 32-35.

145. Кубрякова Е.С. Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой.* – М.: Издательство Московского государственного университета, 1996б. – С. 90-92.

146. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22-31.

147. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

148. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2006. – № 3(8). – С. 5-14.

149. Кузина О.А. Фразеологические единицы как средство отражения событий политической жизни на Украине (на материале англоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1(55). – С. 104-110.

150. Кузина О.А. Аксиология языковой репрезентации образа Украины: англоязычные средства массовой информации. – Севастополь: Рибест, 2023. – 96 с.

151. Кузнецов Н.М. Публичная дипломатия США: между радикальной революцией и кризисной стагнацией // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 144-158. – DOI 10.24866/1813-3274/2022-1/144-158.

152. Куликова В.А. Ординальная сравнительная модель с антропонимом в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 12(906). – С. 68-74.

153. Куликова О.В. Эмотивность в дискурсе профессиональной коммуникации: лингводидактический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 23–36.

154. Курлов А.Б. Экономическая дипломатия как форма современных коммуникативных практик // Основы экономики, управления и права. – 2020. – № 6(25). – С. 49-51.

155. Кушнерук С.Л. Медиаобразы славян в информационной картине брексита // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 99-110. – DOI 10.20916/1812-3228-2021-2-99-110.

156. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011. Кн. 1: Разум вне машины.

157. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисловием А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

158. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. – 2017а. – № 3(54). – С. 212-223.

159. Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017б. – 272 с.

160. Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н. Светлое/темное в зеркале лингвокультур (на материале английских и русских народных сказок) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 20-33.

161. Леонтьев А.А., Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». – 4-е изд., исправленное. – М.: Смысл, 2005. – 287 с.

162. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. – 3-е издание, дополненное. – М.: Издательство «Смысл», 2007. – 510 с.

163. Ли М., Солопова О.А. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2(86). – С. 98-105. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_09.

164. Лингвистика информационно-психологической войны / И.В. Башкова, Е.М. Боровой, Л.А. Гаврилов [и др.]. Книга IV. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 340 с.

165. Логинова П.Г. Изобразительно-выразительные свойства метафоры во французском политическом дискурсе (на материале периодических изданий «Le Parisien» и «Le Monde») // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3(87). – С. 101-108. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_09.

166. Лоскутова С.В. Метафора как средство познания окружающего мира // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2(92). – С. 191-195.

167. Лю Цици. Лингвокультурная специфика репрезентации агрессивности в русско- и китайскоязычной интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Лю Цици. – М., 2023. – 28 с.

168. Магировская О.В. Антропоцентрическая природа языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 158-184.

169. Манерко Л.А. Основопологающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2-2. – С. 390-405. – DOI 10.31862/2073-9613-2024-2-390-405.

170. Манерко Л.А., Карельская Ю.Ф. Представление международного договора Великобритании и США в виде идеальной когнитивной кластерной модели // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2021. – № 2-1. – С. 312-319.

171. Манерко Л.А., Карельская Ю.Ф. «Международное соглашение» Великобритании и США как фреймовая структура, отражающая стратегии взаимодействия в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 2-2. – С. 341-350. – DOI 10.31862/2073-9613-2022-2-341-350.

172. Манукян Я.А., Трофимова Н.А. Метафорическая репрезентация запахов в дискурсе войны: опыт описания (на материале немецкого языка) // Политическая лингвистика. – 2025. – № 1(109). – С. 91-99.

173. Матакова М.В. Жанровые особенности формальной устной речи в ООН // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 7(862). – С. 86-93. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_86.

174. Матвеева Н.В. Лингвокультурологическая специфика базовой метафоры «путь / дорога» (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина) // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2(98). – С. 160-169. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_17.

175. Милявская Н.Б. Когнитивные основы формирования значения неологизмов, образованных в результате метафтонимического переноса (на материале современного английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Милявская Наталья Борисовна. – Калининград, 2008. – 200 с.

176. Мингалева О.В. Политическая метафора как механизм когнитивного моделирования действительности (на материале англо-американских, немецких и русских политических метафор): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мингалева Ольга Викторовна. – М., 2018. – 26 с.

177. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

178. Миньяр-Белоручева А.П. Концептуальные метафоры в дискурсе холодной войны в исторической ретроспективе // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 64-67.

179. Миньяр-Белоручева А.П., Вдовина О.А. Становление терминологии международных отношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 1(101). – С. 42-48.

180. Мурзин Ю.П. Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании) // Филологические науки в МГИМО. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 32-47. – DOI 10.24833/2410-2423-2023-2-35-32-47.

181. Нахимова Е.А., Николаева Е.Ю. Прецедентное имя Тэтчер/Thatcher в англоязычных и российских медиапубликациях // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6(102). – С. 114-121.

182. Нахимова Е.А., Сегал Н.А., Мищенко А.Н. Метафорическая модель «политические лидеры – это шахматисты» в медиапространстве 2020-2024 гг. (на примере президентов России, Украины и США) // Политическая лингвистика. – 2024. – № 6(108). – С. 111-118.

183. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

184. Никифорова М.В. Метафорические образы российского лидера в контексте информационно-психологической войны (на материале статей журнала Foreign Affairs за 2021 год) // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4(94). – С. 70-80.

185. Никифорова М.В. Метафорическое моделирование образа Китая американскими СМИ (по материалам статей журнала Foreign Affairs за 2022 год) // Политическая лингвистика. – 2023. – № 3(99). – С. 109-118.

186. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Новиков Николай Валерьевич. – М., 2017а. – 25 с.

187. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Новиков Николай Валерьевич. – Москва, 2017б. – 180 с.

188. Новиков С.С. Теория и история международных отношений: учеб. пособие. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – 320 с.

189. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Зоометафора как способ восприятия новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Неофилология. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 43-53. – DOI 10.20310/2587-6953-2023-9-1-43-53.

190. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Метафора банковского кризиса 2023 г. как составляющая экономического дискурса // Неофилология. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 345-353. – DOI 10.20310/2587-6953-2024-10-2-345-353.

191. Окил И. Метонимия в медиапространстве арабского политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 237-241. – DOI 10.30853/phil20240034.

192. Островская Т.А. Дискурс элиты: когнитивный, прагматический и семиотический аспекты: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Островская Татьяна Александровна. – Майкоп, 2016. – 375 с.

193. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2014. – 42 с.

194. Панасенко Л.А. Когнитивные основания интерпретирующего потенциала лексических категорий // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 218-243.

195. Панасенко Л.А. Вторичная репрезентация знания на лексическом уровне: интерпретирующий аспект // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 202-220.

196. Панасенко Л.А., Мелихова Д.И. Аналогия как фактор антропоцентричности интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-4(78). – С. 138-143.

197. Парулина И.Ю. Метафорическое моделирование образа БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе // Русистика. – 2025. – Т. 23, № 2. – С. 290-303. – DOI 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303.

198. Пило Б. д. П.Ч., Резвова Л.Э. Эвфемизмы в дипломатическом дискурсе. типологический анализ (на примере речей представителей Италии в ООН) // Язык и культура в глобальном мире: Сборник статей. – СПб.: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2024. – С. 394-399.

199. Практическое международное право и дипломатия Ф.Ф. Мартенса. Из дневников, трактатов и конвенций / Отв. ред. Е.Р. Воронин, А.В. Кукушкина. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 834 с.

200. Просяникова О.И. Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы (на материале английского психологического рассказа XX века): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Просяникова Ольга Игоревна. – СПб.-Пушкин, 2004. – 174 с.

201. Прохорова М.Е. Цвет как основа характеристики человека в сравнительных словосочетаниях (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Прохорова Майя Евгеньевна. – Тамбов, 2010. – 24 с.

202. Прохорова М.Е., Болдырев Н.Н. Характеристика человека посредством цветовых сравнений: Когнитивный аспект. – Saarbrucke: LAP LAMBERT, 2012. – 251 с.

203. Прошина З.Г., Терехова Е.В. Зоометафора как основа образности политического медиа и интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Се-

рия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – С. 149-165. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-11.

204. Разумовская Ю.М. Прецедентные имена, объективирующие концептуальную область спорт, в функции оценочной вторичной интерпретации // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 2-1(63). – С. 238-243.

205. Ремянникова Д.О. Метафтонимия в рекламном дискурсе (на материале слоганов русского, английского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ремянникова Дарья Олеговна. – Ижевск, 2022. – 307 с.

206. Сагитова А.Ф. Зоометафора как один из способов кодирования культурного смысла (на материале русского, турецкого и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 348.

207. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике / Под общ. ред. Ф.Ф. Молочкова. – М.: Международные отношения, 2018. – 480 с.

208. Сафина М.Р. Механизмы репрезентации неконтролируемого действия на уровне структуры высказывания в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сафина Марина Рафаиловна. – Нижний Новгород, 2022. – 225 с.

209. Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте следующей волны глобализации // Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте: монография / Ред. А.У. Альбеков, А.М. Старостин. – Ростов-на-Дону: «РИНХ», 2019. – С. 27-32.

210. Семёнова Е.М., Алексеева М.Л. «Аргументативные» ресурсы метафоры (на материале современного политического американского медиадискурса) // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1(97). – С. 69-76. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_08.

211. Сизых М.М. Природная метафора как средство концептуализации пандемии COVID-19 в русскоязычных СМИ // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1(97). – С. 105-112. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_12.

212. Синчук Ю.В., Власов Б.Е., Огурцов А.Е. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // Вестник Московского государственного лингви-

стического университета. *Общественные науки.* – 2022. – № 4(849). – С. 52-61. – DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52.

213. Степанов Ю.С. *Методы и принципы современной лингвистики.* – М.: Наука, 1975. – 311 с.

214. Стерляева Н.А. *Социология международных отношений.* – Барнаул, 2019. – 32 с.

215. Суворова Е.В. Концептуальные представления о чуждости, отраженные в русской языковой картине мира, сквозь призму градуального противопоставления «другой – иной – ЧУЖОЙ – чуждый» // *Вопросы психолингвистики.* – 2024. – № 1(59). – С. 138-151. – DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-138-151.

216. Сунь Цзи-шэн [и др.]. *Лингвистика международных политических отношений: теория и практика: моногр.* – Пекин: Мировые дела, 2017. – 584 с.

217. Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А. *Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018-2019 годов* // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 192-203. – DOI 10.15688/jvolsu4.2022.2.16.

218. Таймур М.П., Голубкова Е.Е. *Метафора и метонимия в современном испаноязычном политическом дискурсе* // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* – 2023. – № 7(875). – С. 126-131. – DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_126.

219. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: Монография.* – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

220. Тер-Минасова С.Г. *Роль факультета иностранных языков и регионоведения как флагмана языкового образования в России* // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2019. – № 1. – С. 19-37.

221. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1(22). – С. 47-56.

222. Терентий Л.М. Перспективность исследования дипломатического дискурса // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 29. – С. 270-275.

223. Ткачёва Ю.С. Реализация непрямого несогласия в дипломатическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 564-568. – DOI 10.30853/phil20220066.

224. Ткачёва Ю.С. Небуквальное выражение несогласия в дипломатическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Ткачёва Юлия Сергеевна. – Тверь, 2023. – 20 с.

225. Туарменский А.В. Способы дипломатических отношений: когнитивно-коммуникативный подход (на материале современного английского языка) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13, № 6. – С. 51-57. – DOI 10.12737/2587-9103-2024-13-6-51-57.

226. У Юйцунцзы. Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. / У Юйцунцзы. – М., 2024. – 23 с.

227. Устарханов Р.И. Метафтонимия в английском языке (Интерпретационно-когнитивный анализ): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Устарханов Рашид Ибрагимович. – Пятигорск, 2006. – 179 с.

228. Фалих М.Н. Особенности дипломатического дискурса на арабском и русском языках (лингвокультурологические аспекты) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3(284). – С. 112-117.

229. Федотова О.С. Концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР в репрезентации имплицитного диалога автора с читателем // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 776-780.

230. Федотова О.С. Концептуально-метафорическая репрезентация в метадискурсе англоязычного художественного нарратива: диахронический аспект //

Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10, № 5. – С. 21-25. – DOI 10.12737/2587-9103-2021-10-5-21-25.

231. Федяева Е.В. Количественные, пространственные и временные отношения как источник вторичной интерпретации // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 106-123.

232. Филиппов В.О. Языковая концептуализация сред: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Филиппов Василий Олегович. – М., 2012. – 24 с.

233. Филиппова И.Н. Современные лингвокультурные особенности дипломатической коммуникации (на примере брифингов М.В. Захаровой) // Дискурсивные практики в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 27 ноября 2020 года. – М.: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 172-179.

234. Филиппова И.Н., Вековищева С.Н., Алмохаммад М. Регламент и эмотивность дипломатического дискурса (на материале русского языка) // IV Ломоносовские чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: Сборник статей Международной научно-практической конференции. 16 мая 2020 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020. – С. 19-23.

235. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII / сост., ред. и вступит. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

236. Финаева Е.А. Оценочный концепт PROTECTIVE в области воспитательной деятельности // Когнитивные исследования языка. – 2022а. – № 2(49). – С. 302-306.

237. Финаева Е.А. Оценочный концепт STRICT в области воспитательной деятельности // Когнитивные исследования языка. – 2022б. – № 4(51). – С. 803-807.

238. Фролова С.С. Оценочная категоризация человека как личности (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.8 / Фролова Сусанна Саидовна. – Тамбов, 2024. – 247 с.

239. Фурс Л.А. Интерпретация мира в синтаксисе // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 328-351.

240. Фурс Л.А. Антропоцентрический подход к конструированию знания в синтаксисе // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: материалы I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции. 25 марта 2021 года / Под редакцией О.Ю. Ивановой. – Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2021а. – С. 223-228.

241. Фурс Л.А. Когнитивное моделирование в интерпретации комплексного знания на основе метафоры // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: тезисы докладов Международной научной конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения проф. Вероники Николаевны Телия и 100-летию Белорусского государственного университета. 22–24 октября 2021 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021б. – С. 216-217.

242. Фурс Л.А. Вторичная репрезентация знаний в английском синтаксисе // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 273-288.

243. Фурс Л.А. Интерпретативная репрезентация знаний в синтаксисе // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4(55). – С. 475-479.

244. Фурс Л.А. Гармонизация как стратегия бесконфликтной коммуникации // Когнитивные исследования языка. – 2024а. – № 1-1(57). – С. 156-159.

245. Фурс Л.А. Когнитивные стратегии в предвыборных дебатах // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. 28 марта 2024 года. – Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2024б. – С. 255-262.

246. Фурс Л.А. Специфика интерпретационных фокусов в медиадискурсе: когнитивный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия:

Филология. Журналистика. – 2024в. – Т. 24, № 3. – С. 250-256. – DOI 10.18500/1817-7115-2024-24-3-250-256.

247. Фурс Л.А. Фактор антропоцентризма в профессиональной коммуникации // Когнитивные исследования языка. – 2024г. – № 4(60). – С. 90-95.

248. Фурс Л.А., Копырюлина Л.Ю. Особенности конструирования каузации равновесия // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1(35). – С. 245-249.

249. Хабаров А.А. Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. – 2022. – № 1(91). – С. 78-89. – DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_08.

250. Хабаров А.А. Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 5.9.8 / Хабаров Артем Александрович. – М., 2023. – 46 с.

251. Хабаров А.А., Чудинов А.П., Ян К. Образ Китая в российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2(92). – С. 159-171.

252. Хороходина О.В. Дискурсивные приемы импликации инструктивных компонентов в жанре антиутопии // Филологический класс. – 2016. – № 4(46). – С. 74-79. – DOI 10.26710/fk16-04-11.

253. Хорошева Н.В., Банникова А.Д. Проблема манипулятивного речевого воздействия в ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. – 2021. – № 4. – С. 48-55.

254. Цырендоржиева Д.Ш. Системный анализ международного конфликта // Вестник Бурятского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 47-54. – DOI 10.18101/1994-0866-2021-3-47-54.

255. Чепель Н.П. Синтаксические особенности дипломатического текста с позиции эквивалентности в переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-2(76). – С. 176-179.

256. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – 248 с.

257. Чудинов А.П. Человек и мир в зеркале языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 109-110.

258. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

259. Чудинов А.П., Сегал Н.А., Мищенко А.Н. Ассоциативный портрет полицейского в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5(95). – С. 187-191. – DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_19.

260. Чупахина А.О., Петухова Т.И. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в эго-дискурсе художника (на материале англоязычных интервью) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 10. – С. 3707-3713. – DOI 10.30853/phil20240524.

261. Чупрына О.Г. Мир со своими и мир с чужими: представления о мире в древнеанглийском языке // ЛП Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Сборник тезисов. 19–26 марта 2024 года. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. – С. 926-928.

262. Чурганова М.Д. Интегративная модель формирования переводческой компетенции специалиста службы протокола: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2. / Чурганова Мария Дмитриевна. – М., 2024. – 24 с.

263. Шагланова Е.А., Буланова М.Н. Архаизмы в англоязычной дипломатической корреспонденции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 12. – С. 3904-3908. – DOI 10.30853/phil20210625.

264. Шарманова О.С. Метафора, метонимия, метафтонимия. Способы концептуализации грузино-российского конфликта (на примере немецкоязычных СМИ): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шарманова Оксана Сергеевна. – Иркутск, 2012. – 202 с.

265. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.00 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

266. Шестакова Е.В. Оценочный компонент семантики лексических единиц в дипломатическом дискурсе (на материале английского языка) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2023а. – № 4(139). – С. 109-113.

267. Шестакова Е.В. Языковые средства выражения оценки в дипломатическом дискурсе (на материале английского языка) // Язык и динамическая картина мира: Сборник научных статей по материалам докладов Международной научной конференции. 07–09 апреля 2022 года. – Минск: Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», 2023б. – С. 204-209.

268. Шилихина К.М. Иронические комментарии в публичном дискурсе российских дипломатов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 75-86. – DOI 10.29025/2079-6021-2021-3-75-86.

269. Шмелева Т.В. Метонимия в городском ономастиконе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2020. – № 2. – С. 219-227. – DOI 10.26170/ufv20-02-20.

270. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды: Учебное пособие. – М.: ФОРУМ, 2013. – 400 с.

271. Юдина О.Л. Особенности метафорической модели «Управленческая деятельность – это мир растений» в англо-американском и российском управленческом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1(85). – С. 103-115. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_01_09.

272. Юсупова Л.Г. Концептуальная метафора антропоморфного свойства как модель образного переноса // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2(98). – С. 22-28. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_02.

273. Яо Ц. Метафора грязи в политическом дискурсе: фреймо-слотовая структура // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2(92). – С. 212-218.

274. Ahmed Z.S., Karim U. Saudi Arabia's soft power in Pakistan // *Journal of Political Power*. – 2024. – № 17(1). – P. 42-64. <https://doi.org/10.1080/2158379x.2024.2341024>.

275. Aleksandrova A. Source-in-target metonymy and target-in-source metonymy in texts on international affairs // *Studies in Linguistics, Culture, and FLT*. – 2017. – № 05. – P. 77-84.

276. Ana O.S. Brown tide rising: metaphors of Latinos in contemporary American public discourse. *Choice Reviews Online*. – Austin: University of Texas Press, 2002. P. 40-77. <https://doi.org/10.5860/choice.40-3477>.

277. Bandler R., Grinder J. *Reframing: Neuro-Linguistic Programming and the Transformation of Meaning*. – Boulder: Real People Press, 1983. – 208 p.

278. Benford R., Snow D. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // *Annual Review of Sociology*. – 2000. – № 26. – P. 611-640.

279. Brautigam D. «A critical look at Chinese “debt-trap diplomacy”: the rise of a meme» // *Area Development and Policy*. – 2020. – № 5(1). – P.1-14. <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1689828>.

280. Britannica – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.britannica.com/topic/diplomacy/> (дата обращения: 22.08.2025).

281. Calvo Ch. *Dictionnaire de Droit International Public et Prive*. 2 vols. Berlin (and Paris), 1885.

282. Clarke D. Cultural Diplomacy. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. – [Электронный ресурс] – URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-543> (дата обращения: 27.08.2025).

283. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

284. Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616, No 1. – P. 31-54.

285. Deng Y., Yang J., Wan W. Embodied metaphor in communication about lived experiences of the COVID-19 pandemic in Wuhan, China // PloS ONE. – 2021. – –16(12). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261968>.

286. Drößiger H. Metaphorik und Metonymie im Deutschen: Untersuchungen zum Diskurspotenzial semantisch-kognitiver Räume. – Hamburg. Verlag Dr. Kovač, 2007. – 374 p.

287. Entman R. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. – Evanston: Northwestern University, 1993. – P. 51-58.

288. Fernández-Pedemonte D., Casillo F., Jorge-Artigau A.I. Communicating COVID-19: Metaphors we “Survive” by // Tripodos. – 2020. – №2(47). – P. 145-160. <https://doi.org/10.51698/tripodos.2020.47p145-160>.

289. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. – Stanford: Stanford University Press, 1962. – 291 p.

290. Fey M., Ramsay K.W. When Is Shuttle Diplomacy Worth the Commute? Information Sharing through Mediation. // World Politics. – 2010. – №62(4). – P. 529-560. <https://doi.org/10.1017/s0043887110000183>.

291. Flassan G. de R. de. Histoire Generate et Raisonnee de la Diplomatic Fran-chise, 2nd edition. 7 vols. – Paris, 1911.

292. Foster N. Propaganda gone viral: A theory of Chinese and Russian “COVID diplomacy” in the age of social media // The Russian Federation in global knowledge warfare: Influence operations in Europe and its neighbourhood. / In H. Mölder, V. Sazonov, A. Chochia, T. Kerikmäe (Eds.). – Cham: Springer International Publishing, 2021. – P. 123-145. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73955-3_7.

293. Garden Comte Guillaume de, Histoire des Traites de Paix. 13 vols. – Paris, 1848–59. Traite complet de Diplomatic 3 vols. – Paris, 1883.

294. Gibbs R.W., Jr. Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Life. – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2017. – 320 p.

295. Gilbert D., Rivard Piché Gaëlle. Caught Between Giants: Hostage Diplomacy and Negotiation Strategy for Middle Powers (Winter 2021/2022). – Austin: Texas National Security Review, 2022. – P. 12.

296. Gluckman P.D., Turekian V., Grimes R.W., Kishi T. Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside // *Science & Diplomacy*. – 2017. – Vol. 6, No. 4. – P. 13.

297. Gök A., Kara A. Individuals' conceptions of COVID-19 pandemic through metaphor analysis // *Current Psychology*. – 2021. – №41(1). – P. 449-458. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01506-z>.

298. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. – London: Harper and Row, 1974. – 586 p.

299. Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1(3). – P. 323-340.

300. Goossens L. *Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action* // *By Word of Mouth: Metaphor, metonymy and linguistic action in a cognitive perspective*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. – P. 159-174.

301. Goossens L. *Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action* // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. By René Dirven, Ralf Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 350-377.

302. Gross M. L. *Medical diplomacy and the battle for hearts and minds* // In Oxford University Press eBooks, 2021. – P. 204-226. <https://doi.org/10.1093/med/9780190694944.003.0011>.

303. Hilmi M. *Gastro-Diplomacy or Food Diplomacy: A Case study* // *Middle East Journal of Agriculture Research*. – 2023. – № 12. – P. 747-771. <https://doi.org/10.36632/mejar/2023.12.4.50>.

304. Hotez P.J. «Vaccine Diplomacy»: historical perspectives and future directions. // *PloS Neglected Tropical Diseases*. – 2014. – № 8(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0002808>.

305. Ivanov A., Nikonova Z., Frolova N., Muratbayeva I. Linguistic potential of COVID-19 neologisms in the metaphoric language of socio-political discourse // *Communication and the Public*. – 2023. – № 8(3). – P. 237-253.
306. Jamil A., Goyette M. Gift baskets for South Asia: Nuclear risk reduction and crisis management // *International Journal of Nuclear Security*. – 2021. – Vol. 7, №1. <https://doi.org/10.7290/ijns07s2wc>.
307. Jackendoff R. *Languages of the Mind. Essays on Mental Representation*. – Cambridge: MIT Press, 1995. – 200 p.
308. Katz R., Kornblet S., Arnold G., Lief E., Fischer J.E. Defining Health Diplomacy: Changing demands in the era of Globalization // *Milbank Quarterly*. – 2011. – № 89(3). – P. 503-523. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2011.00637.x>.
309. Kluber J.L. *Acten des Wiener Congresses*, 2nd edition. – Erlangen, 1817–35.
310. Kudaeyeol N. The Failure of Baekje's Prudential Diplomacy: Revisiting the Samguk sagi from an International Relations Perspective // *Korea Journal*. – 2010. – № 50(2). – P. 158-181. <https://doi.org/10.25024/kj.2010.50.2.158>.
311. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
312. Langacker R.W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 573 p.
313. Leira H., Neumann I.B. Beastly diplomacy // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2016. – № 12(4). – P. 337-359. <https://doi.org/10.1163/1871191x-12341355>.
314. Leontovich O. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective // *Russian Journal of Linguistics*. – 2015. – № 4. – P. 49-56.
315. Lieberman P. *The biology and evolution of language*. – Cambr. (Mass.); L.: Harvard UP, 1984. – P. 7.
316. Lysyakova M., Oshurmahmadova S. Towards the terminological status of Diplomatic Documentation Vocabulary // *The European proceeding of Social and Behavioural sciences*. – 2020. – Vol. 92. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/>. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.112>.

317. Melissen J. The new public diplomacy: soft power in international relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – 240 p.
318. Minsky M. A framework for Representing Knowledge. – Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology A.I. Laboratory, 1974. – 76 p.
319. Mironina A.Y., Porchesku G.V. Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2023. – Vol. 9, No. 2. – P. 4-18. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1>.
320. Müller S., Brazys S., Dukalskis A. Discourse wars and ‘mask diplomacy’: China’s global image management in times of crisis // Political Research Exchange. – 2024. – № 6(1). <https://doi.org/10.1080/2474736X.2024.2337632>.
321. Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 240 p.
322. Nygård H.M., Gates S. Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building // International Area Studies Review. – 2013. – №16(3). – №235–243. <https://doi.org/10.1177/2233865913502971>.
323. Owtram F. «Friend to All, Enemy to None»: Oman’s Quiet Diplomacy since 1970 // Edinburgh University Press eBooks. – 2022. – P. 437–454. <https://doi.org/10.1515/9781474493482-022>.
324. Radden G. How metonymic are metaphors? // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. By A. Barcelona. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 93-108.
325. Rigstad M. The ‘Bush Doctrine’ as a hegemonic discourse strategy // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2009. – № 12(3). – P. 377-398. <https://doi.org/10.1080/13698230903127895>.
326. Rivier A. Principes du Droit des Gens. 2 vols. – Paris, 1896.
327. Rockower P.S. Projecting Taiwan: Taiwan’s public diplomacy outreach // Issues & Studies. – 2011. – № 47(1). – P. 107-152. [https://doi.org/10.7033/ise.201103_47\(1\).0004](https://doi.org/10.7033/ise.201103_47(1).0004).
328. Schmidt S. Soft Power or Neo-colonialist Power? African Perceptions of the EU // Review of European Studies. – 2012. – Vol. 4, № 3. – P. 100-110.

329. Schön and Rein. *Frame Reflection: Toward the Resolution of Intractable Policy Controversies*. – New York: Basic Books, 1994. – 272 p.

330. Salamurović A. Metonymy and the conceptualisation of nation in political discourse // *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*. – 2020. – Vol. 8, Issue 1. – P. 181-196. <https://doi.org/10.1515/GCLA-2020-0011>.

331. Seethawaka D., Edirisinghe A. Panda Saves the Day: Implementing Panda Diplomacy to Safeguard Diplomatic Animals // *Global Journal of Animal Law*. – 2023. – №11(1). – P. 41-52.

332. Selezneva N.V. Wolf Warrior Diplomacy – Foreign Policy for Internal Use in China // *Governance and Politics*. – 2022. – Vol. 1, №. 2. – P. 44-58. – <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2022-1-2-44-58>.

333. Stanley B.L., Zanin A.C., Avalos B.L., Tracy S.J., Town S. Collective Emotion during Collective Trauma: A Metaphor analysis of the COVID-19 Pandemic // *Qualitative Health Research*. – 2021. – № 31(10). – P. 1890-1903. <https://doi.org/10.1177/10497323211011589>.

334. Strom M., Alcock E. Floods, waves, and surges: the representation of Latin immigrant children in the United States mainstream media // *Critical Discourse Studies*. – 2017. – №14(4). – P. 440–457. <https://doi.org/10.1080/17405904.2017.1284137>.

335. Susanto Siti R. Spreading the Wings Wider, Shaping the Nations: EEPIS's Role in Transforming Indonesia's Vocational Higher Education as the Impact of Japanese Development Assistance (1987-2004) // *Proceedings of the 1st International Conference on Social, Politics, and Humanities (IcoSoPH) Universitas Bangka*. – Belitung, 2020. – P. 63-69.

336. Svanberg I. A Russian Polar Bear in Stockholm: Notes on Animal Diplomacy // *Yearbook of the Swedish Linnaeus Society*. – 2016. – P. 107-109.

337. Talmy L. Relating Language to Other Cognitive Systems: An Overview // *Cognitive Semantics*. – 2015. – Vol. 1, Issue 1. – P. 1-64.

338. Taylor J.R. *Cognitive grammar*. – Oxford: Oxford university press, 2002. – 634 p.

339. Turekian V., Gluckman P. Science Diplomacy and the Rise of Technopoles // *Issues in Science and Technology*. – 2024. – № 1. – P. 51-55. <https://doi.org/10.58875/PSYH6414>.

340. Van Loon A., Goldberg A., Srivastava S.B. Imagined otherness fuels blatant dehumanization of outgroups // *Communications Psychology*. – 2024. – № 2(1). <https://doi.org/10.1038/s44271-024-00087-4>.

341. Vienna Convention on Diplomatic Relations. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_1_1961.pdf. (дата обращения: 19.08.2025).

342. Vondracek H. China's Stadium Diplomacy and its Determinants // *Journal of China and International Relations*. – 2021. – № 7(1). – P. 62-86. <https://doi.org/10.5278/jcir.v7i1.3543>.

343. Vural Ö.F., Başaran M., Demirtaş Z., Karamanlı A.R., Bayraktıcı C. Students' «COVID-19» and «school» perceptions in the pandemic // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – № 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.897177>.

344. Welcher O., Feldman D. Increasing NATO's Resilience: Soft Power as a Countermeasure to Hybrid Threats // *Joint Air & Space Power Conference 2021 Read Ahead*. – 2021. – P. 61-68.

345. Yuan S. Tracing China's diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications // *Humanit Soc Sci Commun*. – 2023. – № 10. – P. 837. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02367-6>.

346. Zerubavel E. *The fine line*. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 205 p.

347. Zreik M. China's Belt and Road initiative // *Advances in human services and public health (AHSPH) book series*. – 2024. – № 29(2). – P. 84-103. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-9467-7.ch005>.

Список использованных словарей

1. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: ООО «СИЭТС»: Бука, 2010. URL: <http://www.bse-online.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: АСТ, 2023. – 560 с.
3. Дипломатический словарь / Под ред. А.Я. Вышинского и С.А. Лозовского. – М.: Изд-во политической литературы, 1948. – 926 с.
4. Дипломатия. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
5. Кондаков И.М. Психологический словарь. – М.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. – 508 с.
6. Немов Р.С. Психологический словарь. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2018. – 736 с.
8. Салимзянов Р.Р. Словарь спортивных терминов. – Ульяновск: УВАУ ГА(и), 2008. – 116 с.
9. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Словарь современных политических ярлыков. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 176 с.
10. Словарь издательства Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 22.08.2025).
11. СФТ – Словарь философских терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://1053.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.08.2025).
12. Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2005. – 1059 с.
13. СЭС – Социологический энциклопедический словарь. – М.: Издательство НОРМА–ИНФРА М, 2000. – 488 с.

14. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
15. AHD – The American Heritage Dictionary of the English Language by Houghton Mifflin [Электронный ресурс]. URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 12.06.2025).
16. APAD – American Psychological Association Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.apa.org/> (дата обращения: 22.07.2025).
17. BD – Britannica Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 23.07.2025).
18. BLD – Bouvier’s Law Dictionary (A Law Dictionary Adapted to the Constitution and Laws of the United States of America, and of the Several States of the American Union; with References to the Civil and Other Systems of Foreign Law) [Электронный ресурс]. URL: https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/709993/lawdictionary_bouv_1860_01_d_f.pdf?sequence=7&isAllowed=y (дата обращения: 17.06.2025).
19. BOD – Biology Online Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biologyonline.com/dictionary/> (дата обращения: 22.07.2025).
20. CD – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 16.08.2025).
21. CCALD – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 24.08.2025).
22. Collins Thesaurus of the English Language [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (дата обращения: 22.08.2025).
23. Developmental Psychology Glossary [Электронный ресурс]. URL: <https://fiveable.me/key-terms/developmental-psychology> (дата обращения: 21.07.2025).

24. Dictionary.com. – Meanings and Definitions of English Words. Dictionary.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 19.07.2025).
25. Encyclopedia.com – The World's #1 Online Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.encyclopedia.com/>(дата обращения: 22.06.2025).
26. Farlex – The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>(дата обращения: 14.07.2025).
27. FDI – Farlex Dictionary of Idioms [Электронный ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 15.07.2025).
28. Justia Legal Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.justia.com/>(дата обращения: 26.07.2025).
29. LD – Legal Dictionary: The Law Dictionary for Everyone [Электронный ресурс]. URL: <https://legaldictionary.net/> (дата обращения: 23.06.2025).
30. MWD – Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.08.2025).
31. OALD – Oxford Academic Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 21.08.2025).
32. Taegan Goddard's Political Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://politicaldictionary.com/> (дата обращения: 18.06.2025).
33. The Law Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://thelawdictionary.org/> (дата обращения: 11.06.2025).
34. Vocabulary.com – A dictionary for learning [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vocabulary.com/>(дата обращения: 20.08.2025).

Список источников фактического материала

1. A Roadmap for US Global Leadership [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usglc.org/media/2021/03/USGLC-2021-Report-on-Reports.pdf> (дата обращения: 22.08.2025).
2. ABC News [Электронный ресурс]. URL: <https://abcnews.go.com/> (дата обращения: 17.07.2025).
3. Africa's Leading News [Электронный ресурс]. URL: <https://africa.com/> (дата обращения: 03.08.2025).
4. All-American Model UN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.allamericanmun.com/> (дата обращения: 15.07.2025).
5. Almariam [Электронный ресурс]. URL: <https://almariam.com/> (дата обращения: 20.07.2025).
6. American Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/> (дата обращения: 16.07.2025).
7. American Enterprise Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aei.org/> (дата обращения: 18.08.2025).
8. Anchorage Daily News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adn.com/> (дата обращения: 09.07.2025).
9. AP News [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/> (дата обращения: 21.08.2025).
10. Aspen Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://amti.csis.org/> (дата обращения: 14.08.2025).
11. Berkley Center for Religion, Peace and World Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://berkleycenter.georgetown.edu/> (дата обращения: 10.07.2025).
12. Bloomberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/europe> (дата обращения: 29.07.2025).
13. Brill [Электронный ресурс]. URL: <https://brill.com/> (дата обращения: 14.06.2025).

14. British Strategic Leadership: Food for Thought [Электронный ресурс]. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/90354/SP_2.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
15. Canadian Global Affairs Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cgai.ca/> (дата обращения: 29.06.2025).
16. China Daily Global [Электронный ресурс]. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/> (дата обращения: 17.06.2025).
17. CIDCM – Center for International Development and Conflict Management [Электронный ресурс]. URL: <https://cidcm.umd.edu/> (дата обращения: 13.06.2025).
18. City Diplomacy: the EU’s Hidden Capacity to Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/69821> (дата обращения: 04.07.2025).
19. CNN World [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/world> (дата обращения: 11.08.2025).
20. Communion and Liberation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.clonline.org/en> (дата обращения: 26.08.2025).
21. Diplo Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomacy.edu/> (дата обращения: 05.08.2025).
22. Diplomacy360 [Электронный ресурс]. URL: <https://diplomacy360.com/> (дата обращения: 19.06.2025).
23. Diplomacy, development and security in the age of globalization [Электронный ресурс]. URL: <https://www.guerrilladiplomacy.com/the-book/guerrilla-diplomacy-introduction/> (дата обращения: 03.08.2025).
24. Diplomacy for the 21st Century: Transformational Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/RL34141.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).
25. Diplomat Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://diplomatmagazine.com/> (дата обращения: 22.08.2025).
26. Diplomatic Courier [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomaticcourier.com/> (дата обращения: 28.08.2025).
27. Diplomatic Watch [Электронный ресурс]. URL: <https://diplomaticwatch.com/> (дата обращения: 18.07.2025).

28. E-International Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/> (дата обращения: 11.08.2025).
29. ELocal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elocal.co.nz/> (дата обращения: 23.08.2025).
30. E3G [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e3g.org/about/> (дата обращения: 26.07.2025).
31. Encyclopedia.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.encyclopedia.com/> (дата обращения: 14.06.2025).
32. European Council on Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/> (дата обращения: 09.06.2025).
33. European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en> (дата обращения: 15.07.2025).
34. Evergreen Review [Электронный ресурс]. URL: <https://evergreenreview.com/> (дата обращения: 16.07.2025).
35. Explained: Iron Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etvbharat.com/en!/international/> (дата обращения: 22.08.2025).
36. FasterCapital [Электронный ресурс]. URL: <https://fastercapital.com/> (дата обращения: 23.08.2025).
37. Financial Review [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afr.com/> (дата обращения: 19.07.2025).
38. Financial Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/> (дата обращения: 28.07.2025).
39. Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/> (дата обращения: 12.08.2025).
40. Forum Daily [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forumdaily.com/> (дата обращения: 11.08.2025).
41. Fulcrum [Электронный ресурс]. URL: <https://fulcrum.sg/> (дата обращения: 17.08.2025).
42. Greenfield Recorder [Электронный ресурс]. URL: <https://recorder.com/> (дата обращения: 22.06.2025).

43. History [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/> (дата обращения: 24.06.2025).
44. Idaho Mountain Express Newspaper [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mtexpress.com/> (дата обращения: 12.07.2025).
45. India Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indiatimes.com/> (дата обращения: 19.08.2025).
46. Indian Americans Through the Looking Glass [Электронный ресурс]. URL: <https://americankahani.com/> (дата обращения: 07.08.2025).
47. IPS Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ips-journal.eu/> (дата обращения: 16.07.2025).
48. Is the Kitchen the New Venue of Foreign Policy? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.american.edu/spa/gov/first-ladies/upload/kitchen-as-the-new-venue-of-foreign-policy.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).
49. IMTD – Institute for Multi-Track Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://imtdsite.wordpress.com/about/achievements/> (дата обращения: 22.08.2025).
50. Journal of Public Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/> (дата обращения: 04.08.2025).
51. Just Security [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justsecurity.org/> (дата обращения: 13.08.2025).
52. LDV – Liberal Democratic Voice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libdemvoice.org/> (дата обращения: 03.08.2025).
53. Ludwig Guru [Электронный ресурс]. URL: <https://ludwig.guru/> (дата обращения: 12.07.2025).
54. Meridian Explainer [Электронный ресурс]. URL: <https://meridian.org/> (дата обращения: 17.08.2025).
55. Miller Center [Электронный ресурс]. URL: <https://millercenter.org/> (дата обращения: 29.06.2025).
56. National Center for Biotechnology Information [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/> (дата обращения: 16.07.2025).

57. New Zealand Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interest.co.nz/> (дата обращения: 22.08.2025).

58. NTI – The Nuclear Threat Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nti.org/> (дата обращения: 14.07.2025).

59. Nuclear Diplomacy in the Age of Social Media [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cpsa-acsp.ca/documents/conference/2019/251.Fryer.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

60. On the Issues [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ontheissues.org/> (дата обращения: 27.08.2025).

61. Open Edition Journals [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/?lang=en> (дата обращения: 15.08.2025).

62. Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/> (дата обращения: 28.07.2025).

63. PBS News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/newshour/> (дата обращения: 22.07.2025).

64. Peace Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://peacediplomacy.org/> (дата обращения: 26.07.2025).

65. Per Concordiam [Электронный ресурс]. URL: <https://perconcordiam.com/defense-diplomacy/> (дата обращения: 08.08.2025).

66. PlayerFM [Электронный ресурс]. URL: <https://player.fm/featured/topics/channels> (дата обращения: 17.08.2025).

67. Press TV [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2026/04/18> (дата обращения: 16.06.2025).

68. "Public Diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase [Электронный ресурс]. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата обращения: 28.07.2025).

69. Rapid Round-up: Foreign policy White Paper [Электронный ресурс]. URL: <https://www.policyforum.net/rapid-round-up-fp-white-paper/> (дата обращения: 23.07.2025).

70. Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/> (дата обращения: 20.08.2025).

71. Reverso Context [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net/translation/> (дата обращения: 11.08.2025).

72. RisePearl [Электронный ресурс]. URL: <https://risepearl.com/digital-diplomacy-techs-role-in-shaping-global-trade/> (дата обращения: 12.07.2025).

73. Shilard Fitz-Oesterlen [Электронный ресурс]. URL: https://witcher.fandom.com/wiki/Shilard_Fitz-Oesterlen (дата обращения: 17.07.2025).

74. Slate [Электронный ресурс]. URL: <https://slate.com/> (дата обращения: 29.06.2025).

75. South Asia Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://southasiajournal.net/> (дата обращения: 24.08.2025).

76. Spiked [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiked-online.com/> (дата обращения: 08.07.2025).

77. Taipei Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taipetitimes.com/> (дата обращения: 15.07.2025).

78. The Diplomat [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/> (дата обращения: 22.08.2025).

79. The Economic Times [Электронный ресурс]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/> (дата обращения: 16.08.2025).

80. The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/> (дата обращения: 14.07.2025).

81. The European Conservative [Электронный ресурс]. URL: <https://europeanconservative.com/> (дата обращения: 12.07.2025).

82. The European Economic and Social Committee [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eesc.europa.eu/en> (дата обращения: 17.08.2025).

83. The Financial Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.financialexpress.com/> (дата обращения: 23.07.2025).

84. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 12.08.2025).

85. The Hindu [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thehindu.com/> (дата обращения: 06.07.2025).

86. The Mountain Runner [Электронный ресурс]. URL: <https://mountainrunner.us/> (дата обращения: 05.08.2025).

87. The New Public Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/23267995/The_New_Public_Diplomacy_Soft_Power_in_International_Relations (дата обращения: 26.07.2025).

88. The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nybooks.com/> (дата обращения: 20.07.2025).

89. The New York Times Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/section/magazine> (дата обращения: 17.07.2025).

90. The New Zealand Herald [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nzherald.co.nz/> (дата обращения: 14.07.2025)

91. The New Zealand Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nzinitiative.org.nz/> (дата обращения: 15.07.2025)

92. The Parliament Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theparliamentmagazine.eu/> (дата обращения: 22.08.2025)

93. The Philadelphia Trumpet Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetrumpet.com/> (дата обращения: 19.07.2025).

94. The Spectator [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spectator.co.uk/> (дата обращения: 29.06.2025).

95. The Sydney Morning Herald [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smh.com.au/> (дата обращения: 03.08.2025).

96. The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 28.07.2025).

97. Tracing China's Diplomatic Transition to Wolf Warrior Diplomacy and its Implications [Электронный ресурс]. URL:

https://www.researchgate.net/publication/375744079_Tracing_China's_diplomatic_transiti_on_to_wolf_warrior_diplomacy_and_its_implications (дата обращения: 20.06.2025).

98. Trumped! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trumped.uk/> (дата обращения: 22.08.2025).

99. Truthout [Электронный ресурс]. URL: <https://truthout.org/> (дата обращения: 23.08.2025).

100. USC – Center on Public Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/> (дата обращения: 17.08.2025).

101. U.S. Government Information [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/> (дата обращения: 14.07.2025).

102. USIP – United States Institute for Peace [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org/> (дата обращения: 06.08.2025).

103. US ITA – United States International Trade Administration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trade.gov/> (дата обращения: 15.08.2025).

104. UN General Assembly Sixty-sixth Session. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/494/89/pdf/n1149489.pdf> (дата обращения: 19.08.2025).

105. Up in the Air [Электронный ресурс]. URL: <https://twistedblood.wordpress.com/2011/07/22/up-in-the-air/#more-1764> (дата обращения: 27.07.2025).

106. Urban Wronski Writes [Электронный ресурс]. URL: <https://urbanwronski.com/> (дата обращения: 12.08.2025).

107. Vanguard Think Tank [Электронный ресурс]. URL: <https://vanguardthinktank.org/> (дата обращения: 15.07.2025).

108. What is Climate Diplomacy? [Электронный ресурс]. URL: <https://climate-diplomacy.org/what-climate-diplomacy> (дата обращения: 21.08.2025).

109. Wiktionary [Электронный ресурс]. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (дата обращения: 19.08.2025).

110. World Jurisprudence [Электронный ресурс]. URL: <https://worldjurisprudence.com/> (дата обращения: 17.07.2025).

111. Yale Global Online [Электронный ресурс]. URL:
<https://world.yale.edu/yale-global-online> (дата обращения: 19.07.2025).